

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

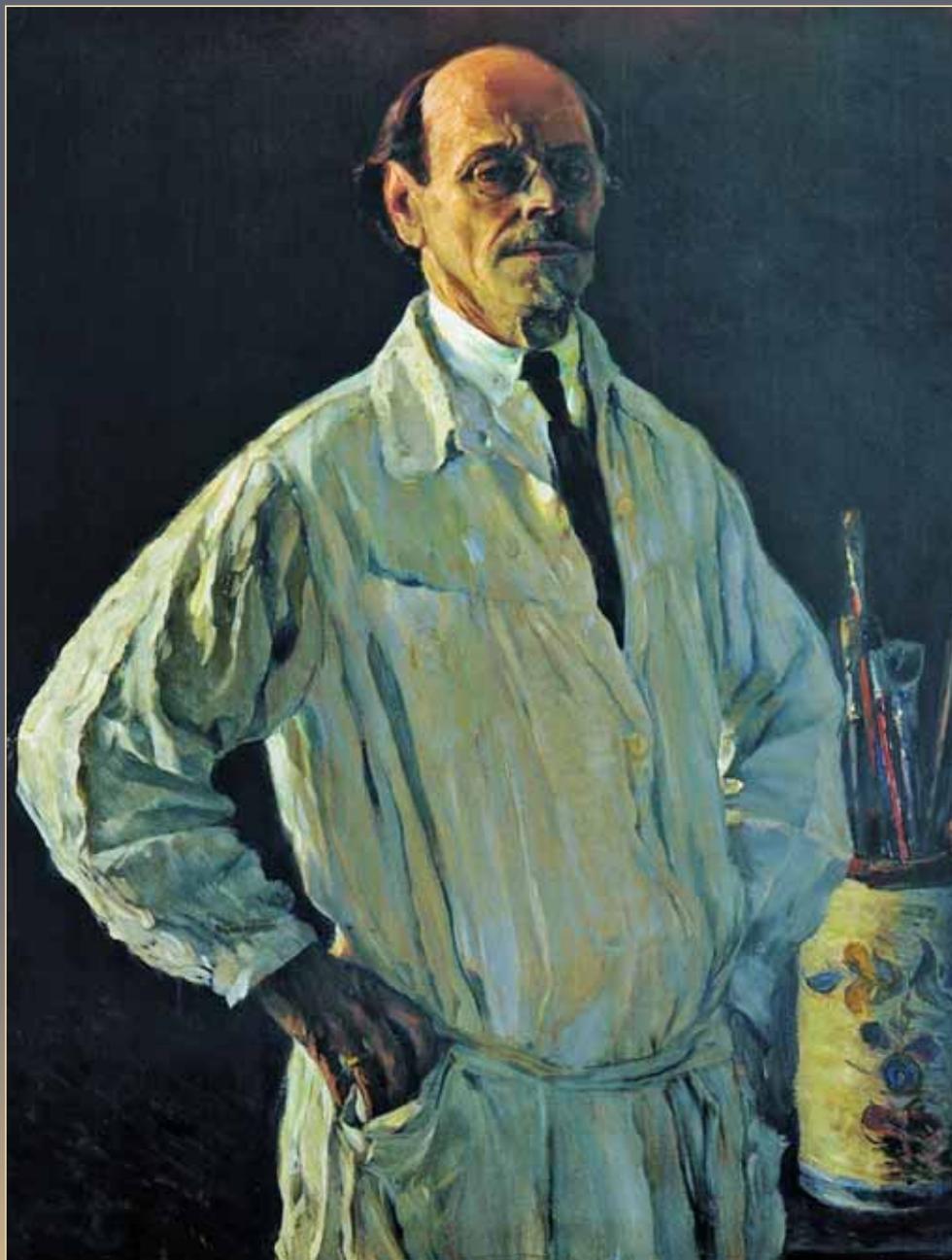
СМЕНА

№ 12 ДЕКАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2020

*О жизни и творчестве художника М.В. Нестерова
читайте на странице 74.*

Это интересно

- Евгения Гордиенко* **Аве, Аверченко** 4
Александр Обоимов **Белые пятна Арктики** 59

Из российской истории

- Денис Логинов* **Невеста двух наследников** 16

Ретродетектив

- Алексей Филиппов* **Марфа-колдунья** 36

Замечательные современники

- Елена Воробьева* **Александр Созонов:
«Театр — самое интенсивное
проживание человеческой
жизни»** 53

Шедевры

- Ирина Опимах* **Антонис Ван Дейк.
Жизнь и смерть леди Дигби** 66

Эссе

- Виктор Ом* **М.В. Нестеров.
«Малиновый звон» в снегопаде** 74

Уголки России

- Марина Бойкова* **Гороховец** 88

Неизвестное об известном

- Юрий Осипов* **Горечь после фанфар** 97
Анатолий Крищенко **Пророчество денщика** 104
Алла Зубкова **Мачо за дирижерским пультом** 112

Славянские древности

- Агния Заберина* **В декабре, в декабре
все деревья в серебре** 120

Детектив

- Александр Аннин* **Сокровища Гохрана** 122

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фото Александра Обоимова

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 9317

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.11.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« В Советском Союзе имя Георгия Гамова старались забыть. В 1938 году его, самого молодого член-корреспондента Академии наук (он получил это звание в 28 лет), исключили из состава академии, и фамилии его больше не было в энциклопедиях.

А ведь с участием Гамова был создан первый в Европе циклотрон. Молодой физик стремительно ворвался в мировую научную элиту и... так же стремительно из нее исчез, когда опустился «железный занавес».

Денис **Логинов** «Ученый от бога»

« После Шекспира этот писатель признан вторым в английской литературе по силе воображения. И сегодня тиражи его произведений по-прежнему огромны. По его романам снимаются фильмы, телеспектакли и даже мюзиклы. Его учениками считали себя Достоевский, Кафка, Фолкнер, Прус. Слава пришла к Чарльзу Диккенсу в 24 года и не покидала его до последнего часа. Он не страдал от недостатка самомнения и называл себя, пусть и с известной долей иронии, «неподражаемым».

Алла **Зубкова** «Великий и неподражаемый»

« Дать четкое определение человеку, о котором идет речь, невозможно. Он и сам затруднялся в этом, написав в своих мемуарах: «Я зарегистрирован в качестве художника-декоратора русских балетов. В действительности же деятельность моя не ограничивается театром... Она, можно сказать, относится к царству, подвластному Фебу-Аполлону, но не могу же я на карточке поставить «Александр Бенуа, Служитель Аполлона». Между тем, именно этим он и занимался всю жизнь — служил Аполлону....

Евгения **Гордиенко** «Служитель Аполлона»

« Окончание детектива Александра **Аннина** «Сокровища Гохрана».

Ave, Аверченко!

Если спросить современного читателя о русских и советских сатириках, которых он знает, то имя Аркадия Аверченко, скорее всего, не окажется среди первых. Вспомнят Зощенко, Ильфа и Петрова, Катаева. А Аверченко — уже потом. Между тем, именно «из его шинели» во многом и выросли те, кого мы считаем «золотым составом» советской сатирической школы. Почему же о жизни Аверченко помнят и знают так мало?

Причин тому много, и, прежде всего, они связаны с историей нашей страны, которую Аверченко был вынужден покинуть.

Однако начнем с самого начала, правда, обозначить точку отсчета будет непросто, так как Аркадий Тимофеевич Аверченко, родившийся в городе Севастополе... не знал даты своего рождения. Всю жизнь он называл разные даты и шутил по этому поводу (как, впрочем, и по любому другому), а в анкетах указывал годом рождения то 1881, то 1882, то 1883, а то и вовсе 1884. Нельзя сказать, чтобы это как-то мешало ему в жизни, ведь, в зависимости от настроения, он мог становиться то старше, то моложе.

Настоящим же годом рождения писателя (это выяснилось только в 1990-е годы благодаря обнаруженной в церкви Петра и Павла Книге записи

актов гражданского состояния) был 1880, дата — 15 марта по старому стилю. Сам Аркадий Тимофеевич писал об этом событии: «Еще за пятнадцать минут до рождения я не знал, что появлюсь на свет. Это само по себе пустячное указание я делаю лишь потому, что желаю опередить на четверть часа всех других замечательных людей, жизнь которых с утомительным однообразием описывалась непременно с момента рождения».

Как можно увидеть, самоирония была абсолютно неотъемлемой частью писателя.

Детство его прошло в Севастополе, где мальчишка, невзирая на купеческий статус отца, считался «босяком». Семья жила небогато, к тому же у Аркадия было еще шесть сестер. К 1890 году дела у Тимофея Петровича пошли совсем плохо. Его деловые качества легко можно угадать, прочитав гораздо более позднее воспоминание Аверченко об отце. Будучи в Венеции, плывя по каналу в гондоле, он думал: «Какую бы торговлю открыл этот неугомонный купец, этот удивительный беспокойный коммерсант? И тут же я мысленно ответил сам себе: «Торговлю лошадиной упряжью открыл бы мой отец. И если бы через месяц он ликвидировал предприятие за отсутствием покупателей, то его коммерческая жилка потянула бы его на другое предприятие — торговлю велосипедами».

Аркадий рос болезненным, а к восьми годам у него обнаружили серьезные проблемы со зрением, справиться с которыми не удастся ни в этом возрасте, ни позже.

Из-за отсутствия денег в семье и слабого здоровья Аверченко, по сути, не получил никакого образования. Однако безграмотным не был: сестры занялись им со всем пылом юных девиц, обучили чтению, письму, а отец рассказал об основах бухгалтерии, что весьма пригодилось писателю впоследствии. С 13 лет ему пришлось пойти на службу писцом, а затем — в шестнадцатилетнем возрасте — и вовсе покинуть Севастополь. Его сестра Мария вышла замуж и вместе с мужем уехала на Брянский рудник, взяв с собой брата, чтобы облегчить жизнь родителям.

На руднике Аркадий работал помощником счетовода, но работа эта — как и сам рудник — ему не нравилась. Удача улыбнулась ему в 1900 году: контору рудника перевели в Харьков, а вместе с конторой переехал и Аверченко.

В городе он освоился быстро, сменил службу — стал работать счетоводом уже в другой конторе, а вечера проводить в кафешантанах

или в гостях. По тогдашней моде он записывал в альбомы девицам свои юмористические экспромты. Увидев талант юноши, кто-то посоветовал Аркадию попробовать что-нибудь напечатать.

Данные относительно его первой публикации разнятся, но общепринятая версия такова: рассказ «Как мне пришлось застраховать свою жизнь» Аверченко отнес в харьковскую газету «Южный край», где тот и был напечатан.

С 1905 года, когда несколько смягчились цензурные запреты, молодой журналист стал печататься в «Харьковских губернских ведомостях», газете «Утро» и в листке «Харьковский будильник». Мастерство росло, а вместе с ним и авторитет.

Там же, в Харькове, случилась беда, которая усугубила проблемы Аверченко со зрением. Что именно произошло, доподлинно неизвестно — то ли драка, то ли Аркадия ранило осколками разбившегося стекла, но в результате он получил серьезную травму левого глаза. Знаменитый харьковский офтальмолог Гиршман советовал глаз удалить, однако Аверченко отказался. Его предупредили, что со временем проблемы могут усилиться, но молодой человек стоял на своем. С тех пор левый глаз у него видеть перестал, а правый сохранял сильную близорукость. Но Аркадия, которому к тому моменту было уже 26 лет, это не остановило — он стал работать еще упорнее. Он дорос уже до редакторской должности в журнале «Штык», когда у него случился конфликт с харьковским генерал-губернатором Николаем Пешковым. Аверченко вспоминал об этом так: «Я стал редактировать журнал «Штык», имевший в Харькове большой успех, и совершенно забросил службу. Лихорадочно писал я, рисовал карикатуры, редактировал и корректировал, и на девятом номере дорисовался до того, что генерал-губернатор Пешков оштрафовал меня на 500 рублей, мечтая, что немедленно заплачу их из карманных денег. Я отказался по многим причинам, главные из которых были отсутствие денег и нежелание потворствовать капризам легкомысленного администратора».

Несмотря на легкий тон, которым писатель повествует об этом конфликте, история дошла до того, что Аверченко пришлось покинуть Харьков. К тому времени он уже посылал свои фельетоны в столичные журналы, а теперь пришло время отправиться в Петербург самому.

В начале 1908 года, когда Аркадий Тимофеевич появился в столице, тут

жизни». Издатель сходу пригласил новичка на редакторское заседание, предложив что-нибудь прочесть, чем глубоко возмутил будущих коллег писателя. Однако вскоре все они поняли, что новичок вовсе не был новичком — он разбирался в работе юмористического журнала и прекрасно придумывал темы. Здесь он нашел людей, которые стали его

И

з-за отсутствия денег в семье и слабого здоровья Аркадий, по сути, не получил никакого образования. Однако безграмотным он не был: сестры обучили его письму, а отец познакомил с основами бухгалтерии, что впоследствии весьма пригодилось будущему писателю

остались только «беззубые» журналы, которые стыдно было и называть сатирическими. Все «острые» издания, рожденные 1905 годом, к тому времени закрылись. Из оставшихся Аверченко выбрал журнал «Стрекоза» и отправился в его редакцию, располагавшуюся на Невском, недалеко от Дворцовой площади.

Там он познакомился с издателем журнала Михаилом Корнфельдом, который недавно получил издание в наследство от отца и яростно занялся его реформированием. Корнфельд вспоминал свое первое впечатление от Аверченко: «...большой, толстый, близорукий, веселый и беззаботный провинциал, еще не «приспособившийся» к петербургской

друзьями на всю жизнь: Алексея Радакова и Николая Ремизова (Ре-Ми). Более того, Аркадий уговорил прежде равнодушную к «Стрекозе» Тэффи сотрудничать с журналом. Обаяния Аверченко было не занимать, женщины обожали его всегда, и хотя писатель ни разу не был женат, его донжуанский список, если бы таковой был составлен, мог бы впечатлить.

Спустя некоторое время он сменил Радакова на посту главного редактора. Тот не обиделся — он понимал, что Аверченко гораздо лучше подходит для этой работы. Первым делом было решено сменить название: вместо «Стрекозы» появился «Сатирикон». Первые два месяца

выходило два идентичных журнала: «Сатирикон» («Стрекоза») и собственно «Сатирикон». Так читателя приучили к новому названию.

Помимо редакции «Сатирикона» и написания для него фельетонов Аверченко не забывал и о собственном творчестве. Он писал неимоверно много, и его южный темперамент в холодном, строгом Петербурге не мог остаться незамеченным. Его стали печатать, причем тоже — много. Александр Куприн писал о нем:

всех, кто знал его тогда, на посту редактора «Сатирикона» он был «на своем месте». Легко работал с коллективом, отлично разбирался в редакционной «кухне», легко шел на эксперименты. Он не вычитывал каждый материал, говоря: «Каждый сам за себя отвечает! Напишет несколько раз плохо, перестанем печатать». И как-то обходилось без халтуры.

При этом он всегда выглядел удивительно спокойным — о невозмутимости редактора ходили

В

начале 1908 года, когда Аркадий появился в столице, тут остались только «беззубые» журналы, все «острые» издания к тому времени закрылись. Из оставшихся Аверченко выбрал журнал «Стрекоза». Вначале его приняли настороженно, однако вскоре все сотрудники редакции поняли, что новичок хорошо разбирался в работе юмористического журнала и прекрасно придумывал темы. Здесь Аверченко нашел людей, которые стали его друзьями на всю жизнь

«Аверченко сразу нашел себя, свое русло, свой тон, свою марку. Читатели же — чуткая середина — необыкновенно быстро открыли его и сразу из уст в уста сделали ему большое и хорошее имя. Тут был и мой, не писательский, а читательский голос».

В моде в те годы были всевозможные «королевские» титулы, и Аркадий Тимофеевич единогласно был провозглашен «Королем смеха». Но титул ни в коей мере не заставил Аверченко зазнаться. По словам

легенды. Сам же он говорил: «Я кисель, никакой бритвой меня не разрежешь».

При этом язык самого главного редактора порой был острее бритвы. В рубрике «Почтовый ящик» под псевдонимом Ave (три первые буквы фамилии) он комментировал письма, приходившие в редакцию:

«Вы беспокоитесь, получена ли ваша рукопись? Не затерялась ли? Если бы затерялась!.. А то — получена!!!»

Или же:

«Прошу напечатать, приняв во внимание, что я сижу теперь на шее матери...» — «Акробатов не печатаем».

«Лицо ее украшали два прекрасных голубых глаза...» — «Сами считали?»

И так далее, и так далее, и так далее...

За пять лет «Сатирикона» было выпущено 300 номеров журнала, 2 миллиона (!) книг — совместно с издательством Корнфельда, написано несчетное количество пьес, декораций к ним, проведены выставки, балы и многое другое.

Аверченко в 1913 году, подводя итоги этих пяти лет, писал: «Если бы все это нам сказал пять лет назад провидец, каждый из нас выслушал бы его, молча повернулся спиной, выбрал бы по крепкой, прочной веревке — и сразу освободился бы и от книг, и от журнала, и от всего другого. Теперь все это позади. Хорошо!»

Но умел Аркадий Тимофеевич и отдыхать. Среди его увлечений значились путешествия, шахматы, авиация (к этому приобщил его Куприн), спорт, музыка. И, конечно, еда. Сам он говорил: «Для меня ресторан — мой дом». О любви Аверченко к вкусной еде слагались легенды. Если задаться целью составить карту «Петербург Аверченко», то большинство адресов будут принадлежать ресторанам: «Вена», «Вилла Родэ», «Принц Альберт», «Медведь», «Фелисьен», «Пивато», ресторан гостиницы «Мо-

Александра Садовская

сковская». И в каждом из них на стене у телефонного аппарата был нацарапан номер Аверченко — вдруг кому придет в голову присоединить его к хорошей компании.

Писал он и для театра — юмористические пьесы, сценические миниатюры. При таком тесном общении с театром было бы удивительно, если бы у него не было романов с актрисами. Одна из самых известных его возлюбленных — Александра Садовская, которая была замужем за антрепренером Анатолием Левантом. У Аркадия Тимофеевича с ней был союз не только любовный, но и творческий — они немало гастролировали вместе. Впрочем, через несколько лет все-таки расстались. Связано ли это было с тем, что писатель был чрезвычайно влюбчив, или с тем, что Садовской хотелось большего, неизвестно.

Раиса Раич

Актрисы в жизни Аверченко появлялись и позже — последней его возлюбленной, уже в эмиграции, была Раиса Раич, тоже вполне замужняя дама. Но мужа крайне редко ревновали к писателю, то ли знали, что все ненадолго, то ли, и вправду, это было очень свободное время. При этом ни от одной из подруг у Аркадия Тимофеевича не было детей. Сожалел ли он об этом под конец жизни? Наверное, ведь детей он очень любил и с племянниками и племянницами возился с огромным удовольствием.

В 1913 году произошел раскол (как считалось — из-за денег) в «Сатириконе», и Аверченко вместе с Радаковым и Ремизовым основали «Новый Сатирикон». С началом Первой мировой войны новый журнал занял активную патриотическую позицию. И хотя идти на фронт Аркадий Тимо-

феевич по состоянию здоровья не мог, он выступал перед ранеными в госпиталях, да и всем своим творчеством старался поддерживать веселый дух в соотечественниках.

Что касается наступивших через несколько лет революционных событий, то их Аверченко не принял всей душой. Довольно скоро вокруг стали арестовывать все больше и больше его знакомых, и он почел за благо перебраться сначала в Киев, а затем — в Крым.

Оказавшись на родине, в Севастополе, в период Врангелевского «сидения», Аверченко успел пообщаться с семьей, выдать замуж двух сестер (присутствие знаменитого брата-писателя существенно упрочило их положение) и, как всегда, много написать. Здесь он также редактировал газету «Юг» (впоследствии «Юг России»).

Однако «сидение», как известно, закончилось к концу 1920 года, и Аркадий Тимофеевич вместе с остальными вынужденными эмигрантами оказался в Стамбуле. Две его сестры — Ольга и Елена — вместе с семьями также уехали, впоследствии обосновавшись в Париже.

Уезжать он не хотел совершенно. Боялся потерять язык, культуру — все то, что так необходимо писателю для работы. По сравнению со многими другими эмигрантами устроился он в Стамбуле неплохо, ездил на гастроли по Европе, даже стал участвовать в постановках собственных пьес.

Со временем положение его выправилось еще больше, он осел в Праге, а множество издательств с удовольствием переводило его работы, за которые ему шли вполне приличные гонорары. И все же Аверченко, по-прежнему выдавая остроту за остротой, стал другим. Он ждал. Ждал, когда же в России закончится безумие, которое вдруг стало новым государством. Ждал возвращения его России.

Но, к сожалению, дожждаться ему было не суждено.

гали печататься, а еще хотел навещать в Берлине возлюбленную Раису Раич и ее мужа Евгения.

Однако осенью у него возникли трудности с дыханием. Сначала он списывал это на последствия операции, однако вскоре стало так плохо, что Аркадий Тимофеевич вынужден был обратиться к врачам. У него оказались серьезные проблемы с сердцем, и Аверченко отправили в санаторий в Подебрады. Но ему становилось все хуже.

Покидать родину Аверченко не хотел совершенно, боялся потерять язык, культуру — все то, что необходимо писателю для работы. Но, увы, пришлось. Он осел в Праге, и множество издательств с удовольствием переводили его работы, за которые ему шли вполне приличные гонорары. И все же он ждал возвращения в Россию. К сожалению, дожждаться было ему не суждено...

Летом 1924 года он собирался на Рижское взморье к друзьям, но неожиданно заболел — дала знать себя застарелая травма глаза. Сам он с неизбывным оптимизмом радовался, что болезнь настигла его в Праге, где ему тут же сделали операцию, а не в Риге или в Ковно, «где глаза не оперируют, а просто вытыкают зонтиком, чтобы не возиться».

После операции он стал поправляться и начал строить планы на будущее. Судя по переписке, собирался в Америку, где ему давно предла-

Человек, всегда окруженный людьми, умирал в одиночестве. Сестры не знали о его болезни, семьи у него не было, а друзья... Друзья были кто где и не имели возможности приехать.

12 марта 1925 года, не дожив двух недель до своего сорокапятоголетия, Аркадий Аверченко умер.

Было написано много некрологов, в основном друзьями и коллегами, среди которых Тэффи, Куприн, Саша Черный... Память о писателе долго еще жила в эмигрантской среде.

Однако на родине он сам и его творчество были преданы забвению на долгие годы, вплоть до шестидесятых...

Похоронен Аркадий Тимофеевич в Праге, на Ольшанском кладбище. На его могиле стоит памятник, поставленный только спустя пять лет после смерти писателя. Средства на него собирали по всем друзьям, зна-

комым, да и просто почитателям аверченковского таланта.

К счастью, сегодня мы имеем возможность открыть для себя этого удивительного писателя-сатирика, где-то улыбнуться, где-то рассмеяться в голос, а где-то — даже загрустить. И этого вполне достаточно, чтобы помнить господина Ave, Аркадия Тимофеевича Аверченко.

Аркадий Аверченко

ПОЭТ

— Господин редактор, — сказал мне посетитель, смущенно потупив глаза на свои ботинки, — мне очень совестно, что я беспокою вас. Когда я подумую, что отнимаю у вас минутку драгоценного времени, мысли мои ввергаются в пучину мрачного отчаяния... Ради Бога, простите меня!

— Ничего, ничего, — ласково сказал я, — не извиняйтесь.

Он печально свесил голову на грудь:

— Нет, что уж там... Знаю, что обеспокоил вас. Для меня, не привыкшего быть назойливым, это вдвойне тяжело.

— Да вы не стесняйтесь! Я очень рад. Только, к сожалению, ваши стихи не подошли.

— Э? — Разинув рот, он изумленно посмотрел на меня. — Эти стихи не подошли?!

— Да, да. Эти самые.

— Эти стихи?! Начинающиеся:

*Хотел бы я ей черный локон
Каждое утро чесать
И, чтоб не гневался Аполлон,
Ее власы целовать...*

Эти стихи, говорите вы, не пойдут?!

— К сожалению, должен сказать, что не пойдут именно эти стихи, а не какие-нибудь другие. Именно начинающиеся словами: «Хотел бы я ей черный локон...»

— Почему же, господин редактор? Ведь они хорошие.

— Согласен. Лично я очень ими позабавился, но... для журнала они не подходят.

— Да вы бы их еще раз прочли!

— Зачем же? Ведь я читал.

— Еще разик!

Я прочел в угоду посетителю еще разик и выразил одной половиной лица восхищение, а другой — сожаление, что стихи все-таки не подойдут.

— Гм... Тогда позвольте их... Я прочту! «Хотел бы я ей черный локон...»

Я терпеливо выслушал эти стихи еще раз, но потом твердо и сухо сказал:

— Стихи не подходят.

— Удивительно. Знаете что: я вам оставлю рукопись, а вы после вчитайтесь в нее. Вдруг да подойдет.

— Нет, зачем же оставлять?!

— Право, оставлю. Вы бы посоветовались с кем-нибудь, а?

— Не надо. Оставьте их у себя.

— Я в отчаянии, что отнимаю у вас секундочку времени, но...

— До свиданья!

Он ушел, а я взялся за книгу, которую читал до этого. Развернув ее, вдруг увидел положенную между страниц бумажку. Прочел:

Хотел бы я ей черный локон...

Каждое утро чесать

И, чтоб не гневался Аполлон...

— Ах, черт его возьми! Забыл свою белиберду... Опять будет шляться! Николай! Догони того человека, что был у меня, и отдай ему эту бумагу.

Николай помчался вдогонку за поэтом и удачно выполнил мое поручение.

В пять часов я поехал домой обедать. Расплачиваясь с извозчиком, сунул руку в карман пальто и нащупал там какую-то бумажку, неизвестно как в карман попавшую. Вынул, развернул и прочел:

Хотел бы я ей черный локон / Каждое утро чесать / И, чтоб не гневался Аполлон, / Ее власы целовать... и так далее.

Недоумевая, как эта штука попала ко мне в карман, я пожал плечами, выбросил ее на тротуар и пошел обедать.

Когда горничная внесла суп, то, помявшись, подошла ко мне и сказала:

— Кухарка чичас нашла на полу кухни бумажку. Может, нужное.

— Покажи.

Я взял бумажку и прочел: «Хотел бы я ей черный ло...» Ничего не понимаю!

— Ты говоришь, в кухне, на полу? Черт его знает... Кошмар какой-то!

Я изорвал странные стихи в клочья и в скверном настроении сел обедать.

— Чего ты такой задумчивый? — спросила жена.

— Хотел бы я ей черный ло... Фу-ты, черт!! Ничего, милая. Устал я.

Во время десерта в передней позвонили и вызвали меня... В дверях стоял швейцар и таинственно манил меня пальцем.

— Что такое?

— Тсс... Письмо вам! Велено сказать, что от одной барышни... Что она очень, мол, на вас надеются, и что вы их ожидания удовлетворите!.. — Швейцар дружелюбно подмигнул мне и хихикнул в кулак.

В недоумении я взял письмо и осмотрел его. Оно пахло духами, было запечатано розовым сургучом, а когда я, пожав плечами, распечатал его, там оказалась бумажка, на которой было написано: «Хотел бы я ей черный локон...» Все — от первой до последней строчки.

В бешенстве изорвал я письмо в клочья и бросил на пол. Из-за моей спины выдвинулась жена и в зловещем молчании подобрала несколько обрывков письма.

— От кого это?

— Брось! Это так... глупости. Один очень надоедливый человек.

— Да? А что это тут написано?.. Гм... «Целовать»... «каждое утро»... «черты... локон...» Негодяй!

В лицо мне полетели клочки письма. Было не особенно больно, но обидно.

Так как обед был испорчен, я оделся и, печальный, пошел побродить по улицам. На углу я заметил около себя мальчишку, который вертелся у моих ног, пытаюсь всунуть в карман пальто что-то беленькое, сложенное в комочек. Я дал ему тумака и, заскрежетав зубами, убежал.

На душе было тоскливо. Потолкавшись по шумным улицам, я вернулся домой и на пороге парадных дверей столкнулся с нянькой, которая возвращалась с четырехлетним Володей из кинематографа.

— Папочка! — радостно закричал Володя. — Меня дядя держал на руках! Незнакомый... дал шоколадку... бумажечку дал... Передай, говорит, папе. Я, папочка, шоколадку съел, а бумажечку тебе принес.

— Я тебя высеку, — злобно закричал я, вырывая из его рук бумажку со знакомыми словами: «Хотел бы я ей черный локон»... — Ты у меня будешь знать!..

Жена встретила меня пренебрежительно и с презрением, но все-таки сочла нужным сообщить:

— Был один господин здесь без тебя. Очень извинялся за беспокойство, что принес рукопись на дом. Он оставил ее тебе для прочтения. Наговорил мне массу комплиментов (вот это настоящий человек, умеющий ценить то, что другие не ценят, меняя это «то» на продажных тварей), и просил замолвить словечко за его стихи. По-моему, что ж, стихи как стихи... Ах! Когда он читал о локонах, то так смотрел на меня...

Я пожал плечами и пошел в кабинет. На столе лежало знакомое мне желание автора целовать чьи-то волосы. Это желание я обнаружил и в ящике с сигарами, который стоял на этажерке. Затем это желание было обнаружено внутри холодной курицы, которую с обеда осудили служить нам ужином. Как это желание туда попало — кухарка толком объяснить не могла.

Желание чесать чьи-то волосы было усмотрено мной и тогда, когда я откинул одеяло с целью лечь спать. Я поправил подушку. Из нее выпало то же желание.

Утром после бессонной ночи я встал и, взяв вычищенные кухаркой ботинки, попытался натянуть их на ноги, но не мог, так как в каждом лежало по идиотскому желанию целовать чьи-то волосы.

Я прошел в кабинет и, сев за стол, написал издателю письмо с просьбой об освобождении меня от редакторских обязанностей.

Письмо пришлось переписывать, так как, сворачивая его, я заметил на обороте знакомый почерк:

Хотел бы я ей черный локон... □

Денис Логинов

Невеста двух наследников

Эта женщина прожила долгую и удивительную жизнь. Рожденная в семье принца Кристиана Глюксбургского, наследника датского короля Фредерика VII, который хоть и был женат дважды, но потомков не имел, Дагмар должна была прожить обычную жизнь обычной европейской принцессы, которых и без нее было предостаточно. Но судьба распорядилась иначе.

Когда Дагмар исполнилось 16 лет, ее отец стал королем, а она — принцессой Датской и желанной невестой для многих особ королевской крови. Ее родная сестра — Александра Датская, вскоре стала супругой будущего британского короля Эдуарда VII. Всем известно, что их сын, король Георг V, имел портретное сходство со своим кузеном Николаем II. Только вот отцом Николая должен был стать совсем другой человек.

Российский император Александр II и его жена Мария Александровна (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская), как раз занимались поиском жены для своего старшего сына, наследника престола Николая Александровича.

В 1864 году отец отправил Николая путешествовать по Европе, в частности посетить Копенгаген, где ему советовали особо обратить внимание на юную Дагмар, о которой в царской семье слышали много хорошего. Брак с принцессой из Дании был выгоден России.

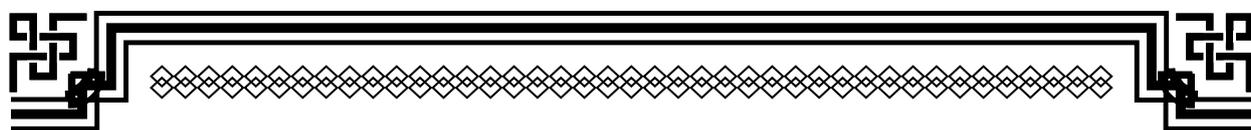
Большеглазая, невысокого роста, миниатюрная, она не блистала особой красотой, но покорила своей живостью, шармом и очарованием.

Дагмар любила свою страну, интересовалась ее историей, литературой. Ближайшим ее другом был пожилой писатель Ганс Христиан Андерсен, который мало к кому был расположен в силу своего характера, но в ней души не чаял. Они часто гуляли вместе, беседовали, обсуждали книги.

Говорят, что знаменитый сказочник очень переживал, когда узнал, что принцессе предстоит в будущем навсегда покинуть родину ради жизни в далекой и непонятной России. Он боялся за судьбу своей любимицы: казалось, что принцессе суждено отправиться жить в далекое и пугающее царство Снежной Королевы.

Но сама Дагмар была спокойна. Ее руки просил наследник русского престола, великий князь Николай Александрович. И она стала ждать свадьбы.

Увы...

Принцесса не была изнеженной белоручкой. С детства ее вместе с сестрами и братьями приучали самим заправлять постель, ухаживать за своей одеждой, контролировали их

дисциплинированность. Обучение давалось серьезное: нужно было читать много научной и художественной литературы, заниматься языками, музыкой, рисованием, физиче-

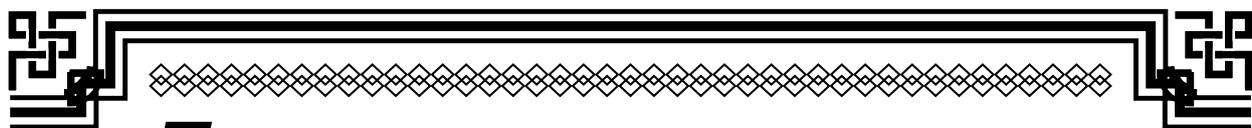
ским развитием, в частности плаванием. Их родители мечтали о самых блестящих союзах для своих детей, но на всякий случай готовили их к самостоятельной жизни.

Как это пригодилось российской императрице на склоне дней!

Великого князя Николая Александровича, старшего сына императора Александра II, в семье называли Никса. Будущий наследник помимо приятной наружности, в лице которого отмечали много сходства с отцом и дедом Николаем I, имел довольно развитый ум и приветливый нрав. Для Александра старший брат был не просто братом, но другом и наставником.

пления здоровья жениха. Сказка продолжалась.

Однако во время путешествия по Италии цесаревич неожиданно для всех серьезно заболел, как полагали, воспалением легких. Николай Александрович здоровьем пошел в мать, императрицу Марию Александровну, тоже часто простужавшуюся в холодном петербургском климате. Врачи твердо верили в скорейшее выздоровление наследника, но оказалось, что у Николая была давняя прогрессирующая болезнь в результате травмы спины. Через месяц после их помолвки состояние наследника русского стало ухудшаться. Целый год теплилась надежда, но тут

Принцесса не была изнеженной белоручкой. С детства ее вместе с сестрами и братьями приучали самим заправлять постель, ухаживать за своей одеждой, быть дисциплинированными. Они много читали, занимались языками, музыкой, рисованием, были физически развиты и особенно любили плавание. Как все это пригодилось позже будущей императрице!

Дагмар искренне полюбила будущего мужа, согласившись ради него сменить веру на православие — это было необходимым условием брака. Нашла общий язык с его братьями, особенно с Александром. Перед свадьбой было решено совершить путешествие по Европе для укреп-

уже врачи стали понимать, что медицина бессильна. Несостоявшийся Николай II медленно угасал в окружении родных.

Начиная с 20 октября 1864 года, он лечился в Ницце. Недели превратились в месяцы, у постели больного почти все время проводили его неве-

*Мария Фредерика
Дагмар с Никсой —
старшим сыном
Александра II*

ста и брат. А весной 1865 года к нему в Ниццу прибыл не на шутку встревоженный император Александр II.

В ночь на 12 апреля 1865 года после многочасовой агонии 22-летний наследник российского престола скончался, причиной его смерти был туберкулезный менингит. Перед тем

как потерять сознание окончательно, он взял с Александра и Дагмар слово не оставлять друг друга после его смерти и сам соединил их руки.

Так, во всяком случае, гласит семейное предание.

Неожиданная смерть наследника потрясла всю Российскую империю

и семью Романовых. Но горе Дагмар поразило тогда всех. В 18 лет она стала вдовой, так и не успев выйти замуж. Принцесса вернулась в Данию, но не нашла там прежнего покоя и счастья. Сердце ее было навеки отдано России — и Россия это оценила. Родители покойного жениха Дагмар несколько месяцев спустя предложили ей стать супругой их второго сына — Александра.

Для России потеря династических договоренностей с Данией была крайне нежелательна. Да и лучшей невестки они себе не представляли. Оставалось убедить сына в несомненных преимуществах этого брака «по наследству».

Александр стал новым наследником престола, чего никогда не желал и о чем никогда даже не помышлял. Как не помышлял и о браке с ино-

земной принцессой: в ней он видел только сестру, а сам давно и серьезно любил фрейлину княжну Мещерскую, хотя понимал, что такого мезальянса семья не допустит. Он попытался даже противиться браку с Дагмар, но безуспешно.

До семи лет мальчиком занимались гувернантки. Его учили чтению, письму, арифметике и Священной истории. Еще ребенком он поражал близких своей силой: мог согнуть серебряную монету или пальцами расколоть грецкий орех. С семи лет за прививание ребенку любви к русской литературе взялся известный профессор словесности и истории Яков Грот. Двухметрового роста, богатырского сложения, молодой человек при этом обладал нежным сердцем и не слишком сильной волей. Поэтому Александр Александрович согласился, более того, выставил это как свое собственное решение, чтобы не было неловко никому. Окончательно решившись сделать предложение, он написал отцу:

«Я уже собирался несколько раз говорить с нею, но все не решался, хотя и были несколько раз вдвоем. Когда мы рассматривали фотографический альбом, мои мысли были совсем не на картинках; я только и думал, как бы приступить с моею просьбою. Наконец я решился и даже не успел всего сказать, что хотел. Минни бросилась ко мне на шею и заплакала. Я, конечно, не мог так же удержаться от слез. Я ей сказал, что милый наш Никс много молится за нас и, конечно, в эту минуту радует-

ся с нами. Слезы с меня так и текли. Я ее спросил, может ли она любить еще кого-нибудь, кроме милого Никса. Она мне отвечала, что никого, кроме его брата, и снова мы крепко обнялись. Много говорили и вспоминали о Никсе, о последних днях его жизни в Ницце и его кончине. Потом пришла королева, король и братья, все обнимали нас и поздравляли. У всех были слезы на глазах».

Почему-то никого не удивила легкость, с которой датская принцесса перешла от одной любви к другой, причем без малейшей внешней фальши. Это была одна из особенностей ее характера: поступать так, чтобы остальные воспринимали все ее поступки как единственно возможные. А она просто слишком привыкла к мысли о том, что станет супругой наследника российского престола, и замена жениха для нее в данном случае почти ничего не значила.

Российский престол в будущем — вот что было важно. И... в конце концов, такова была предсмертная воля ее первого жениха...

17 июня 1866 года состоялась их помолвка в Копенгагене, а спустя три месяца — 1 сентября 1866 года датская принцесса прибыла в Кронштадт, где ее встречала вся императорская семья. И не только. Толпы людей высыпали на набережную Невы, чтобы поприветствовать свою будущую императрицу. Народ уже любил ее, так явно проявившую верность и любовь к России.

28 октября того же года великий князь Александр Александрович и

великая княгиня Мария Федоровна повенчались, резиденцией молодоженов стал Аничков дворец.

Жизнерадостная и жизнелюбивая по своему характеру Мария была тепло принята столичным и придворным обществом. Ее брак с Александром, несмотря на то, что их отношения завязались при достаточно скорбных обстоятельствах, оказался крайне удачным. На протяжении практически тридцатилетней совместной жизни супруги сохраняли друг к другу искреннюю привязанность.

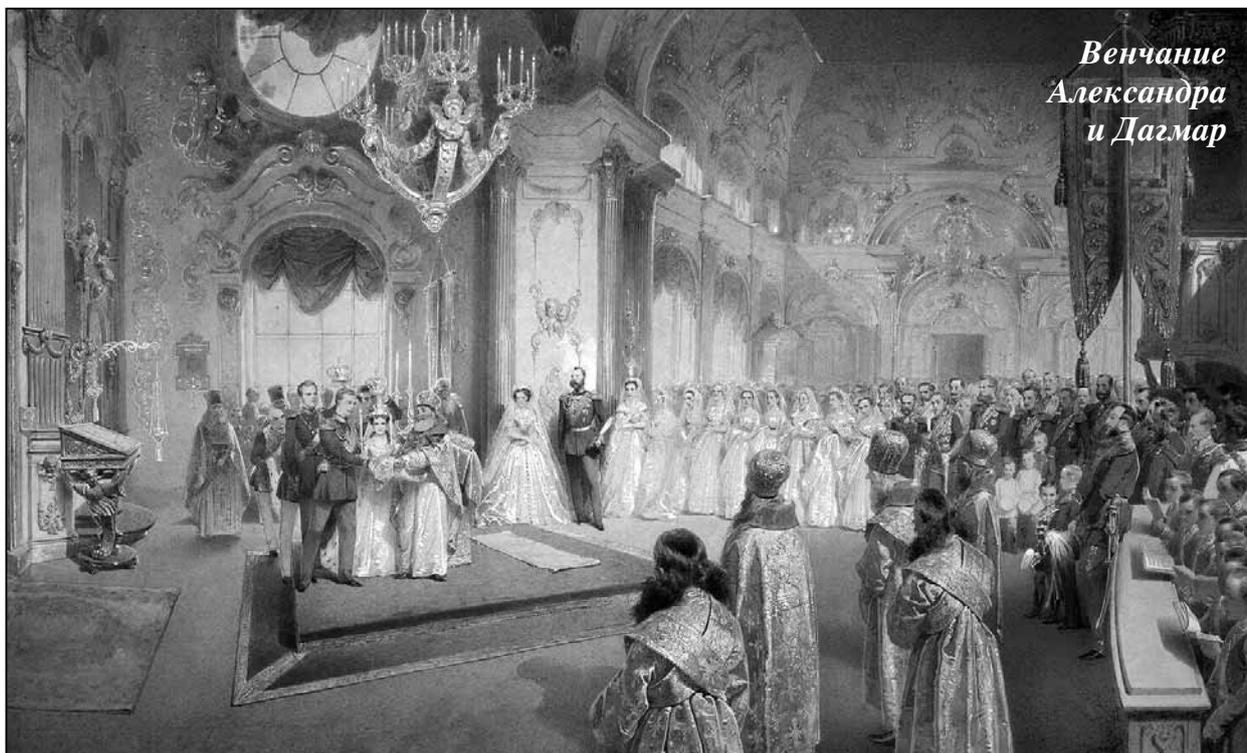
Эти отношения были удивительными для дома Романовых. Несомненная любовь и взаимная нежность на протяжении всей жизни — невероятная редкость в царском роду, где часто считалось нормой, женившись по расчету, заводить любовниц.

Датская принцесса приехала в Россию, твердо уверенная в том, что

ее ждет счастливая жизнь на новой родине. И в Петербурге она пришла к двору. Будущие свекры полюбили свою «Дюймовочку», как родную дочь, она отвечала им взаимностью. Приветливо приняли Дагмар и придворные, не устоявшие перед ее необыкновенным обаянием.

Мария Федоровна поначалу была ошеломлена убранством и роскошью русского двора. Примечательно, что бытие монарших семейств в некоторых странах Европы в корне отличалось от жизни, присущей приближенным к престолу Российской империи. Например, обязательная публичность, которая была нужна королевским семьям для поддержания традиций, нередко воспринималась монархами как тяжкий груз.

Дагмар с трудом приспособилась к новому окружению и новой обстановке. Для княгини были в ди-

*Венчание
Александра
и Дагмар*

*Александр III
и Мария Федоровна*

ковинку некоторые правила: например, она не знала, что нельзя выбирать платье на вечер самостоятельно, а также не догадывалась, что заводить разговор с императором первой — строжайший запрет.

Внешне они были такие разные. Дагмар — хрупкая, грациозная, быстрая, обладавшая взрывным характером, за что впоследствии в придворных кругах ее прозвали «Гневной», Александр — основательный, большой, молчаливый.

Но взаимопонимание между ними установилось сразу и навсегда. Они старались быть всюду вместе: гуляли, читали, рисовали, музицировали, составив неплохой дуэт корнета и фортепиано.

После обряда бракосочетания, парадного обеда в Николаевском зале Зимнего дворца и великолепного бала молодые супруги, нако-

нец, уехали в свой Аничков дворец, ставший для них, как и Гатчина, настоящей семейной крепостью.

Впереди у них было 28 лет совместной жизни, сложившейся так, что Александр III позже записал в своем дневнике:

«Такую жену, как я имею, дай Бог каждому иметь, и тогда можно быть спокойным и счастливым».

Если между супругами и случались размолвки, то совсем незначительные, быстро заканчивавшиеся примирением. К примеру, из-за танцев, которые Мария Федоровна обожала и порой на балах «танцевала до упаду», в то время как ее муж предпочитал курить и вести разговоры в мужской компании. Бывали случаи, когда Александр Александрович (уже император) сам забирал дирижерскую палочку у капельмейстера, чтобы прекратить музыку и

завершить затянувшийся танцевальный вечер.

В вынужденной разлуке они писали друг другу нежные письма. В их счастливом браке родилось шестеро детей. Мария Федоровна сама занималась их воспитанием. Своего первенца они назвали в честь умершего Николая. Он стал последним русским царем императором Николаем II.

Супруги любили посещать Данию. Прогулки, чтение любимых книг, встречи с приятными сердцу людьми и, главное, никаких государственных обязанностей — о такой жизни Александр Александрович мог только мечтать! В Копенгагене он увлекся покупкой старинных вещей из стекла, фарфора, серебра, и это стало началом создания обширной коллекции произведений искусства, хранившихся впоследствии в Аничковом дворце.

Малый двор в этом дворце находился постоянно. В нем проводились официальные церемонии, рождались и росли дети, устраивались балы и музыкальные вечера. Для молодой четы были заново отделаны жилые покои.

Устраивались основательно, поскольку, даже став императором, Александр III с семьей по-прежнему жил в Аничковом, хотя главные церемонии, как того требовал протокол, проводились в Зимнем.

Жизнь страны все эти годы будет удивительным образом напоминать те же традиционные неторопливые порядки, что были заведены в се-

мье цесаревича, а позже — императора. «Затишье перед бурей» — так назовут эпоху правления Александра III. Но для Марии и Александра это было счастливое время.

Мария Федоровна активно занималась общественной работой. Возглавила Российское общество Красного Креста, взяла шефство над Кавалергардским и Кирасирским полками, открывала детские приюты, убежища для бедных. Вместе с Александром III участвовала в создании фондов Русского музея. На деньги царской казны супруги заказывали картины художникам-передвижникам — Крамскому, Верещагину, Репину, Поленову.

Если в Петербурге жизнь супругов была в основном связана с Аничковым дворцом, то из загородных резиденций императорская семья чаще всего посещала коттедж в Петергофе и Гатчинский дворец, который впоследствии стал их основной резиденцией.

О Гатчинском дворце обычно упоминают в связи с царствованием императора Павла I, хотя время правления Александра III было в Гатчине не менее оживленным. Там они находились ежегодно от начала марта до конца мая и от начала октября до 31-го декабря.

В Гатчинском дворце императорская семья избрала для проживания комнаты в антресольном этаже Арсенального каре. В убранстве этих помещений в ту пору не было подчеркнутой целостности: мебель в стиле Жакоб соседствовала с кустарными

табуретками, пуфиками и креслицами; китайские фарфоровые вазы уживались с фигурками животных датского фарфора; сосуды цветного стекла фирмы Галле стояли рядом с дешевым сувенирным стаканчиком с надписью «Память о Крыме».

В покоях всех членов семьи — множество фотографий. Альбомы — на столах и стульях, фотографии на стенах. Большею частью это семейные снимки: Александр III и Мария Федоровна с детьми, портреты ро-

дителей Марии Федоровны, датского короля Христиана IX и королевы Луизы, сестры Марии Федоровны, принцессы Уэльской, будущей королевы Великобритании Александры с мужем и детьми.

Александр III приезжал в Гатчину, потому что ценил возможность пребывания на природе, чувство уединения. Особенно он любил рыбную ловлю, и различным способам рыболовства предпочитал ловлю рыбы ночью. Неудачным для него на

гатчинских озерах считался лов в несколько десятков рыб (крупные, в основном щуки, в записях отмечались отдельно). В среднем он ловил до двух сотен, отправляясь на рыбалку после 10 часов вечера.

Придворные, привыкшие к изысканной роскоши быта своих монархов, изумлялись и втихаря язвили: идеал мещанского счастья. На трон, похоже, сядет мужлан, а двор

могут вообще распустить за ненужностью.

Да, цесаревич с супругой создали для себя тихий, скромный, даже неприятельный семейный уют. Даже не царского, а вполне мещанского образца: жизнь вдали от городской и придворной суеты, в окружении родных российских пейзажей.

Простой в быту Александр носил одну и ту же одежду, а когда она из-

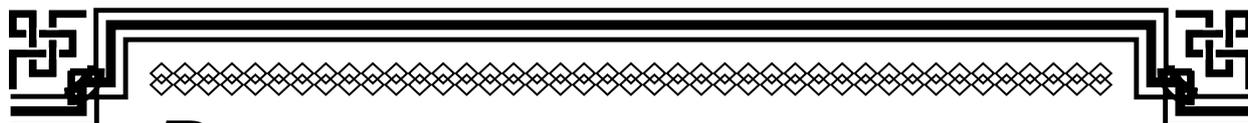
нашивалась чуть ли не до дыр, Мария собственноручно чинила ее. Они ели самую простую пищу, ходили по грибы и ягоды, частенько обедали на природе.

Идиллия, которую практически никто не понимал и от таких правителей ничего хорошего не ждал. Ни пышных балов и приемов, ни роскоши Зимнего дворца, ни изощренного этикета, который со времен Екатерины Великой уже стал привычным.

Но был еще один вариант, который одновременно и манил высший петербургский свет, и пугал.

траура, не обращая внимания на мнение родни, женился на своей давней возлюбленной. Этот брак был морганатическим, то есть новая жена и ее потомки не могли претендовать на императорский трон.

Однако и без того натянутые отношения с цесаревичем еще более обострились. К тому же в столице ходили слухи, что император собирается короновать «Катю», а наследником престола сделать их сына, не без основания полагая, что не слишком волевой цесаревич не сможет этому воспротивиться. А уж княгиня

Внешне они были такие разные: Дагмар — хрупкая, грациозная, обладавшая взрывным характером, за что в придворных кругах ее прозвали «Гневной», и Александр — основательный, большой, молчаливый. Но взаимопонимание между ними установилось сразу и навсегда. Если и случались какие-то размолвки, то совсем незначительные, быстро заканчивавшиеся примирением

Последние полтора десятилетия перед своей смертью император Александр II вел двойную жизнь. Его сильнейшая страсть к молодой княжне Екатерине Долгоруковой, получившей после рождения сына титул княгини Юрьевской, стала причиной того, что император Российской империи жил на две семьи, а после смерти своей законной жены в 1880 году, он, выждав минимальный срок

Юрьевская сделает все, чтобы императорский дом Романовых засверкал всеми гранями.

Но император не учел силу характера своей невестки. Все это время Мария Федоровна оставалась на стороне своего мужа, разделяя все его чувства, но также играла и роль «буфера», пытаясь, насколько это было в ее силах, смягчать и сглаживать конфликты в семье Романовых.

Ее главной опорой была крепкая, счастливая семья. Александр Александрович стал верным мужем — первым за несколько поколений Романовых — и заботливым отцом.

За 14 лет брака у Александра Александровича и Марии Федоровны родилось шестеро детей. В 1868 году на свет появился первенец Николай — будущий последний российский император Николай II, которого в семье все звали Ники, через год появился Александр (умер, не прожив и года), в 1871 году — Георгий (умер в 1899 году), в 1875 году — дочь Ксения (умерла в 1960 году в Лондоне), а еще через три года — Михаил (убит в 1918 году). Последний их ребенок — дочь Ольга — родилась в 1882 году, когда Александр уже был императором России (умерла в 1960 году в Торонто).

Очарование жены наследника престола нравилось всем, оказывая на людей по-настоящему магическое действие. Несмотря на свой небольшой рост, Мария Федоровна отличалась такими величественными манерами, что своим появлением могла затмить всех. На редкость общительная, подвижная, с веселым и живым характером, она сумела вернуть российскому императорскому дому тот блеск, который был потерян после болезни императрицы Марии Александровны.

При этом Мария Федоровна очень любила живопись, она даже брала уроки у известного русского художника А.П. Боголюбова. И хотя ее поведение давало многим повод

упрекнуть молодую цесаревну в некотором легкомыслии и поверхностности интересов, она пользовалась всеобщим уважением. В этом нет ничего удивительного, она обладала цельным и очень сильным характером и вместе с тем удивительным чувством такта, который не позволял ей открыто демонстрировать собственное влияние на супруга.

У молодой цесаревны складывались прекрасные отношения со свекровью и свекром. Александр II относился к ней с нескрываемой симпатией, которая несколько сглаживала росшее год от года охлаждение в отношениях с его старшим сыном.

Все дело в том, что цесаревич Александр и его близкое окружение к началу 1870-х годов превратились практически в оппозиционный политический кружок. Ни о какой критике Царя-Освободителя и его деятельности речь не шла, однако нескрываемое внимание ко всему русскому, противопоставление устремлений и национальных чувств космополитизму императорского двора и российской аристократии выглядели демонстративно.

При этом будущий император испытывал стойкую неприязнь к Германии (особенно к Пруссии), в чем находил полную поддержку своей жены. К Пруссии, которая отторгла после войны 1864 года у ее родной Дании часть земель — Шлезвиг и Гольштейн, Мария Федоровна испытывала устойчивую неприязнь, которую ей не всегда удавалось скрыть.

В марте 1881 года император Александр II после покушения на него погиб. По стечению обстоятельств, удачное покушение на государя было совершено в тот день, когда он собирался подписать проект политических реформ, получивших название «Конституции Лорис-Меликова». Пусть данный проект и намечал лишь первые робкие шаги на пути к конституционному ограничению самодержавия, он мог стать началом преобразований всей страны.

Но этого не произошло. На престол взошел новый император. Теперь Мария Федоровна стала императрицей Всероссийской. Добавилось больше забот, чаще приходилось бывать в Петербурге, участвовать в государственных делах.

А княгиня Юрьевская с детьми была почти немедленно выслана за границу. В Россию она больше никогда не приезжала.

Мария Федоровна не потеряла любви народа, очаровывая всех своей простотой и обаянием. Все воспринимали ее, как «добрую мать» страны.

То, что Дагмар, став уже императрицей Марией Федоровной, сделала для своей новой родины, описано неоднократно и разобрано довольно подробно. Да и она сама во время переписи 1897 года в графе «Занятие, ремесло, промысел, должность или служба» написала: «Управление Ведомством Императрицы Марии». Это ведомство носило еще название «Четвертое отделение Собственной его Императорского Величества

канцелярии». То есть это была государственная структура, занимающаяся управлением всей благотворительностью на территории Российской империи. Грубо говоря, все то, что было сделано хорошего для простых людей от лица государства в период с 1881 по 1917 годы, так или иначе связано с именем Дагмар.

Ко всему прочему, она обладала незаурядным умом, понимала происходящее в стране и в мире, но у нее хватало здравого смысла и такта не вмешиваться в государственные дела. К тому же было очевидно, что ее супруг и сам благополучно со всем управляет.

Александр III в отличие от своего отца проводил политику контрреформ, все возможные конституционные преобразования были отменены. В то же время за годы его царствования Россия не вела ни одной войны, за что монарх получил официальное прозвание «царь-миротворец». Его тринадцатилетнее царствование было спокойным и неторопливым, как и сам самодержец.

При этом личная жизнь императора, как и прежде, была пронизана счастьем. Внешне в жизни Александра и Марии почти ничего не изменилось. Император, как и раньше, оставался подчеркнуто, чуть ли не до аскетизма, скромным в быту, и в таком его поведении не было никакой позы. Хотя и служило неиссякаемым источником насмешек со стороны вечно всем недовольных оппозиционеров. А их в это внешне спокойное царствование было предо-

*Со старшим
сыном,
будущим
императором
Николаем II*

статочно, равно как и всевозможных народовольцев, радетелей за народное благо и террористов, конечно. «Благополучно» отправив на тот свет «царя-освободителя», множившиеся революционеры мечтали о продолжении и гневно роптали

на невозможность заниматься любимым делом при ужесточившемся режиме.

Именно тогда появились первые сплетни о том, что царь — хронический алкоголик, прячущийся в своей Гатчине от людских глаз и поощря-

ющий самые жестокие расправы над инакомыслящими. Хороших императоров в России не могло быть по определению.

Но те, кто был близко знаком с жизнью царской семьи, отмечали, что в ней всегда царила удивительно дружелюбная атмосфера. Детей они воспитывали в любви, но при этом не баловали. Родители, которые ценили организованность и порядок, старались привить своим детям любовь ко всему русскому, идеалам, традициям, веру в Бога.

Беда пришла, откуда не ждали.

Император Александр III любил отдыхать с женой и детьми в Крыму, куда добирался по недавно проложенным железным дорогам. Маршруты, которых было несколько, царь выбирал сам: ехать либо через Харьков, либо через Киев и Брест. Состояние путей и вагонов периодически проверялось, однако не соблюдалось, пожалуй, самое главное правило техники безопасности. Дело в том, что железнодорожные чиновники старались сделать путь императора по железным дорогам как можно быстрее (он и сам этого требовал), поэтому разгоняли тяжелый царский поезд до скоростей пассажирских составов, которые были несравненно легче по весу.

В октябре 1888 года царский поезд возвращался из Крыма в Петербург. Вначале было решено ехать по юго-западному направлению, но в последний момент было указано свернуть на Курско-Харьково-

Азовскую дорогу. Состав разогнался до скорости в 68 км/ч, что раскачало вагоны, а те, в свою очередь, расшатали пути, не предназначенные для такой скорости. В 14 часов 14 минут на перегоне Тарановка-Борки императорский поезд сошел с рельсов. 10 вагонов рухнули на насыпь, а те из них, которые находились посередине, были разрушены полностью.

В момент крушения вся царская семья, за исключением детей Александра III Ольги и Михаила, находилась в вагоне-столовой. Произошел толчок, который всех повалил на пол, а за ним случилось обрушение крыши и разрушение некоторых стен вагона. Оставался маленький проем, из которого вылез император и поднял на себе крышу, чтобы члены его семьи и приближенные смогли выбраться. Через несколько минут подоспела помощь, но этих минут было достаточно, чтобы император получил серьезные травмы. Как оказалось, во время крушения он, падая, сильно ударился, но смог быстро подняться. Однако этого хватило, по заключению медиков, чтобы начала развиваться болезнь почек.

Больше из царского семейства никто не пострадал. 13 человек погибли в вагоне прислуги, который был разрушен полностью, а в царском вагоне погибли камер-лакеи, стоявшие в дверях. 22 жизни унесла эта трагедия.

Россия восприняла спасение императорской семьи как чудо. По всей

стране проводились благодарственные богослужения, а в Москве и Петербурге императора встречали флагами, демонстрациями, молебнами и пением гимна «Боже, царя храни!» На месте крушения поезда были построены несколько храмов и часовен, а в некоторых губерниях отливались памятные колокола, закладывались памятные церкви, писались иконы.

Но Александр III так и не смог оправиться от травм и повреждений, полученных во время крушения императорского поезда. Он скончался от болезни почек 1 ноября 1894 года в возрасте 49 лет на руках у императрицы.

Этот момент стал переломным в ее судьбе, да и в судьбе России тоже. Старший сын Николай стано-

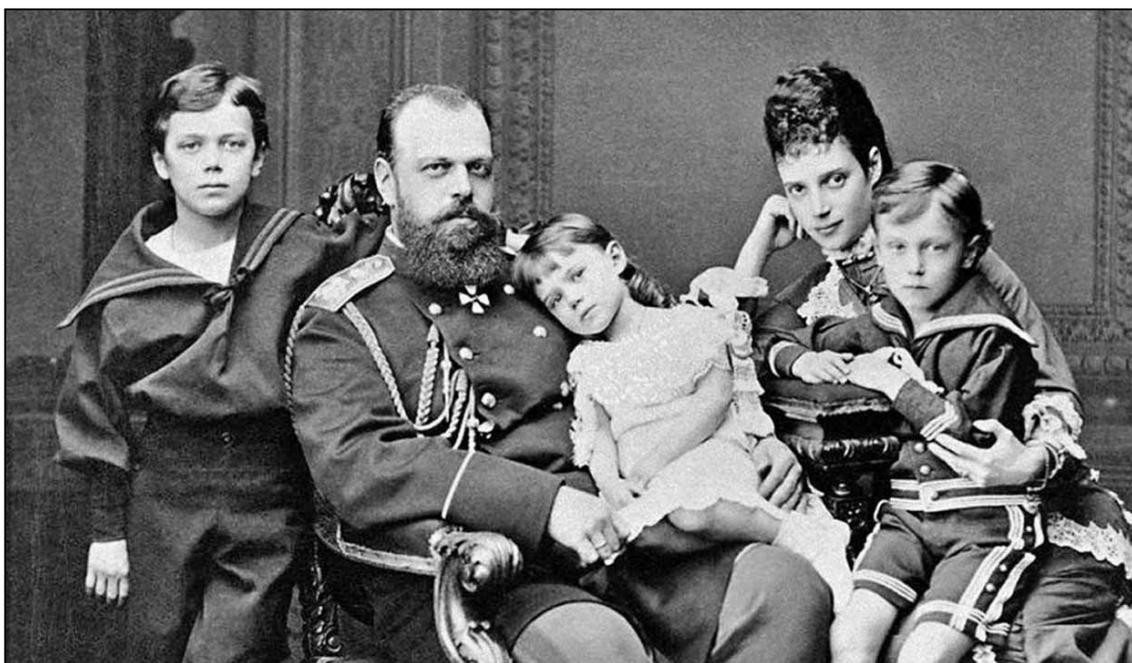
вился во главе страны, все это происходило в суете прощания с Александром III. Одновременно, по непонятным причинам, спешно устроили свадьбу нового императора с гессенской принцессой Алисой, хотя еще даже не отметили сороковины.

Переплеталась череда свадебных и поминальных обрядов и событий. Гости не успевали менять выражение лица с печального на сдержанно-торжественное. Не могла Дагмар не чувствовать, что все это неспроста. Хоть коронацию решили отложить — пусть все уляжется, страна успокоится...

Коронация совершилась спустя полтора года. Давно утих весь траур, жизнь текла своим чередом. Но вдовствующая императрица Мария Федоровна видела, что мир меняет-

*Мария
Федоровна
рыбачит*

ся, что не будет как прежде. Рушилась и семья. Николай с первых дней семейной жизни попал под сильнейшее влияние жены, теперь определяющим было ее мнение, а не материнское. Но молодая императрица не обладала ни умом, ни тактом своей свекрови и любви двора и народа не обрела, скорее, наоборот.

Теперь Дагмар еще чаще гостила у себя на родине, в Дании, там ей было комфортно, но она понимала, что больше стала русской, и жизнь ее там, где беспокойный Петербург. Она пыталась исправить в меру сил своих ситуацию, пыталась предотвратить неизбежное.

Мария Федоровна была одной из ярких противниц Распутина, вернее того ореола, который его личность создавала вокруг монаршей особы. Пыталась она уговорить Николая не принимать на себя правление армией во время Первой мировой. Не потому, что сын не способен быть

главнокомандующим, это ей было сложно оценить, вопрос в другом — императору следовало быть в столице, иначе могло случиться все что угодно.

В начале 1917-го Дагмар узнала, что сын отрекся от престола. Она тут же поехала к нему. В том самом вагоне, где Николай подписал отречение, они очень долго говорили один на один. Свидетели описывают, что после этого разговора с матерью Николай вышел на перрон и долго и грустно курил, был глубоко задумчив. Князь Александр Михайлович, сопровождавший вдовствующую императрицу, рассказывал, что она потом долго и горько плакала. Это была последняя встреча матери с сыном, больше они никогда не встретятся.

Мария Федоровна была в Киеве, когда узнала, что ее сын арестован вместе с семьей. Временное правительство заставило ее

покинуть город. Она сопротивлялась, но бесполезно, она уже ничего не решала.

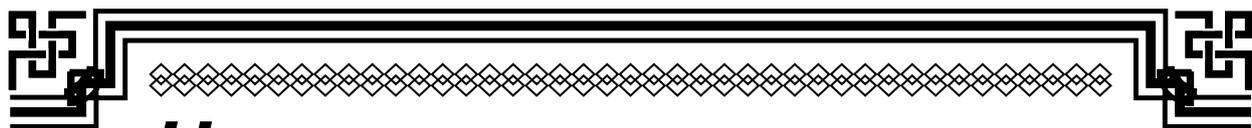
Ей пришлось переехать в Крым, но со временем и там стало опасно.

Феликс Юсупов в своих мемуарах рассказывал, как матросы вломилась в дом, как Марию Федоровну, пожилую женщину, подняли с кровати, все обыскивали, а она, вдова все-сильного императора Александра III, стыдливо закрывалась от них за ширмочкой. У нее забрали письма, отобрали Библию, собирались даже ее саму арестовать, но удалось этого избежать.

для громких заявлений, но она отказалась.

Осталось ждать своего последнего часа. Он настал, когда ей было 80 лет. Живыми из ее детей были лишь дочери.

P.S. Чутье в свое время не обмануло датского сказочника: вторая половина жизни его любимицы действительно оказалась печальной. Но он не мог и подумать о том, что благодаря Дагмар станет одним из любимых писателей на ее новой родине. Вообще-то в России сказки Андерсена знали, но не то чтобы они

Несмотря на небольшой рост, Мария Федоровна отличалась такими величественными манерами, что своим появлением могла затмить всех. На редкость общительная, подвижная. С веселым и живым характером, она сумела вернуть императорскому двору тот блеск, который был потерян после болезни императрицы Марии Александровны. К тому же цесаревна обладала удивительным чувством такта и никогда открыто не демонстрировала своего влияния на супруга

Каждый день в России мог стать для Марии Федоровны последним днем, по крайней мере, последним днем на свободе, и она вернулась в Данию. Там Дагмар и узнала о гибели семьи Николая, о смерти сына Михаила и еще многих Романовых, оставшихся в России. Эмигранты пытались вовлечь ее в политику

были известны очень широко. Да, их переводили, их особенно ценил Белинский, а также Добролюбов и Чернышевский.

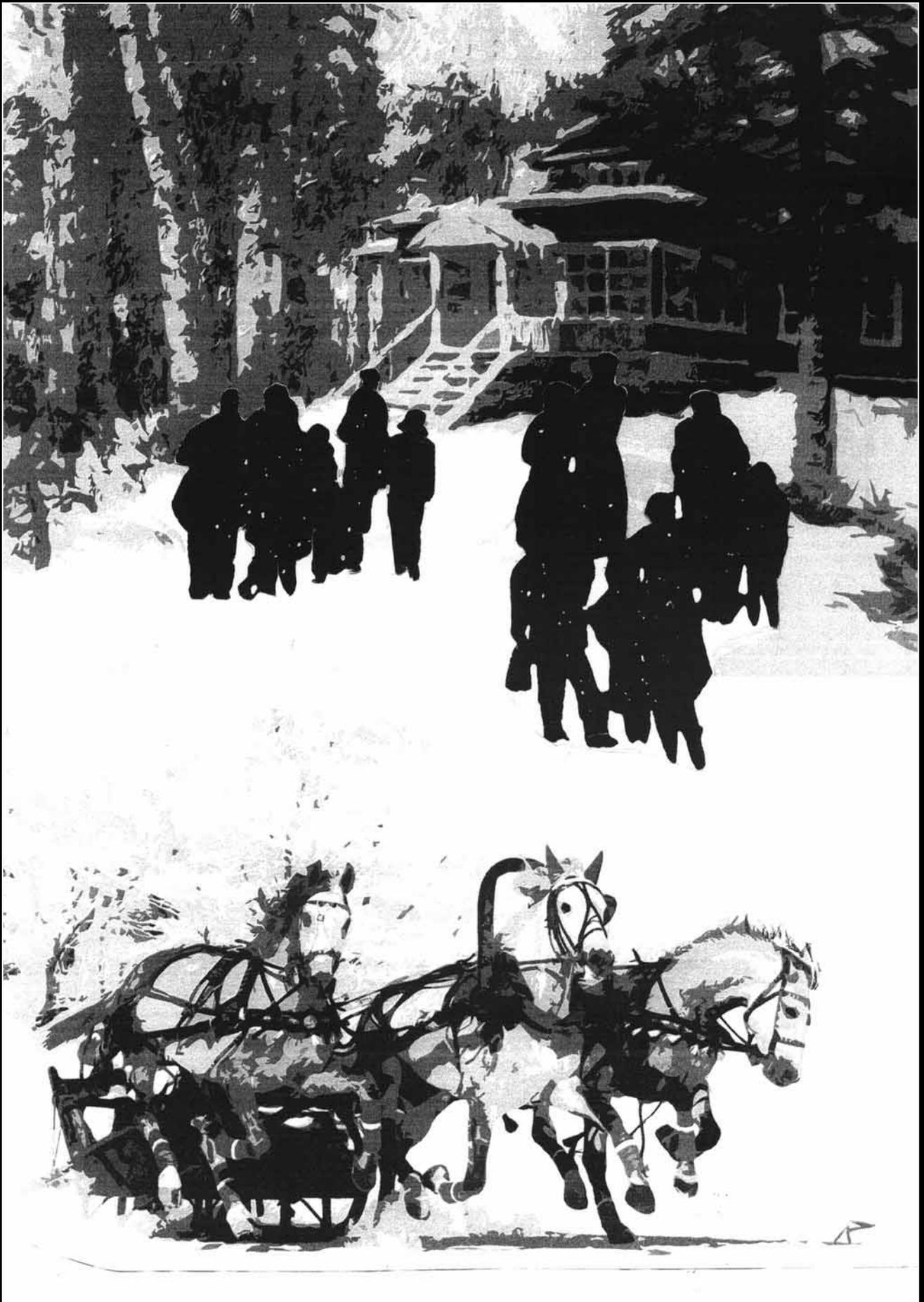
Возможно, это и сослужило Андерсену плохую службу: Санкт-Петербургский духовно-цензурный комитет вынес резолюцию, что надобно сказки запретить.

«Взгляд автора — взгляд языческий и еретический, произведения не могут быть рекомендованы к печати».

Ситуация изменилась, когда в России оказалась Дагмар. Андерсен стал не просто издаваться. Он стал издаваться широко и с размахом в новых, гораздо более удач-

ных переводах. Словом, то, что у нас и у наших детей есть «Стойкий оловянный солдатик», «Снежная королева», «Принцесса на горошине», «Гадкие лебеди» и «Дюймовочка», — это тоже, по сути, заслуга русской императрицы Марии Федоровны, бывшей датской принцессы Дагмар. □

Марфа-

КОЛДУНЬЯ

Марфу Полукуеву в сельце Покровское все почитали за колдунью. И хотя зла она, вроде, никому не делала, порчи на скотину не насылала, но, кого из покровцев не спроси, всякий тебе ответит.

— Колдунья, Марфа. Право слово, колдунья, а иначе для чего ей людей дичиться и от всякого разговора бежать? Зачем с утра до ночи по лесам бродить да травы с кореньями в корзину собирать? А на лицо ее посмотри: нос крючком, волосатая бородавка на щеке, а на глазу бельмо — суцая ведьма!

Действительно, сторонилась Марфа людей и все лето в лесу проводила, благо начинался он сразу за ее огородом, а зимой в избушке своей пряталась. Одиноко жила старуха. Дико. Редко когда нос на улицу деревенскую покажет, да и никого к себе на порог не пускала. Прибежит к ней кто-нибудь травки целебной от хвори противной попросить, или совета какого житейского поискать, так никогда его колдунья в избу не пустит. Сама выйдет на улицу, выслушает просителя возле крыльца и там же слово нужное выдавит из себя или в горсть корешков сушеных насыплет, но, чтоб домой кого пустить, поговорить с кем-то по-человечески, так этого никогда не бывало. Да и, по чести сказать, не каждый решится через порог жилища колдуньи переступить. Береженого, как говорится, бог бережет.

Зимой в сельце жизнь скучная. Все по избам сидят: мужики упряжь чинят да сети плетут, а бабы полотно ткут да разговоры всякие разговаривают. Обо всем говорят, но чаще о чудесах потусторонних или грехах соседских. А на улице зимой тишина, только иногда ребятня под окном разорется или собаки на сорок забрешут. Все вокруг белым саваном окутано, будто готовится округа уснуть на веки вечные. И, кажется, что вот-вот одолеет мертвый покой всякую жизнь на всем белом свете...

Но сегодня дерзко порвала холодные узы покоя удивительная весть: барин с семейством едут в Покровское Рождество справлять.

Первым о визите хозяев узнал дворник и истопник барского дома Ефим. Приехал к нему третьего дня из города новый барский управляющий Валицкий и с порога ругаться начал:

— Почему так холодно в доме?! Отчего копоть на потолке?!

— Зима, потому и холодно, — нехотя оправдывался Ефим, — а потолок бабы к Светлому Воскресенью отмоют. Не впервой. Каждый год, кажись, так делали...

— Мне наплевать, как вы там делали, — топал ногой сердитый управляющий, — сейчас извольте порядок в доме навести! Илья Ильич с семейством и гостями через два дня придут! Рождество здесь решили праздновать!

И пошла потеха. Ефим с утра до ночи печи топил, его дружок садовник Авдей с деревенским дурачком Семкой ковры на снегу чистят да пыль из перин пуховых на морозном воздухе выбивают, а ватага баб деревенских полы да потолки в хоромы барских моют да скребут. Валицкий с братьями Бобровыми съездили в лес, срубили елку и поставили ее в просторной гостиной.

«И чего только не учудят господу городские, — думал Ефим, суетливо открывая двери, когда Бобровы втаскивали в дом лесную красавицу. — Вон, елочку ни в чем неповинную загубить велели... А ведь тоже росла, жизни радовалась... Вот люди бестолковые... Эх, жизнь, так твою...»

Еще бы посетовал садовник на жизнь, но тут Валицкий сунул ему в руки убитого зайца и велел в поварню идти, чтоб там распорядились с дичью надлежащим образом.

На другой день приехал в Покровское старший сын барина Александр Ильич со слугой Васькой Хорьком, с ними в поместье прибыл и парижский повар Жорес. Хмурый барчук стал по дому без дела слоняться, Васька Хорек побежал отцу с матерью поклониться (он был родом из Покровского). А Жорес сразу принялся на поварне местным стряпухам нотации читать: мол, руки у вас не из того места растут (кто так край пирога заворачивает?), и новейших рецептов кухни французской ни одна из вас толком не знает. С раннего утра истошно орал кулинар своим картавым говором, а бабы только улыбались и настырно продолжали гнуть свою линию. Вконец утомился Жо-

рес, плюнул в красный угол поварни, потолкался возле елки и тоже пошел по хоромам барским бродить. Теперь от его несносного характера доставалось уборщикам. Француз из той склочной породы, какие к любой бочке затычка. В кабинете барина он застал Авдея с Семкой. Авдей чинил ножку барского письменного стола, неудачно подломившуюся, когда из-под нее ковер выдергивали, а Семка, раскрыв рот, внимательно разглядывал картины на стенах кабинета.

— Почему без дела стоять здесь? — коршуном накинулся Жорес на дурачка.

— Оставь его, — вытирая рукавом пот, вступился за убогого Авдей. — Блаженный он. Посмотрит малехо и дальше работать пойдет. Не цепляй. Подержи лучше край стола, никак ножку не прилажу...

— Как ты посмеешь?! — перенацелил Жорес стрелы своего гнева на незадачливого столяра. — Я парижский кулинар, а не твой подмастерь! Я барин жаловаться есть!

Француз ринулся вон из кабинета, но вдруг остановился, вскрикнул чего-то по-своему и стал пристально вглядываться в одну из картин, висевшую возле самой двери.

— Зря ты с ним так, — шепнул Авдею на ухо Валицкий, прибежавший на крик француза, — сейчас же пойдет и на тебя молодому барину нажалуется. Еще тот прохиндей...

Но Жорес сразу не ушел, он все стоял возле картины и что-то бубнил себе под нос.

Друзья они с Александром Ильичом, — шептал Валицкий Авдею, легко приподнимая край тяжелого стола, — вместе модной сокольской гимнастикой занимаются да по ресторациям на рысаках разъезжают. Там и сошлись, как пишут поэты: лед и пламень. Что деется на свете? Разве в прежние времена стал бы барин с иноземным поваренком якшаться? Ни в жизнь! А этот... Не зря Илья Ильич в последнее время на сына сердит до последней крайности. Куда мир катится?

Валицкий помог Авдею приладить ножку стола и вышел из кабинета, бросив на ходу пару слов иноземному кулинару (опять же, не по-русски). Когда управляющий с поваром ушли, Семка подошел к картине, которая заинтересовала француза, и уставился на нее, словно бык на новые ворота. Авдей тоже хотел, было, посмотреть, но тут со двора донеслось:

— Едут! Едут!

Толпа у барского дома, собравшаяся еще с утра, зашевелилась, образуя широкий коридор, по которому к крыльцу усадьбы подъехали трое крытых саней да еще с десятков саней обыкновенных, груженных разным житейским скарбом да различными (по большей части диковинными) съестными припасами. Авдей тоже выбежал глянуть на барский поезд. Любопытно же!

Сани остановились возле мраморных ступеней парадного крыльца, только что покрытых широким темно-красным ковром, с которого Ефим проворно смахивал метелкой падающий снег. Первым на ковер вылез сам барин Илья Ильич. Он сильно морщился, топтался на месте, разминая спину, а под его очи уже приготовился предстать староста деревни. Предстать ему ох как не терпелось, но еще не принесли каравай, хранимый от мороза в теплой поварне. Староста нервничал, вертел головой и сердито сверкал глазами. Наконец каравай принесли, но пока на подносе расправляли полотенца, к барину подбежал управляющий с докладом. Барин кивнул ему и велел принять из рук барыни, которая тоже уже топталась на ковре, большую коробку. Валицкий схватил коробку и, открывая ее на ходу, побежал в дом, а к барину подошел староста с караваем в руках. Началась торжественная встреча. После старосты настал черед священника — отца Никандра. Душу священника терзало лихо колючей обиды: он должен был первым барина благословить, но в самый неподходящий момент прихватил у батюшки живот, пришлось бежать домой. Староста же воспользовался чужой незадачей и пролез вперед, аки уж склизкий. После благословения толпа плотнее охватила прибывших гостей, вытала вперед к барину самых уважаемых селян, и все радостно смеялись, когда Илья Ильич узнавал кого-то из крестьян и похлопывал того по плечу.

Авдей тоже хотел подойти к барину поздороваться, но где там — не протолкнешься. Поэтому садовник поднялся на самую высокую ступеньку и стал радоваться за других счастливцев. И тут будто что-то в бок садовника кольнуло: а где Семка? Авдей еще раз оглядел счастливые лица земляков: нет среди них Семки.

«Вот, стервец, — сердито подумал садовник, — в кабинете до сих пор, поди, трется. Сейчас Илья Ильич войдет в свой кабинет, а там дурачок стоит. Негоже получится...» — И он быстро побежал к черному входу усадьбы...

В рождественскую ночь Марфа Полукеева спала плохо. Покоя на улице не было. Особенно громко кричали возле барской усадьбы. От души веселился там народ. И старухе вдруг стало завидно. Она ведь не всегда старой да нелюдистой была. И Марфе так захотелось вернуться в то счастливое время, когда она, младшая купеческая дочь, приезжала домой с курсов акушерок на Рождество, что она чуть было не заплакала, но вовремя опомнилась. И сразу нахлынули другие воспоминания, где беда на беде, да еще бедой погоняет. Опять захотелось поплакать. А тут на улице снег пуще прежнего повалил. Одним словом, уснула Марфа под самое утро.

Тревожный стук в окно разбудил старуху, когда солнце уже блестело прямо над трубой барского дома. Марфа выглянула в окно и увидела солдатку Степаниду — мать дурачка Семки. Лицо солдатки казалось белее снега.

— Матушка! — Степанида упала перед Марфой на колени. — Беда у меня! Сема удавился!

— Как удавился? — глухим голосом переспросила старуха.

— В старом сенном сарае веревку к слеге приладил и... — зашлась в рыданиях Степанида. — А священник наш, батюшка Никандр, сказал, что не будет над Семой заупокойную молитву читать и в ограде кладбища не позволит его похоронить. Помогите, матушка! На тебя только и уповаю.

— Чем же... — тихо начала Марфа, но потом внимательно глянула на заплаканное лицо Степаниды и велела строго: — Жди здесь. Сейчас выйду...

Старуха в черном тулупе, сшитом из козлиных шкур, шла по санной дороге, низко наклонив голову. Чем-то она здорово напоминала старую ворону. А шедшая следом Степанида то и дело забегала перед старухой то с одной, то с другой стороны и беспрерывно причитала.

— Я и к старосте бегала, и к лавочнику, а они все твердят: грешен твой сын, грешен... А чем Сема грешен? Чем? Он же блаженный... У него ж своей головы нет, он только по наущению все... А они говорят — грешник, мол, руки на себя наложил... На тебя теперь только уповаю, матушка, больше мне пойти не к кому... Помогите мне!

Семка в одном исподнем лежал на столе головой к святому углу. Над его бледно-желтым лицом перед черным закопченным образом дрожал робкий огонек лампы. Марфа подошла к покойнику и внимательно осмотрела его шею, потрогала пальцем широкий темно-красный след от веревки, а потом подняла голову Семки и стала щупать затылок пальцами. Степанида взвыла, крепко сжала кулаки и задрожала. Колдунья же, осмотрев голову покойного, обернулась к Степаниде и тихо спросила.

— Где он удавился?

— В старом сеннике. Пойдем, я тебе все покажу.

Старый сарай, где когда-то хранили сено, теперь пустовал. Степанида коров уж давно продала, а на коз хватало и того сена, которое забивали под крышу двора за избой. Был в старом сарае и чердак с полом из еловых жердей. Вот на одну такую жердь Степанида и показала.

— Всю ночь его не было, а как только на улице чуть посветлело, я сюда пошла, — стала рассказывать безутешная мать, утирая ладонью слезы. — А он тут и висит... Сема любил здесь на чердаке прятаться. Я думала, что он опять спрятался, а он висит... Горе-то какое! А-а-а...

Марфа осмотрела сарай, подошла к лестнице, стоявшей возле ворот, и неожиданно ловко забралась на чердак. Слеги под ее осторожными шагами прогибались и жалостливо скрипели. Потом колдунья нагнулась и попробовала поднять одну из слег. Слега подалась без особого усилия, также легко подались и вторая, и третья. Вниз посыпалась сенная труха. В углу возле небольшого чердачного оконца Марфа нашла грубо сколоченный стол и некое

подобие лавки: толстые сосновые сучья, уложенные на двух чурбаках. На столе лежали какие-то яркие черепки, обрывки раскрашенной бумаги и цветные тряпки.

— Там Сема играться любил, — заметив интерес старухи к чердачному столу, крикнула Степанида. — В избе он только ночевал, а остальное время здесь за столом сидел. Говорил, мол, богатство его тут. Найдет чего яркое и все сюда тащит...

Из глаз несчастной матери покатались слезы, и она опять громко зарыдала. Марфа еще раз внимательно осмотрела лежащий на столе хлам, выбрала из него несколько бумажек и стала их нюхать. Нюхала старуха долго, а когда с этим делом покончила, в руке ее осталась одна темная бумажка, на которой были нарисованы три утиные головы с красными носами. Эту бумажку она положила в карман и, спустившись с чердака, тронула плачущую мать за плечо:

— Как он был одет?

— Сема? В тулупчике. Я его за печку бросила. Пойдем, я тебе покажу, матушка, пойдем. За печку я его бросила...

Старый поношенный тулуп был весь сплошь в сенной трухе. Колдунья вытащила из его кармана какой-то влажный комок, понюхала его и спрятала в свой карман. Затем положила тулупчик на лавку и, уж было, пошла прочь из избы, но тут заметила, как на воротнике тулупа что-то блеснуло. Колдунья опять подошла к лавке и сняла с воротника блестящую нитку длиной вершка в два. Внимательно рассмотрела свою находку, сунула ее в карман и, не говоря больше ни слова, вышла за порог

От избы Степаниды Марфа пошла по проезжей дороге к барскому дому. Ефим не хотел ее пускать, но колдунья так на него глянула, что у мужика душа в пятки ушла, и на сердце стало нехорошо. Мигом упал страж господских ворот перед страшной старухой на колени и сдернул с головы шапку:

— Не губи, матушка! Выгонит меня барин, если я тебя с парадного входа пущу. Злой он нынче. И что мне делать тогда? Тебе в дом-то почто надо?

— Со стряпухами поговорить, — не отводя своих бесовских глаз от лица мужика, тихо сказала колдунья.

— Так пойдем, я через черный ход тебя провожу, — заметно обрадовался желанию старухи Ефим и быстро поднялся на ноги.

В поварне жарко и дымно. Гостей с барином приехало много, а потому стараются стряпухи в поте лица своего. Войдя в этот дымный жар, Марфа сразу же схватила за рукав первую попавшуюся труженицу:

— Кто вчера голубцы постные для бар готовил?

Стряпуха, увидев перед собой колдунью, вздрогнула всем телом и указала на бабу, снимающую с плиты большой горшок с кипящим варевом.

— Г-г-глашка...

— Я готовила, — утирая передником лицо, торопливо ответила на вопрос Марфы Глаша. — В сочельник же они приехали, мясное есть грех, вот мы и готовили все постное. Мясо сегодня в ход пошло...

— Семку блаженного ты угощала? — тихо спросила колдунья, доставая из кармана мятый голубец.

— А чего, жалко, что ли? — засопела Глаша и уставилась в пол. — Я много наготовила. А Семка к нам зашел погреться, вот я и сунула ему голубчик... Он, хоть и блаженный, но тоже человек...

— Когда это было?

— Было-то? — Стряпуха потерла ладонью щеку. — А вот как баре к крыльцу подъехали, так и было. Как раз батюшка Никандр благословление кончил, да стали другие к барину подходить... Только Семка не успел голубца ответить, в карман сунул. Жореска к нам прибежал, схватил дурачка за шиворот и выволок из поварни.

— Что за Жореска?

— Французик. Вместе с молодым барином приехал. Шебутной такой, во все дыры лезет и никому покою не дает...

— Особенно тебе, — засмеялась другая стряпуха, катавшая на столе скалкой тесто.

— А чего я? — дернула плечом Глаша. — Я ж его не просила конфету дарить. Он сам...

— Конфету? — переспросила Марфа и вынула из кармана картинку с утками, которую на чердаке сарая нашла. — Эту?

— Та самая, — шепнула Глаша и потихоньку вывела колдунью из жаркой поварни. — Вкусная очень, я ее сразу и съела.

— А бумажка?

Глаша не успела ответить сразу, ее толкнул в плечо и чуть было не сбил с ног слуга молодого барина Васька Хорек. Васька был чем-то очень встревожен и даже, вроде как, напуган. После столкновения со стряпухой он даже не остановился.

— Так я ее там и бросила, — тихо сказала Глаша, потирая ушибленное плечо.

— Где?

Они вышли на улицу через черный ход и по тропинке спустились вниз к реке.

— Вот здесь. — Глаша остановилась возле старого черного куста черемухи. — Не люблю я, когда мне в рот смотрят и завидуют. Потому и ушла сюда.

— А бумажку от конфеты где бросила? — допытывалась Марфа. — Покажи...

— Здесь она у меня выпала, а потом ее ветерок подхватил, — улыбнулась стряпуха. — В кустах она застряла, а теперь вот у тебя как-то очутилась.

— Это точно твоя бумажка?

— Конечно, моя, — кивнула Глаша, — вон, это я уголок оборвала, когда конфету разворачивала. Хорошо помню, не каждый день, чай, конфетой угощают. От моей конфеты бумажка. А ты где ее взяла?

Марфа ответить не пожелала, а пошла дальше по тропинке, которая тянулась вдоль реки. И вывела скоро эта тропинка колдунью как раз к сеннику, где нашли мертвым Семку. Только на этот раз в сеннике былолюдно. Три мужика во главе с сотским Иваном Кирилловым что-то искали в сенной трухе, а соседки, числом не менее семи, внимательно за теми поисками наблюдали. Увидев на пороге сарая колдунью, бабы дружно посторонились.

— Чего здесь? — спросила Марфа с порога.

— Говорят, что Семка у барина вещь ценную спер, а потом засовестился и повесился, — ответила колдунье самая бойкая из соседок.

Марфа удивленно вскинула редкие седые брови и подошла к Кириллову. Иван Кириллов — мужик строгий, но Марфу он уважал крепко. В прошлом году тяжело заболела его младшая дочь, и когда все уже полагали, что она вот-вот богу душу отдаст, решился Кириллов пойти к колдунье на поклон. Марфа тогда дочку сотского и выходила...

— Утром сегодня барин обнаружил, что с письменного стола портсигар старинный исчез, — шепотом заговорил сотский, чтобы до чужих ушей ничего лишнего не долетело. — Он его летом здесь позабыл, а только сейчас и вспомнил. Сперва в доме искали. Не нашли. Потом кто-то сказал, что, мол, Семка в кабинете барина убирался и мог портсигар умыкнуть. Меня сюда и послали поискать. Нашел. Под застрехой он его спрятал. И не подумаешь на такого, а он.... Ищем теперь, авось, еще чего найдем, но пока ничего больше не попало...

Иван вынул из кармана серебряный портсигар и показал его старухе. На крышке портсигара имелась гравировка цветка о трех лепестках, один из коих стремился вверх, а два склонились в разные стороны от него. Марфа осмотрела находку, немного постояла, подумала и опять пошла к барскому дому.

«Мог Семка портсигар со стола барского взять по глупости своей, вещица красивая, — размышляла колдунья, шагая по наезженной дороге. — Но прятать его под застреху он бы не догадался. На чердачном столе положил бы свое приобретение рядом с другими. Здесь что-то другое...»

— Чего опять, матушка? — вновь встревожился дворник.

— Чего здесь вчера Семка блаженный делал? — спросила колдунья.

— Дык, — пожал плечами Ефим, — он, почитай, каждый день помогал садовнику Авдею ковры чистить. Авдей с ним всегда ласково обходился, вот он...

— А где Авдей сейчас? — перебила дворника Марфа.

— Не знаю, — развел руками дворник. — Я его со вчерашнего дня не видал. И баба его сюда прибежала, говорит, дома не ночевал. Как вчера утром ушел, так и не появлялся больше.

— А с кем еще здесь Авдей водился? — внимательно посмотрела на парадное крыльцо колдунья.

— С кем ему здесь водиться кроме меня? — Ефим почесал затылок. — Не с бабами же... Да и некогда было. Валицкий разве позволит посидеть без дела? Гонял он нас с Авдеем, как коз сидоровых. То одно прикажет сделать, то другое...

— Кто такой Валицкий? — опять пресекла Марфа длинные рассуждения дворника.

— Управляющий барина. Он сюда раньше приехал, чтоб порядок наводить.

— Позови его.

— Как можно, матушка!

— Позови!

Валицкий сбежал с крыльца и, быстрым шагом подойдя к колдунье, грубо спросил:

— Чего надо?

— Расскажи, когда Семку блаженного в последний раз видел?

От столь невежливого обращения у Валицкого брови на лоб полезли, и он уже собрался гневно отчитать старуху за вопиющую наглость да прогнать в три шеи, но дворник что-то быстро шепнул ему на ухо, и управляющий, нахмурившись, посмотрел сперва на Ефима, потом на старуху и, скривив губы в легкой усмешке, процедил:

— Ты и вправду колдунья? Я-то во все это не верю. Я человек новых правил, но... Чего тебе надо?

— Когда ты вчера последний раз Семку видел? — глухо повторила Марфа свой вопрос.

— Это дурачка, который повесился?

— Да.

— Так вчера и видел. Он вместе с садовником Авдеем ковер чистил в кабинете Ильи Ильича...

— А потом?

— Потом? Потом господа приехали, суета началась, и мне уж не до дурачка стало.

— А где сейчас Авдей? — спросила колдунья, глядя мимо управляющего на парадное крыльцо усадьбы, где слуги выносили чемоданы и какие-то узлы.

— Самому он мне нужен, дел невпроворот, а он пропал куда-то. — Валицкий обернулся и тоже глянул на крыльцо.

— А кто это уезжает так рано? — поинтересовалась Марфа.

— Сынок Ильи Ильича, — вздохнул управляющий. — Мы все думали, что помирятся они в честь праздника, а вон оно как вышло. Вначале все хорошо было: Александр Ильич пал перед отцом на колени, попросил прощения, и Илья Ильич, прослезившись, простил блудного сына. А потом Александр Ильич все испортил: стал денег у отца просить. Проигрался он крепко. Ох, и рассвирепел Илья Ильич! Ругался, ногами топал! А сегодня утром Александр Ильич сказал — уезжаю! Вот...

— А Жорес? — перебила торопливый рассказ управляющего колдунья.

— Тоже уезжает... — Валицкий хотел еще что-то добавить, но тут случилось совсем неожиданное — Марфа оттолкнула его и проворно побежала к крыльцу барского дома.

Догнали колдунью уже в зале, где стояла елка, но здесь старуха попала на глаза самому Илье Ильичу. Барин летом часто приезжал в усадьбу, подолгу жил здесь, а потому знал колдунью Марфу и даже один раз возил гостей посмотреть на нее, но, тем не менее, крикнул хозяин усадьбы на старуху весьма строго:

— Кто такая?! Кто впустил?

— К тебе я пришла, — ничуть не стушевалась Марфа от окрика барина. — Поговорить надо.

Илья Ильич гневно топнул ногой, но гнать за порог колдунью не решился и велел ей подняться в его кабинет.

— Ну, чего тебе? — глянул он из-под густых бровей на Марфу.

— Никого из дома сейчас не выпускай, — проскрипела колдунья, немигающим взглядом глядя в красное лицо барина.

— Это еще почему?

— Убийца может сбежать....

— Какой еще убийца?! — всем телом подался вперед барин. — Ты чего мне несешь, старая?

— Кто-то из твоего дома убил Сему блаженного.

— Это тот Семка-дурачок, который у меня портсигар украл? Так он же сам повесился.

— Повесили его, — тихо сказала колдунья.

— С чего это ты взяла? — Илья Ильич смотрел все еще недоверчиво, но искорки интереса мелькнули в его строгом взоре. Он, как губернский предводитель дворянства, состоял в особом составе судебной палаты и разбирал там некоторые громкие преступления. И нравилось ему это занятие чрезвычайно.

— У него большая шишка на затылке, широкая ссадина на шее и весь тулуп в сенной трухе...

— Шишка, так это я понимаю, — глубокомысленно глядя в окно на сверкающий белоснежный луг, тихо проговорил барин, — но тулуп-то здесь при чем?

— Он с раннего утра в твоём доме убирался, и никто б его сюда в грязном тулупе не пустил, — ответила колдунья. — Кто-то проследил, как блаженный на чердак сеного сарая забрался, ударил его там по голове, сделал петлю, привязал её, потом раздвинул слёги, из которых сделан пол чердака, и столкнул тело вниз, а под висельника чурбак подкатил, дескать, сам повесился....

— Но для чего это сделали? — Илья Ильич встал из-за стола и стал прохаживаться по кабинету.

— А чтоб все подумали, что он украл у тебя портсигар, а потом его совесть загрызла и до петли довела, — быстро ответила барину Марфа.

— Так, поди, и было. Семка-то этот, сказывают, очень совестливый был. В горячке схватил портсигар, а дома одумался и...

— Вот и убийца так же думал. Только он одного не учел: блаженным Сема был, а потому над делами своими не задумывался. Сделал и забыл. Любое раздумье всегда на грех может навести, а Сема потому и безгрешен, что не думал никогда. Если б он и взял твой портсигар, то никогда бы это за грех не посчитал и не стал бы его под застрехой прятать...

— Ладно, — нетерпеливо махнул рукой барин, — а с чего ты взяла, что убийцу в моём доме надо искать?

— А разве мог кто-то посторонний у тебя из стола портсигар взять?

Илья Ильич вздохнул, но ответить не успел: в кабинет заглянул управляющий Валицкий.

— Все готово, ваше превосходительство, отъезжают-с. Проводить не желаете-с?

— Никто никуда не едет! — топнул ногой барин. — Всех в дом немедля!

— Вели Жореску привести, — бесстрашно обратилась к разгневанному вельможе Марфа.

— Француза сюда! — Илья Ильич ударил кулаком по крышке стола и, шумно отдуваясь, повалился в кресло.

И хотя уж очень гневно смотрелся барин, но в душе он обрадовался подобному повороту. Любил Илья Ильич сына, но людям показывать свои добрые чувства вовсе не желал, считая их проявлением человеческой слабости. Вчера барин весьма строго отчитал сына в ответ на просьбу дать денег для уплаты долгов. А иначе нельзя, хотя и жалко сына, но потакать мотовству ни в коем случае не полагается. Вот Илья Ильич и не потакал, денег он, конечно, даст, но не сразу, пусть помучается, негодник. Только «негодник» мучиться не пожелал и сегодня утром, совершенно неожиданно, объявил о немедленном отъезде из отцовского дома. У отца аж дыхание перехватило от такой весты, но он решил до конца держаться своей воспитательной идеи. А вот представился случай задержать отъезд сына, и Илья Ильич очень обрадовался в душе, однако на виду этой радости никак не показывал.

— Что вам угодно, господин? — едва переступив порог, елеиным голосом спросил француз. Под глазом у Жореса наливался синяк.

— Вон она тебя спрашивать будет, — не глядя на повара, кивнул в сторону Марфы барин.

Француз, повернувшись к ней, засопел, дескать, не пристало благородному человеку ответ перед этой старой каргой держать, но послушаться хозяина было боязно.

— Ты куда вчера Семку из поварни увел? — напрямик спросила старуха.

— Какого Семку? — Француз вытаращил глаза, глянул на Илью Ильича, мол, чего эта дура о какой-то чепухе спрашивает, но тот молчал и тоже ждал ответа. — Семка есть дурак. Я знаю. Дурак и вор. Он не давал работать на кухне. Я его хотел выгнать улица, но меня позвал Хорь, слуга мсье Александр. Мсье говорил со мной о живописи...

Больше кулинар ничего дельного не рассказал, хотя сам Илья Ильич потребовал повторить рассказ дважды.

— А я вот что думаю, — произнес барин, потирая ладонью подбородок, когда за Жоресом закрылась дверь, — врет все француз, а дело было так. Позарился Жорес на мой портсигар, там, кстати сказать, бурбонская лилия изображена, а это для француза ого-ого какой знак. Вот... Украл он со стола портсигар, а потом испугался. Тут ему этот Семка на глаза попадается. Схватил его француз, а схватить он может крепко, в гимнастическом обществе этот подлец один из первых, дотащил его до сарая и «помог» ему там жизни лишиться.

— Никто Сему к сенному сараю не тащил, сам он туда шел, — вздохнула колдунья.

— А ты почему знаешь? Или вправду с нечистой силой знаешься?

— Обертку конфетную он на тропе подобрал, значит, шел без неволи, — тихо ответила Марфа и рассказала барину о конфете, подаренной Глаше французом.

— Тогда, может, садовник Авдей украл портсигар, потом испугался, — почесал щеку Илья Ильич. — Проследил за дурачком, убил его, портсигар подбросил, а сам в бега подался. Мне сказали, найти его никак не могут...

— Нет, — опять не согласилась с барином упрямая старуха, — Авдей или другой кто из твоего дома, испугавшись, обратно бы портсигар подбросил в твой кабинет или еще куда-нибудь. Это проще, чем бежать куда-то да жизни человека лишиться. Здесь что-то другое... Я похожу по дому?

— Походи, — милостиво согласился Илья Ильич, — а как что узнаешь, так сразу сюда. Дальше думать будем.

Колдунья спустилась вниз по парадной лестнице, подошла к двери поварни и оттуда медленно двинулась по полутемному коридору к черному ходу. Коридор небольшой — саженой семь, не больше. Она сделала несколько ша-

гов от двери поварни и остановилась. Впереди была дверь на улицу, а справа узкая лестница...

«А куда она ведет?» — подумала Марфа и пошла по лестнице наверх.

Там она оказалась в тесной длинной каморке, где стояла старая кровать с наваленными на нее тюфяками да перинами, кресло с поломанной ножкой, тяжелый стул без спинки, пыльные картины, подрамники от картин, разбитый наполовину шкаф и прочие уже ненужные вещи. Тусклый свет небольшого окошка освещал этот хлам, и колдунья внимательно разглядывала его до тех пор, пока в дальнем углу не заметила небольшую дверку. Открыв ее, Марфа очутилась в широком коридоре, совсем недалеко от двери кабинета Ильи Ильича. Она быстро закрыла дверь, немного подумала и, спустившись обратно вниз, вышла на улицу.

Крыльцо здесь маленькое, шаткое и серое — не для важных гостей. От крыльечка начинались две тропки: одна, хоженная, вела к реке (туда, где Глашка конфету ела), а другая, наполовину занесенная снегом, поворачивала налево и шла вдоль стены дома.

— Куда эта тропа ведет? — показала Марфа на заснеженную тропу молодой стряпухе, которая вышла выплеснуть с крыльца помои.

— Да никуда, — махнула рукой молодайка, — это Авдей с Семкой натерили, когда ковры здесь чистили.

— Ковры? — переспросила колдунья.

— Здесь и чистили, царство небесное Семе, — вздохнула стряпуха. — За крыльцом подвальчик есть, где дядя Авдей лопаты с граблями хранит. Там у него и плотницкий инструмент лежит, и метелки разные, вот этими метелками они все и чистили.

Проводив молодуху взглядом, Марфа сошла с крыльца, повернула налево и за углом увидела покосившуюся дверь в подвальчик. Она осторожно открыла ее и увидела лежащего на ступеньках человека. Возле его правой руки валялся молоток, а в шее несчастного торчала рукоятка ножа.

Весть о том, что колдунья нашла мертвого садовника, в один миг облетела не только барский дом, но и окрестности. Скоро около черного крыльца началось столпотворение. Мужики вытащили Авдея из подвала. Сразу же к нему подбежала жена, упала на колени перед бездыханным телом и завывала. Бабы быстро оттащили ее, а Марфа подошла поближе и увидела на воротнике покойника блестящую нитку длиной не больше пяди. Сам барин вышел посмотреть и сразу же велел послать в город за приставом и исправником. Пока ждали полицейское начальство, Илья Ильич велел Марфе зайти в его кабинет.

— Ну, что теперь скажешь? — спросил он, жестом приглашая Марфу присесть к столу.

— Похоже, что кто-то послал Авдея в его подвальчик за молотком, а сам потихоньку подобрался к садовнику сзади и зарезал, — чуть подумав, ответила Марфа. — Только вот не пойму — зачем?

— Может, из-за бабы какой повздорили? — высказал очередное предположение Илья Ильич, но ответа старухи услышать не успел, так как в этот момент в кабинет прямо-таки ворвалась супруга Ильи Ильича Мария Федоровна.

— Илья, — прямо с порога строго проговорила она, не обратив никакого внимания, что супруг в кабинете не один, — твое пренебрежение нашим мнением переходит всякие границы!

— О чем ты, Мари? — Барин быстро вышел из-за стола навстречу взволнованной жене.

— А вот об этом! — Мария Федоровна ткнула пальцем в небольшой портрет, висевший возле двери кабинета. — Я еще весной прошлого года убрала эту гадость, а ты опять? Никак забыть ее не можешь? Когда мне это сказал о портрете Александр, я не поверила, но она висит здесь!

С портрета на взволнованных супругов смотрела улыбающаяся девушка, по всей видимости, танцовщица.

— Да что ты, Мари? — подошел к портрету Илья Ильич. — Я не знаю, откуда появился портрет, здесь же всегда старинный натюрморт висел... Я и внимания не обратил на перемену...

— Не лги мне, не лги! — закричала барыня, сорвала портрет со стены, бросила его на пол, а сама, рыдая, упала на широкий кожаный диван.

Муж подбежал к ней и упал на колени.

Пока «милые тешились», Марфа подошла к месту, где только что висел портрет. На выцветших обоях было хорошо заметен прямоугольник немного другого цвета. Колдунья посмотрела на прямоугольник, потом подняла сорванный со стены портрет и примерила его к следу на обоях от картины. Портрет был несколько больше темного прямоугольника.

И как раз в тот момент, когда она опять поставила портрет на пол, дверь распахнулась, и в кабинет вбежал сын Ильи Ильича Александр. Марфа сразу же отступила в дальний угол.

— Батюшка! — бросился к барину блудный сын. — Прости меня! Злое я помышлял, но Господь уберет! Это знак! А теперь он гневается на наш дом! Это убийство... Это знак...

Мария Федоровна мгновенно перестала плакать, а Илья Ильич быстро поднялся с колен и, строго сдвинув брови, спросил:

— Что случилось, Александр?

— Я все расскажу! — рухнул перед отцом на колени молодой барин. — Я хотел украсть у тебя картину!

— Какую еще картину?

— Вот здесь висел небольшой натюрморт, вершков десять длиной, восемь шириной. — Александр показал на след от картины на обоях. — А Жорес мне вчера сказал, что это очень старинная картина известного французского художника.

— Вполне возможно, что французского, — растерянно посмотрел на сына Илья Ильич. — Мой дед привез эту картину из заграничного похода в четырнадцатом году. И сколько я себя помню, она всегда висела здесь, в кабинете, и я так к ней привык, что даже перестал замечать... И ты говоришь, что это дорогая картина?

— Очень дорогая! — воскликнул сын. — Жорес сказал, что французский посланник без разговоров платил за подобные картины три тысячи золотом, а иногда и больше. Трех тысяч мне хватит, чтобы рассчитаться за карточный долг... И когда ты мне отказал в деньгах, я решил украсть картину. Прости меня! Сначала я объявил о своем отъезде. Зная, что ты обязательно выйдешь меня провожать, приказал слуге во время проводов пробраться в твой кабинет по черной лестнице и провести, так сказать, разведку, но Хорь никакого натюрморта не нашел. Я подумал, что это Жорес ее украл, никто больше в доме не знает о ценности картины, пытался призвать негодяя к ответу, обыскал все, даже ударил его, но он никак не желает сознаваться. Надо в полицию его сдать! Прости меня, отец!

— Подожди, — потер пальцами лоб Илья Ильич, — а где же тогда натюрморт?

— Я только сначала подумал на Жореса, а потом решил, что это Господь надоумил тебя убрать соблазн и... — Сын уронил голову, плечи его задрожали.

— Я ничего не убирал. — Илья Ильич посмотрел на супругу, потом заметил Марфу, стоявшую в углу. — Что же это за оказия случилась? Портсигар украли, картину...

— А здесь все один к одному, — тихо сказала Марфа. — Злодей все это сотворил. Он украл картину и портсигар...

— Я понял, кто этот злодей! — ударил ладонью по столу барин. — Это все-таки француз!

— Почему ты так решил, Илья? — удивленно глянула на мужа барыня.

— Неужели ты не понимаешь, Мари?! Больше никому! Все сходится: он взял портсигар с бургундской лилией, его тоже дед из Франции привез. О ценности натюрморта один он только знал. Все сходится! Потом он решил пожертвовать портсигаром, выследил дурачка и убил его...

— А Авдея кто убил? — перебила его Марфа.

— Авдея? — Илья Ильич задумался. — Тоже, наверное, он... Авдей что-то знал, поэтому француз выследил его в кладовой и убил. Или у тебя другое мнение?

— Другое, — кивнула головой колдунья.

— Это какое же?

— Пока вас встречали у парадного крыльца, злодей по черной лестнице поднялся в чулан. Там он взял картину, чтобы прикрыть пятно на обоях и прошел в кабинет. Подменив картину, стал спускаться обратно по черной

лестнице, и тут ему попался Авдей. Злодей быстро придумал, что делать, и сказал садовнику, мол, рама рассохлась, и в нее надо поскорее забить гвоздь. Авдей побежал в подвальчик за молотком, а злодей пошел за ним. На крыльце он подумал, что картина помешает ему убить Авдея, и оставил ее на ступеньках. И тут на крыльцо вышел Сема. Он увидел возле ступенек яркую картину, подобрал ее и поспешил с находкой в сенной сарай, где хранились все его «богатства». По дороге нашел еще обертку от конфеты. Злодей же, расправившись со свидетелем кражи, вернулся на крыльцо и не нашел там картины. Он искал ее до тех пор, пока не заметил следов на тропинке, которая спускалась к реке. Побежал по той тропинке и вышел к сенному сараю. Сема сидел на чердаке и любовался своими находками. Убив Сему, злодей решил пожертвовать портсигаром, чтобы в краже обвинили блаженного...

— И кто же тот злодей? — нахмурился Илья Ильич.

— Я пока не знаю, — тихо сказала Марфа, подошла к барыне и сняла с ее рукава блестящую нитку. — Что это?

— Это? Это серебряная канитель. В этом году модно украшать канителью елку. На фабрике Алексеева неделю назад впервые начали делать елочную канитель. Я сама съездила на фабрику, стояла в очереди и купила целую коробку. Это украшение обошлось мне очень недешево. В этом году в Москве много желающих украсить канителью рождественскую елку.

— Поэтому ты и не выпускала всю дорогу этой коробки из рук, — улыбнулся Илья Ильич.

— Да, я и на елку ее вешала сама, — продолжила барыня. — Это не так-то просто. Нитки тонкие, ломаются, путаются и прилипают к одежде. Потом я крикнула служанку Машу, и она стала мне помогать.

— Когда вы украшали елку? — спросила Марфа.

— Уже поздно вечером. Даже, можно сказать, ночью...

— А кто еще мог брать в руки эту канитель, кроме вас с Машей? — продолжала допытываться колдунья.

— Никто, коробка стояла в моей комнате.

— Как это никто? — усмехнулся Илья Ильич. — Позвать сюда Валицкого!

Когда приехало полицейское начальство, сделали тщательный обыск и на дне чемодана управляющего нашли натюрморт. Валицкий думал, что хорошо замел следы, потому и хранил свою добычу так небрежно.

Он сознался во всем, и все оказалось точно так, как рассказала Марфа. Только об одном она не догадалась: портсигар с лилией управляющий взял, чтобы французу его подбросить, но Авдей с Семкой все карты плетцу спутали.

С тех пор в Покровском Марфу Полукееву стали почитать за колдунью еще больше... □

Александр Созонов — талантливый режиссер театра и кино, театральный деятель. Многие зрители знают его по сериалам «Райский уголок», «Миллионерша», «Высокие отношения», «Академия», а поклонники театрального искусства — по спектаклям, которые Созонов ставит по всей стране.

Фото Наиля Гильфанова

Александр Созонов:

«Театр — самое интенсивное проживание человеческой жизни»

— Александр, как начинался ваш путь в режиссерскую профессию?

— С детства и всю жизнь. Впрочем, это я только сейчас понимаю, раньше все казалось чередой случайных выборов и встреч. Я родился в Ижевске — это тяжелый индустриальный город, абсолютно не театральный, который только в последние годы, на мой взгляд, проявился на театральной карте России. Я учился в экономико-математическом ли-

це и был призером Олимпиад по ключевым предметам, но в то же время моим любимым предметом был «Театральный час», и я обожал принимать участие во всем, в чем только можно вне учебы.

Дальше был экономический факультет в техническом вузе. Но и там помимо учебы удавалось заниматься театром. Да, был получен красный диплом, но одновременно был создан студенческий театр «ГОСТ», выигравший несколько тематиче-

ских фестивалей регионального и российского уровня. А потом вообще поступил в театральную студию при молодежном театре, то есть учился на менеджера, а параллельно играл в театре, работал на телевидении, снимал клипы. Впрочем, я не считал, что это может быть чем-то большим, чем хобби.

После окончания университета я думал, что с театром покончено. В 2005 году переехал в Чехию, чтобы писать докторскую по экономике и заниматься бизнесом. Но с докторской не получилось. Пошел на вечеринку с девушкой, а она говорит — давай ко мне, а то мне завтра утром на репетицию... У меня прямо удар в сердце — я уже полгода не репетировал. Напросился на репетицию и пошел вместе с ней. Потом у меня получилось создать первый русскоязычный театр в Чехии. Пражский театр «Студия-Кси» — это тоже любительский коллектив, но уже там были и репертуар, и график репетиций, и актерские тренинги, поездки на фестивали в Чехии, в Германии, в Латвии. Все знания по менеджменту и маркетингу мне пригодились, потому что театр — это не только драйв, но и образ жизни, который нужно организовывать. Это осознание далось довольно просто — спасибо школе и вузу. Сейчас довольно быстро нахожу общий язык с продюсерами кино и с директорами театров.

— То есть докторскую вы не дописали?

— С диссертацией не получилось. В 2008 году в Прагу на гастроли приехал театр «Табакерка» из Москвы. В Чехии всегда очень любили Олега Павловича Табакова, его театр... Я попал на три спектакля Миндаугаса Карбаускаса: «Лицедей», «Похождение», «Рассказ о счастливой Москве», и это перевернуло мое представление о театре. Я со своими актерами побывал на мастер-классе Авангарда Леонтьева, который тот давал для чешских студентов актерского факультета, познакомился с артистами «Табакерки»: Яной Сексте, Андреем Фоминым, Максимом Матвеевым, Ириной Пеговой и с самим Миндаугасом Карбаускасом. И понял новое для себя — театр должен быть профессиональным, что требует максимального погружения и не терпит компромиссов.

Помню, как Карбаускас во время прогулки по Праге сказал мне, что театр — это искусство локальное, и, чтобы заниматься театром, надо становиться своим. Я задумался. В моем случае — это значит, становиться чехом. Это мне не подходило, я — русский, вот и поехал поступать в Москву.

В 2008 году я поступил в Школу-студию МХАТ на курс Кирилла Серебренникова и переехал в Москву. Помню, как впервые тогда посмотрел спектакль «Изображая жертву» с Чурсиным. И это был второй переворот, к которому я не был готов — театр может быть не только максимально профессиональным, но и мак-

симально любим по методу, теме, атмосфере и способу своего бытия.

— Вы одновременно и театральный, и кинорежиссер — это возможно совмещать?

— Сейчас все делают всё. Можно сказать, наступила новая эпоха Ренессанса.

С одной стороны — нужна узкая специализация, чтобы достичь глубины, а с другой — за счет коллаборации можно сочинять проекты на грани. Во всех отраслях науки и бизнеса также экспериментируют на соединении несоединимого. Я снял пять сериалов, поставил 20 спектаклей разных жанров — драма, комедия, мюзикл, документальный театр, иммерсивный квест, спектакль в автобусе, в метро, в доме престарелых, в химической лаборатории... А еще могу похвастаться тем, что поставил номер для знаменитого артиста балета — Сергея Полунина. Хотя это, конечно, хулиганство, но без этого тоже не бывает театра.

Год назад я делал иммерсивный спектакль для Благотворительного фонда Натальи Водяновой «Обнаженные сердца». Это было в рамках благотворительного вечера «Love ball Arabia» с участием пятидесяти артистов из разных стран, инклюзивного театра «Взаимодействие», где играют артисты с особенностями ментального развития. Приглашенные звезды — актер Виктор Добронравов и танцовщик Сергей Полунин. Сам вечер был в Дохе, в столице Катара,

в Музее Исламского Искусства, а ведущей была вдова Дэвида Боуи. Это очень странное сочетание всех «постановочных ингредиентов», но как еще рассказать историю о родителях, у которых родились дети с особенностями развития? И рассказать так, чтобы можно было не просто понять головой, а дать почувствовать? Причем зрителю, который защищен от любых проблем своими деньгами, положением, происхождением, и никогда не сталкивался с этой темой даже в мыслях?

— Какими качествами нужно обладать, чтобы быть режиссером?

— Уметь вдохновлять, заинтересовать. А для этого надо быть дерзким, но не в поведении, а в замысле. Еще учась в школе-студии МХАТ, я придумывал спектакль «Портрет Дориана Грея» и неожиданно понял, что это история не про Дориана, а про лорда Генри. А еще — что это сыграет только один артист в мире — Олег Меньшиков. Через час у меня был номер его помощника. А через день мы с Олегом уже встретились в театре имени Ермоловой. Помню, как я два часа ему все рассказывал, прошли весь сценарий, а потом он сказал: «Знаете, Саша, я ничего не понял, но вам почему-то верю». Потому что театр — это еще и про веру, и про моментальное ощущение и распознавание «свой-чужой», подобно как у системы наведения на истребителях.

В спектакле было занято четыре поколения актеров этого театра. Но, конечно, самые доверительные отношения выстроились со старшим. Это, прежде всего, — Владимир Андреев и Александра Назарова. Не хочется перечислять все их регалии и заслуги, и какие-то личные воспоминания — их сейчас уже нет с нами. С Александрой Ивановной мы просто очень дружили, а Владимир Алексеевич навсегда останется в памяти как образец джентльмена, профессионала и ... слов не хватает. Просто большой поклон, спасибо за встречу, за науку, за новую планку в труде — всегда быть Человеком. Потому что каждый спектакль — это школа жизни, а не только новый шаг в профессии.

— Вы выпустили спектакль «Толстого нет» в театре «Школа современной пьесы» у Иосифа Райхельгауза...

— Это пьеса о последнем годе жизни семьи Льва Николаевича Толстого. В спектакле «Толстого нет» актриса Ирина Алферова играет Софью Андреевну Толстую. Еще ребенком я был влюблен в Констанцию Бонасье из «Трех мушкетеров» в исполнении Ирины Ивановны. Прошли годы, и вот после сдачи нашего спектакля мы разговариваем с ней об искусстве, о театре, о жизни... Поэтому профессия режиссера — это всегда о любви, но каждый раз ты не знаешь, какое именно определение любви нужно выбрать. В любом случае,

своих актеров нужно любить без оглядки, все им прощать и помнить только хорошее.

Я думаю, что такую Алферову еще никто не видел. Она играет блистательно женщину, которая привыкла жить на пределе своих возможностей. Жертвенную, сильную, безумно красивую, разрывающуюся между преданностью своему гениальному мужу, его идеям, его пути и преданностью своей семье и детям.

Лев Николаевич мечтал о том, чтобы все его произведения после смерти издавались бы бесплатно. А у семьи долги, а семья разрослась уже до внуков и правнуков, а семья привыкла жить, рассчитывая на доход от изданий и переизданий трудов Толстого. История начинается с факта, что за издание полного собрания сочинений Толстого предлагают один миллион рублей золотом.

На наши сегодняшние деньги это порядка двенадцати миллиардов рублей. И вот, кажется, за это наследство и идет борьба, но истинная причина скрыта гораздо глубже.

— Интересно, что театр под руководством Райхельгауза находится в старинном особ-

няке 1816 года на Трубной площади. До революции это был ресторан «Эрмитаж», описанный Гиляровским и Ходасевичем, в нем собиралась городская знать, проходили банкеты и культурные вечера, когда-то в нем выступали Шаляпин, Собинов. А в 1917 году состоялось первое выступление в Москве Леонида Утесова...

— Да, этот дом — один из действующих лиц пьесы, для этого и придуман иммерсивный ход — решение постановки. Зрители сидят внутри того главного зала, где выступали Собинов, Шаляпин, а актеры играют между ними и с ними. Обращаются к зрителям то как к фанатикам-толстовцам, то как к журналистам, то как к незаконнорожденным детям Льва Николаевича, которые тоже претендуют на наследство. То есть именно зрители помогают выстроить один из главных конфликтов внутри семьи Толстого. Ведь это первая публичная семья в истории. Об их жизни писали газеты всего мира. Лев Толстой в газете мог про самого себя узнать больше, чем было на самом деле: куда он поехал, что делал, что думает, что кому и как сказал. То же самое касалось всей семьи Толстых. Это сегодня мы живем во времена социальных сетей и сами выстраиваем у социума восприятие нас. А сто лет назад... сложно даже представить, в каком стрессе находилась семья, абсолютно лишенная частного, личного пространства.

— Что для вас театр?

— Театр — самое интенсивное проживание человеческой жизни. Я ставлю своей целью создать драматическое пространство, насыщенное настолько, что зритель, попадая в него, включается всеми органами чувств. Я предлагаю зрителю самому выбирать и монтировать смыслы из всей палитры впечатлений и определить свою роль внутри драматического пространства. Ведь если есть что-либо имманентное театру, то это именно проживание здесь и сейчас. Я стремлюсь к театру совместного проживания, проживания, создающего связи.

— Любите ли вы путешествовать, и куда, в какие места хотелось бы вернуться?

— Всегда в родной Ижевск, к близким людям, к истокам. Мне кажется, чтобы видеть, куда идти дальше, нужно напоминать себе, откуда ты. По крайней мере каждый Новый год стараюсь проводить время со своей семьей, стремлюсь домой, где бы я ни был. Думаю, что всем очевидно, что это самый главный семейный праздник.

— Какие качества вы цените в людях?

— Как нам говорил Серебренников на курсе — не врать и не бояться. Я думаю, ему можно верить. Честность — самое важное качество, если ты занимаешься театром в России. □

Беседовала **Елена Воробьева**

.....

Белые пятна

АРКТИКИ

Открытие полярной станции

.....

Эта история началась в 1879 году. Американская шхуна «Жаннетта» под командованием Джорджа Вашингтона Де-Лонга, намеревавшегося достичь Северного полюса, вмерзла в лед на северо-востоке Чукотского моря и дрейфовала вместе с паковым льдом на запад. Через полтора года, пройдя по северной границе Восточно-Сибирского моря, шхуна достигла клочка суши,

получившего название остров Генриетты в честь матери американского магната Джеймса Беннетта, субсидировавшего плавание. С тех пор, вплоть до 1937 года, на этот остров не ступала нога человека.

26 июля 1937 года из Архангельска вышел ледокольный пароход «Садко». Продрейфовав вместе со льдами через пролив Вилькицкого в море Лаптевых, «Садко» направился прямо на восток по «белому пятну» северной части моря. В те годы еще была жива легенда о Земле

Санникова, существование которой не было ни доказано, ни опровергнуто, и участники экспедиции хотели открыть эту землю. Более того, на борту «Садко» находились личный состав и строения (в разобранном виде) будущей полярной станции, которую предполагалось создать на Земле Санникова. Если же она не будет открыта, то станцию должны были построить на одном из островов архипелага Делонга: Генриетты, Жаннетты, Беннетта, Жохова или Вилькицкого. Из-за тумана, стоявшего сплошной пеленой, поиски Земли Санникова пришлось прекратить, ограничившись констатацией того факта, что к югу от 78-й параллели никакой земли нет. Решили идти к острову Генриетты.

Когда «Садко» достиг района острова, туман, как по заказу, рассеялся, и перед взорами участников экспедиции во всей своей красе предстал остров Генриетты. Пароход встал с северной стороны острова, вплотную к обрыву небольшого ледника. По этому леднику поднимали грузы на ровную площадку, где и было выбрано место для станции. 5 сентября строительство полярной станции было закончено, и «Садко», распрощавшись с зимовщиками, направился к острову Жаннетты. Начальник высокоширотной экспедиции, профессор Рудольф Лазаревич Самойлович, рапортовал об открытии новой, 57-й по счету полярной станции Главсевморпути. Для работы на острове остались семь человек. Увы, станция просуществовала совсем

недолго — до 1940 года. Хотя она была очень важна с точки зрения гидрометеорологических наблюдений, подход судов к острову был сильно затруднен из-за мощных дрейфующих льдов, что и послужило одной из причин ее закрытия.

Наши дни. Остров Генриетты

.....
Одной из задач международной геологической экспедиции, базировавшейся на НЭС «Михаил Сомов», было обследование группы островов Де-Лонга, в частности, острова Генриетты.

Меня же, конечно, интересовала законсервированная на нем метеорологическая станция — очень хотелось прикоснуться к вещам и оборудованию,

которые использовались еще в довоенное время. А может быть, удастся найти какие-нибудь документы тех лет. Остров Генриетты невелик — всего 12 квадратных километров, но когда яркое арктическое солнце отразилось в его ледниковом куполе, все достали фотоаппараты... Тем, кто не бывал в Арктике, она рисуется мрачной и однообразной. И действительно, моментами Арктика бывает унылой, но однообразной едва ли. Могучая сила ледовых пустынь и туманов сочетается с солнечными днями, с необычайной яркостью ландшафта. Одно и то же место может «обманывать» зрителя десятки раз — все зависит от погоды, времени года и даже времени суток. Нам повезло — погода, как говорят пилоты, была «миллион на миллион».

Геологи разбились на несколько групп и вышли на заранее разработанные маршруты, а мы с пилотами пошли осматривать хозяйство и строения метеостанции. Три четверти века назад были построены эти дома, но так как дерево в Арктике не гниет, нам казалось, что поставлены они совсем недавно. Я натолкнулся на внушительных размеров лебедку, с помощью нее, вероятно, и поднимались грузы на почти 50-метровую высоту. Сбоку отчетливо виднелось клеймо «СТЗ, 1937 г.».

Расчистив снег у двери и пройдя в служебно-жилой дом, я на мгновение замер. Через некоторое время глаза привыкли к полумраку, тусклый свет пробивался сквозь маленькие окна дома и освещал висевший на стене плакат «20 лет Великой Октябрьской революции». Я подошел к столу, на

нем лежали журналы наблюдений, тетради с записями. Дрожащими руками взял одну из них и, не веря своим глазам, прочитал: «Дата 13 сентября 1937 г. Начало метеорологических наблюдений на полярной станции остров Генриетта...» взял другую... «Меню на острове Генриетты в день праздника Великой Сталинской Конституции». Утром — чай с лимоном, венские булочки, сыр, масло, колбаса; в обед — консоме, бефбризе, груша в красном вине. На ужин — семга, шпроты, кильки, ветчина, пирожки фритюрные с мясом, куриное рагу, холодец-зельц, буженина, свежий лимон, черный кофе, бисквитный торт...»

Затем я открыл шкаф, там также лежали книги, журналы, рукописи. Забрал их все с собой — на корабле разберусь. Отнеся бесценные бума-

ги в вертолет, я продолжил обследовать другие дома. Были найдены метеорологические приборы и оборудование, предметы быта и обихода работников метеостанции, на складе на полках лежали консервированные банки с компотом, вареньем, пачки папирос, табак, упаковки со спичками.

В подсобном помещении жилого дома мы обнаружили около двух тонн угля, дрова и сено — оказалось, полярники держали на станции поросят и коров.

Под грифом «Совершенно секретно»

.....

Почему же была законсервирована станция? Этот вопрос интересовал меня все больше и больше. Ответ я нашел в документах, с которых со-

всем недавно сняли гриф «Совершенно секретно». В них — переписка СНК СССР и Экономсовета при СНК СССР, в которой сообщалось: «Гидрометеоролог Каталов полярной станции Генриетта заболел нервным расстройством. В течение последнего года наблюдалась повышенная нервозность, которая в последнее время обострилась, перешла в манию преследования. Несмотря на принятые меры — освобождение от работы в ночное время, обеспечение нормального сна в спокойных условиях, обтирание утром холодной водой — болезнь продолжает прогрессировать. Считаем дальнейшее оставление Каталова на работе невозможным, необходимо при первой возможности вывезти под наблюдением врача». Вечером была получена дополнительная шифров-

ка: «На Генриетте на зимовке Каталов сошел с ума, ранил топором Карышева в ногу, Яковлев вместе с ранеными сидит на радиостанции, Каталов обстреливал их из карабина. В рубке нет медикаментов, вероятно, пищи. Просят помощи самолетом...» Еще чуть позже начальник Главсевморпути при СНК СССР И.Д. Папанин доложил Председателю СНК В.М. Молотову, что летчик Филипп Еременко благополучно прилетел на остров и обнаружил, что старший зимовки Яковлев вместе с ранеными Карышевым и Зениным безвыходно до прилета самолета находились в радиорубке. В тамбуре жилого дома врачом Ильиным и штурманом Абросимовым обнаружен труп Каталова с пулевым сквозным ранением через оба легких. При-

знаков насилия не обнаружено, отравления, по заключению врача, также нет. Каталов похоронен на острове, а оставшиеся трое зимовщиков были доставлены самолетом в бухту Тикси. Полярная станция острова Генриетты законсервирована. Из оставленных покойным Каталовым записок видно, что он подозревал своих товарищей в доносах на него в Москву с обвинением в различного рода преступлениях, ждал приговора о расстреле и так далее.

Оказалось, что Каталов в жилом доме пытался топором убить Карышева и нанес ему две раны, затем выбежал на улицу, увидел повара Зенина, собиравшего дрова, нанес ему два удара обухом по голове. Раненые добрались до радиорубки, где находился Яковлев, а Каталов начал

их обстреливать из карабина, на что находившиеся в радиорубке вынуждены были отвечать. В результате перестрелки Каталов был убит. Вот такая трагическая правда об острове Генриетты.

А в 1950 году остров стал прибежищем советских «робинзонов». Во время выполнения очередного рабочего задания гидрометеоролога полярной станции «Четырехстолбовый» Александра Кузнецова вместе с двумя товарищами и упряжкой собак унесло на оторвавшейся льдине в открытое море. Льдину через много дней дрейфа прибило к острову Генриетты. Законсервированная советская полярная станция на острове, с домом, баней, запасами топлива и еды, приютила людей во время долгой полярной зимы. Люди не

могли быть уверены, что о них знают и намереваются весной послать за ними ледокол, поэтому накатывавшую время от времени депрессию лечили приготовлениями к новому большому пути. В апреле 1952 года полярники покинули остров и, совершив тысячекилометровый переход, достигли Большой земли.

P.S. В 1950-х годах была еще одна попытка восстановить метеорологические наблюдения на этой полярной станции, но снова неудачно, так что проводились они недолго. Сейчас вокруг острова Генриетты — одно бескрайнее море и голубой небосвод. Линия горизонта стирается между ними. Остров, суровый и одновременно очень красивый, не пускает к себе чужаков... □

Ирина Опимах

АНТОНИС Ван Дейк

Жизнь и смерть леди Дигби

«Портрет леди Венеции Дигби, олицетворяющей Благоразумие»

Среди прекрасных картин, в основном портретов, написанных Антонисом Ван Дейком, есть две очень необычные работы. Первая — «Портрет леди Дигби на смертном одре», а вторая — аллегория (жанр, очень редкий в творчестве Ван Дейка) — «Портрет леди Венеции Дигби, олицетворяющей Благоразумие». Эти картины, отличающиеся высочайшими художественными достоинствами, несут в себе некую тайну, которая не разгадана до сих пор.

Вечером 30 апреля 1633 года Венеция Дигби, супруга сэра Кенелма Дигби, известного аристократа, дипломата, писателя, мореплавателя, ученого, отправилась, как обычно, спать в свою спальню. Ее муж, вернувшийся в тот день очень поздно, решил лечь в другой комнате, дабы не беспокоить жену. Утром следующего дня к сэру Кенелму пришел в гости поэт Томас Хокинс. У них были важные темы для бесед — требовалось обсудить переводы «Метаморфоз» Овидия на английский язык. Удобно расположившись в мягких креслах в библиотеке родового замка Дигби, друзья неторопливо разбирали строку из Овидия: «Пока мы разговариваем, завистливое время скользит вперед. Этот день принадлежит тебе, но уже в завтрашнем тебе может быть отказано». И в этот момент раздался пронзительный крик служанки. Обожаемая жена хозяина замка, красавица Венеция Дигби, еще утром цветущая мо-

лодая женщина с лицом, «нежным, как дамасская роза», была найдена в постели мертвой.

«Горе сэра Дигби было столь сокрушительно и нескрываяемо, что выходило за рамки не только приличий, но и христианского смирения. Даже король был потрясен и приказал произвести вскрытие тела покойной, чтобы определить причину такой внезапной смерти. Но прежде убитый горем муж попросил своего друга художника Антониса Ван Дейка сделать портрет мертвой жены, изобразив ее спящей. И появился портрет, который позже получил название "Леди Дигби на смертном ложе", — рассказывает в своей книге известный английский историк искусства Саймон Шама».

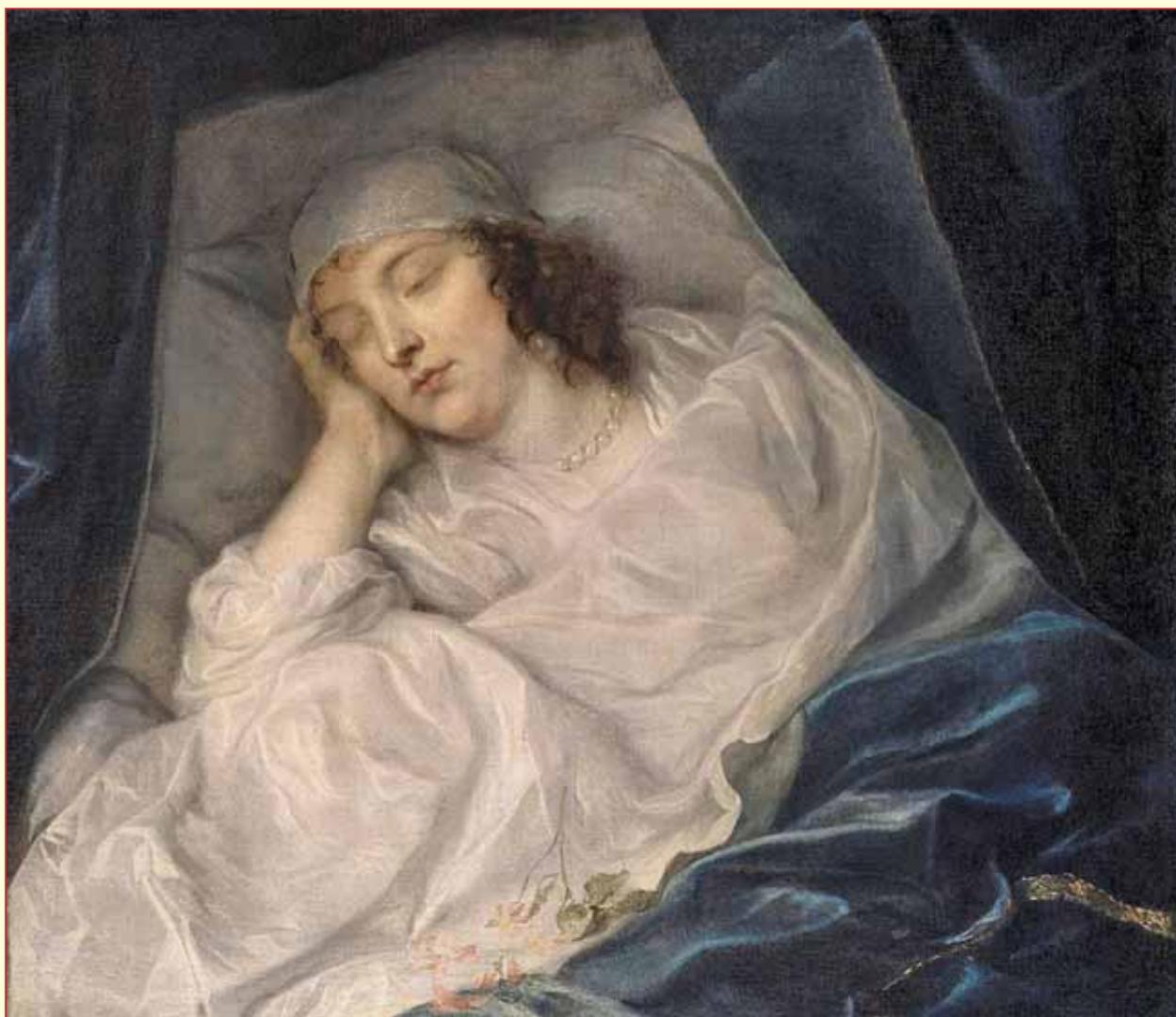
Кенелм Дигби был страстно влюблен в Венецию с юных лет. Венеция Стэнли (такова ее девичья фамилия) была дочерью сэра Эдварда Стэнли, третьего графа Дерби, и Люси Перси, дочери графа Нортумблендского. Ее мать умерла спустя несколько

месяцев после рождения Венеции, и девочка росла без материнской любви и строгого воспитания. Еще совсем юной она была представлена ко двору, где поразила всех своей необыкновенной красотой. Наверное, на одном из балов ее увидел сэра Кенелм Дигби, в будущем — «украшение Англии», один из самых колоритных и разносторонних персонажей той эпохи, друг выдающихся европейских мыслителей (среди них Бойл, Декарт, Гоббс), придворный, политик, дипломат, философ, ученый, писатель.

Юный Кенелм страстно влюбился в красавицу Венецию. Он был готов сделать ей предложение, поскольку просто не мыслил себе жизни без нее, но его мать всячески противилась этому браку — все в Лондоне знали о том, что репутация красавицы Венеции отнюдь не безупречна. У нее было множество поклонников, которым она щедро дарила свое внимание. Ни для кого не был тайной и ее страстный роман с Эдвардом Саквиллом, четвертым графом Дорсетом, который по определенным причинам совсем не собирался на ней жениться. В общем, нежелание леди Дигби видеть ее своей невесткой было вполне объяснимо. Однако Кенелм, охваченный страстью, не хотел слушать никого и ничего! И тогда его мать отправила сына в путешествие по Европе. Но и эта разлука не смогла остудить его чувства, и в январе 1625 года Кенелм и Венеция все-таки поженились.

Втайне от матери жениха! А после венчания она ничего сделать уже не могла. Любила ли Венеция своего супруга столь же сильно, как он ее? Трудно сказать. Но одной из причин того, что она вышла за него замуж, наверняка стала ее беременность; через два месяца после свадьбы она родила девочку, которая, по видимому, была дочерью Саквилла. (Девочку назвали Маргарет, а потом отослали подальше от глаз леди и сэра Дигби.) Позже Венеция родила Дигби трех сыновей, младший из которых умер в младенчестве. Муж всячески пытался повлиять на свою жену, а потому требовал, чтобы она вела себя как набожная католичка и настоящая леди. Говорили, что однажды он сказал: «Мудрый и сильный мужчина может сделать честную женщину даже из работницы борделя». Однако...

Венеция хотя и старалась соответствовать образу добропорядочной дамы — ходила на мессу, занималась благотворительностью, помогала бедным, но при этом не могла себе отказать в любви к азартным играм, в которых ей, как правило, везло, и жить без внимания мужчин, на которых ее красота и очарование неизменно производили сильнейшее впечатление. Лорд Дигби, мудрый и терпимый, приветствовал первое и старался не замечать второе. Так продолжалось семь лет, а потом произошла трагедия — служанка нашла Венецию мертвой в своей постели.

«Портрет леди Дигби на смертном одре»

Как случилось, что молодая, казалось бы, полная жизни и сил женщина так внезапно умерла? Дигби говорил, что у жены часто случались головные боли, и она в качестве лекарства пила «гадючье вино», раствор змеиного яда в вине. Может, это и стало причиной ее смерти? Обезумевший от горя вдовец даже разрешил вскрытие, что по тем временам было редчайшим делом. Но причина смерти так и осталась нераскрытой. Была ли она отравлена? Ходили слухи, что тут сыграла свою роль све-

кровь; поговаривали, что и сам Кенелм, упражнявшийся в составлении всяческих смесей в своей лаборатории, давал жене «змеиное вино» (этакий «эликсир молодости» — смесь змеиных внутренностей с вином, разными маслами и бальзамами), полагая, что оно поможет сохранить ей юность и красоту. А может, он травил ее из ревности? Тайна ухода из жизни молодой и очаровательной Венеции до сих пор не разгадана...

Одним из самых близких друзей Кенелма был фламандский живописец

сец, лучший ученик Рубенса Антони Ван Дейк. Он, уже хорошо известный мастер, приехал в Лондон в 1632 году по приглашению самого короля Англии и быстро завоевал популярность среди самых известных фамилий Британии. Сын фламандского купца, Ван Дейк сделал блестящую карьеру при дворе Карла I — король посвятил его в рыцари, пожаловал ему статус королевского художника и платил весьма неплохое жалование. В 1639 году Ван Дейк окончательно вошел в высший лондонский свет, женившись на фрейлине королевы Мэри Рутвен. Среди сиятельных друзей Ван Дейка был и Кенелм Дигби. Они оба были молоды, любили искусство, у них было много общего, и Дигби даже слегка покровительствовал художнику. Неудивительно, что одним из первых после смерти Венеции Дигби позвал к себе Ван Дейка, и тот наверняка постарался поддержать друга в столь трудное время. Кенелм попросил художника написать портрет только что умершей жены. Через два дня портрет был готов. Сам Кенелм так писал об этой картине своего друга: «Это единственный постоянный спутник, который у меня остался. Он стоит дни напролет на кресле у стола, а когда ночью я ухожу в спальню, я ставлю его рядом с кроватью, и при слабом свете свечи мне кажется, что я действительно вижу ее мертвой». Портрет художнику удался — работа не была для него сложной, ведь он не раз писал Венецию при жизни.

А потом Дигби заказал еще одну картину Ван Дейку, и снова главной героиней ее должна была стать Венеция. Она снова будет жить — пусть не в реальности, а на полотне, причем на картине она предстанет как верная супруга и благоразумная католичка. Новая работа Ван Дейка будет аллегорией, причем все образы Дигби специально оговаривал с художником. Эту картину друзья называли так: «Портрет леди Венеции Дигби, олицетворяющей Благоразумие». Теперь, когда ее не стало, ее образ должен быть очищен от всяческих слухов и сплетен, от всяческих гнусных инсинуаций — никто не должен сомневаться в чистоте ее былых помыслов и дел. Только светлая память об идеальной матери и жене.

Итак, на картине появляются голуби — символ супружеской верности, и змея — символ мудрости. Полуобнаженный человек с маской на затылке — образ двуличия, он отвернулся от героини, поскольку побежден духовным совершенством Венеции. И Купидон, зовущий к плотским наслаждениям, растоптан ножками прелестной леди Дигби.

Но не все так однозначно на картине Ван Дейка. И наверняка это не случайно...

Двуличие все-таки искоса поглядывает на нас — словно что-то знает, словно ему известна некая пикантная тайна. Над Венецией парят трое путти (так называли маленьких мальчиков, которые в искусстве Возрождения барокко и рококо заменили

*Портрет
сэра
Кенелма Дигби*

античных амурчиков). Путти возлагают на головку Венеции лавровый венок. То есть, похоже, автор картины намекает, что, отвергнув один соблазн (растоптанный Купидон), леди Добродетель поддалась другому...

А змея? Ведь мы знаем и про змея-искусителя! Да и голуби часто символ не только супружеской верности, но и богини красоты Венеры, — их часто изображали впряженными в ее повозку.

Вот такую весьма двусмысленную картину написал Ван Дейк по прось-

бе своего овдовевшего и глубоко горюющего друга...

Картина понравилась не только заказчику, но и самому художнику, и он сделал ее копию, меньшего размера. А потом использовал детали и мотивы этой картины в других своих работах.

Смерть жены перевернула жизнь Кенелма Дигби и разделила ее на две части. До ухода Венеции он был успешным, честолюбивым, ярким и обаятельным придворным, достигшим больших успехов, а после пре-

*Антонис
Ван Дэйк.
Автопортрет*

вратился в меланхолика и погрузился в научные исследования — дни и ночи он проводил в своей алхимической лаборатории. Дигби никак не мог смириться с потерей любимой жены — «носил черную траурницу, высокую остроконечную шляпу, не брил бороды, выглядел подобно отшельнику, в знак своей скорби по возлюбленной супруге», — писали его современники. Эту метаморфозу — превращение блестящего придворного, одетого в богатые бархатные, украшенные кружевами, одеж-

ды, в мрачного отшельника — легко проследить по портретам Дигби, написанным Ван Дейком до и после смерти Венеции. Страдая, Кенелм постоянно смотрел на портреты жены, на гипсовые слепки ее головы, рук и ног, которые велел сделать в тот самый трагичный день его жизни. Он с ней разговаривал и даже писал письма, которые позже вошли в книгу под названием «Praise of Venetia».

Но время лечит. И понемножку Дигби снова вернулся в реальный мир — он работал, размышлял о са-

мых разных вещах, например о том, можно ли возродить жизнь, ушедшую в мир иной (тут он, конечно же, прежде всего, думал о Венеции), и о других не менее сложных вещах, писал книги. А в 1634 году уехал в Париж и остался там почти на 20 лет. Его друзьями были крупнейшие ученые того времени. В 1644 году Дигби опубликовал фундаментальный труд — «Два трактата», где изложил свои весьма спорные соображения о бессмертии души, но при этом описал и целый ряд важных фактов, касавшихся биологии. Не забывал он и свою любимую алхимию.

А еще вел активную политическую деятельность. Будучи канцлером двора в изгнании королевы Генриетты Марии, он старался помочь английским католикам, участвовал в политических заговорах. Кончилось все тем, что Кенелм попал в тюрьму, а потом, в 1649 году, был изгнан из Британии. Англичане конфисковали все его имущество, и только через пять лет ему что-то было возвращено. К счастью, для Дигби все кончилось хорошо — в 1660 году монархия в Англии была восстановлена, и сэр Кенелм занял достойное место в британском обществе. Он многое сделал для английской науки, его имя — среди учредителей Лондонского королевского общества, и в те годы он считался не менее значимым ученым, чем сам Исаак Ньютон.

В январе 1665 года сэр Дигби составил завещание, в котором выра-

зил желание «упокоить свой прах рядом с той, кто была его величайшим земным благословением». Он скончался 11 июня 1665 года, в 62 года. Как он и просил, его похоронили рядом с женой, в ньюгейтской церкви Христа. На его могиле установили черную мраморную плиту, на которой, в соответствии с его распоряжением, никаких надписей сделано не было. В следующем году в Лондоне случился «Великий пожар», уничтоживший многое в городе. Уничтожил он и захоронение сэра и леди Дигби.

Кенелм Дигби пережил своего любимого художника Антониса Ван Дейка на 24 года. Оставив потомкам более 1500 великолепных картин (не считая рисунков и гравюр), Ван Дейк скончался 9 декабря 1641 года. Ему было всего 42 года. Похоронили его в главном храме британской столицы — в соборе Святого Павла.

А картины, на которых Ван Дейк запечатлел прекрасную Венецию, сегодня украшают лучшие музеи мира: «Портрет леди Дигби на смертном одре» — в лондонской Дулвической галерее, а «Портрет леди Венеции Дигби, олицетворяющей Благоразумие» — в миланском музее Палаццо Реале. Авторская копия картины — в Лондонской Национальной галерее.

Мечта Кенелма Дигби сбылась: его возлюбленной Венеции была дарована вечная жизнь — в искусстве, а совершил это чудо его друг, выдающийся фламандский художник Антонис Ван Дейк. □

М.В. Нестеров

Виктор Ом

*Михаил
Васильевич
Нестеров.
Автопортрет*

«Малиновый звон» в снегопаде...

*«Жил я своим художеством —
и, худо ли, хорошо ли, прожил
жизнь с кистью в руке...»*

Михаил Нестеров

...Тихое снежное утро в центре Москвы... Канун большого праздника! «Рождество во плоти Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа»!..

Но! В том 1940-м году Рождество в Советском Союзе не являлось «красным днем календаря»... Иными идеалами жила Страна Советов! Религия давно была отброшена, как пережиток прошлых «темных» времен...

А в душе художника, родившегося в религиозно-патриархальной семье, с православным отцом и глубоко верующей матерью, вера так

просто источиться не могла... Вера, любовь к жизни и искусству таились в его сознании с отрочества.

Увы, живописцу (в прессе его называли — «религиозный художник») с тематикой, связанной с православием, места в современном советском искусстве не оказалось. Газета «Правда» писала о его работах, что они образчики реакции. Дескать, это наглядно видно в живописи художника Нестерова. А ведь только один его холст «Душа народа» чего стоил! Дерзкий поиск создания образа великого православного русского народа! Россия «дышала» православием и через него выражала свою душу. И он, русский художник Михаил Нестеров, писал свои живописные сказы под «омофором» этой веры! Бросить живопись из-за изменившейся идеологии? Но этому отдана вся жизнь! Физическая и духовная...

В октябре 1917 года произошла революция, и Михаил Васильевич пришел к печальному выводу — его Руси — «великой, родной и понятной» — больше нет!

Вся жизнь завихрилась, разлетелась, как картонный домик на ветру.

Он даже в Бутырской тюрьме побывал... две недели. 76-летний старец — никакой не смутьян, простой художник! Зятя его, Юрия Шретера, — расстреляли! Дочь Ольгу, у которой было слабое здоровье, посадили, а потом отправили в Джамбул, откуда она вернулась инвалидом. И он, не понимая, зачем жить дальше, хватался за карандаши и краски — как за единственную опору, которая еще оставалась... Ведь та Россия, где он родился, в которой познал Господа, где любил и творил, завихрилась в кромешном урагане,

унеслась и пропала! Тогда и появились крамольные мысли: «Может, вовсе не нужно рисовать? Для кого, зачем? Если только «для себя», чтобы занимать чем-то время жизни, да и не жизни уже, точнее — существования...» Но тут же на смену пришла совсем другая: «А если серьезно взяться за портрет? Скажем, портреты нынешних соплеменников по горестной стране...»

И художник Нестеров начал писать портреты современников. Не за плату, а, как он сам говорил, «чтоб не забыть ремесло». Так появились портреты — скульптора И.Д. Шадра и академика А.Н. Северцова, архитектора А.В. Щусева и хирурга С.С. Юдина, портрет братьев Коринных — Павла и Александра, и двойной портрет, который был назван «Философы». Религиозные филосо-

фы, богословы и православные священники — Павел Флоренский и Сергей Булгаков. А портрет нобелевского лауреата — академика Ивана Павлова экспонировался на Всемирной выставке 1937 года в Париже и имел ошеломительный успех! За эти выдающиеся работы художник получал награды от советского правительства и даже удостоился Сталинской премии!

...Нежное «акварельное» утро прояснялось, сквозь воздушную вуаль ночи робко и неторопливо пробивался новый день. Михаил Васильевич попросил таксиста остановить машину на углу Лаврушинского переулка, там и вылез из машины, опираясь на палку, шагнул в сторону тротуара, и тут его словно обожгло волнением — он явственно услышал напевные звоны колоколов. Звон был таким чистым и ясным, что художник тихо прошептал: «О, Господи, неужто настоящий... малиновый звон?!» — и замер, вслушиваясь, как причудливо поплыл звон, переливаясь и перетекая в даль, которую можно было только вообразить. Слушал и бормотал про себя: «Да-а! Именно звон, о котором таинственно говорят: «Это и есть настоящий малиновый звон!»»

Нестеров неторопливо, со значением, перекрестился, провел ладонью по лицу, вытер влажные глаза и засмеялся от нечаянно нахлынувшей радости. Он был счастлив!

Дойдя до «древнерусских палат» галереи Третьякова, Михаил Васи-

льевич сразу вспомнил своего большого друга — Виктора Михайловича Васнецова, который палаты эти придумал и нарисовал, а потом под его присмотром архитектор Башкиров сделал архитектурный проект. Так появилась несказанно украсившая Москву городская картинная галерея, внешне напоминая царство острова Буяна или царские палаты...

Павел Михайлович Третьяков мало того, что сам был фанатично увлечен собирательством живописи, он увлек и своего брата Сергея. Только тот стал собирать полотна западных художников, а Павел Михайлович отдал всего себя — русскому!

Третьякова знали абсолютно все художники, безмерно уважали, а молодые трепетали, когда он оказывал внимание их работам. Это был профессиональный «камертон» для уровня мастерства художника. Нестеров вспомнил слова своего отца, который говорил, что признает его как художника, только когда его работу приобретет для своей галереи Павел Третьяков. И когда это все же случилось, очень уважительно стал относиться к творчеству сына.

Павел Михайлович был скромным и интеллигентным человеком. Даже голос у него был негромкий, всегда спокойный. Внешне — красивый мужчина: высокий, худощавый, с темно-русскими волосами, изпод густых бровей пристально, но в то же время по-доброму, смотрели темно-карие глаза... Одевался он всегда очень элегантно, предпочитал в основном подчеркнуто-

«Видение отроку
Варфоломею»

строгие костюмы. А еще — гармоничное состояние духа — вот, пожалуй, самые яркие черты его личности. От него исходило чувство доброты и уважительной внимательности к собеседнику.

Работы у художников Третьяков приобретал лично, помня, как в самом начале его карьеры коллекционера был обманут — подсунули ему копию вместо оригинала! После этого только сам приобретал работы. Покупал прямо с выставок, а бывало, еще на этапе развески, перед экспонированием. Приезжал и в мастерские — заказывал работы. Он говорил: «Самая подлинная

для меня картина та, которая лично куплена у художника».

15 августа 1893 года — день для русского искусства значительнейший! Состоялось официальное открытие «Третьяковки». Мероприятие собрало множество простых людей и государственных персон. Название собрания живописи звучало так: «Московская городская галерея Павла и Сергея Третьяковых». Царь хотел пожаловать Павлу Михайловичу дворянство, но он отказался: «Купец был — купцом и умру!»

Великий был человек! — выдохнул Михаил Васильевич. И так ярко

вспомнился разговор с Павлом Михайловичем... Предзакатные оранжево-горячие лучи солнца окрашивали его лицо, заливали комнату в его доме, где они сидели. И Третьяков неторопливо, с паузами, вспоминал, как начинал собирать свою коллекцию, как радовался, когда удавалось купить старинную книгу или лубочную картинку, пожелтевшую от времени гравюру или совсем ветхий эстамп, а потом до глубокой ночи разглядывать каждую детальку на этих работах, любоваться и зачитываться книгами. Это так радовало душу, так окрыляло и поднимало новый азарт и энергию, что остановиться не представлялось возможным... Не забыть и его слова: «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало об-

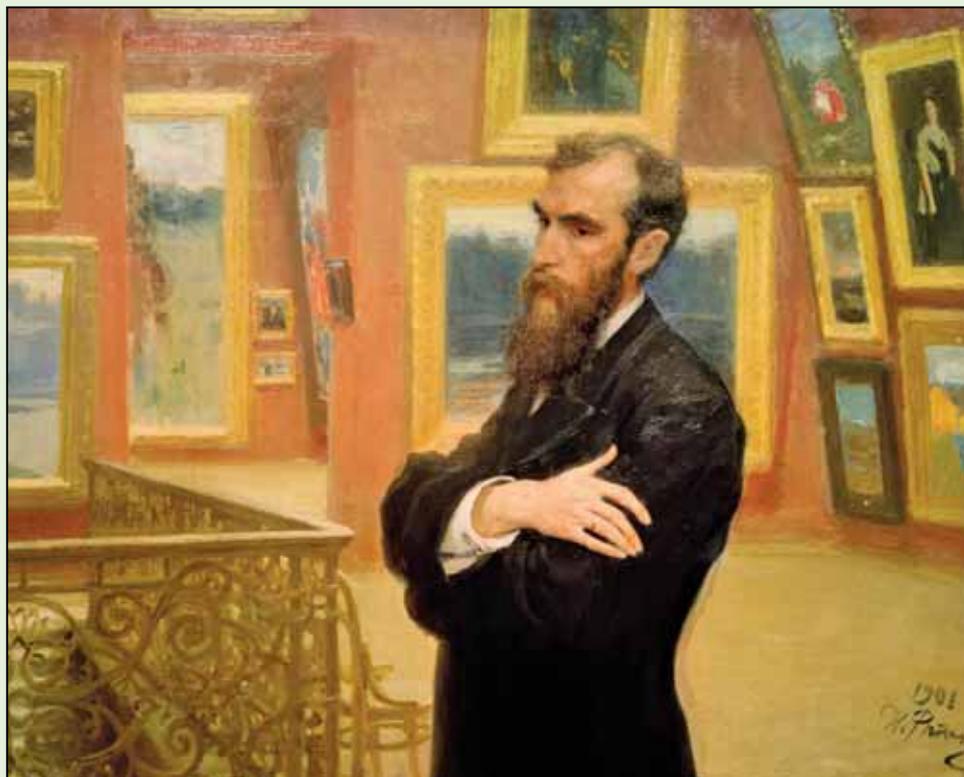
щественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесшего многим пользу, всем удовольствию».

«Вот как нужно любить искусство! — опять тихо вздохнул Михаил Васильевич. — Эти слова нужно выбить на стене и обязать студентов художественных училищ и вузов выучивать наизусть как молитву!» Перед ним тут же возник образ строго смотрящего в себя, задумчивого и немногословного Павла Михайловича Третьякова, и он подумал: «Точнее всех удалось передать внутреннее состояние благотворителя художников Илье... стало быть — Илье Ефимовичу Репину. На его портрете Третьяков очень похож на себя, с его непрекращающейся работой духа! А эти перехваченные нервные руки! Да, хорош портрет...»

Слева:
«Святая Русь»

«Павел
Михайлович
Третьяков».
Портрет кисти
Ильи Репина

А следом за этим «явился» образ Виктора Михайловича Васнецова, с его открытым, ласковым, наполненным любовью взглядом. Он почти всегда в воспоминаниях появлялся в заляпанном красками халате, как в Киеве, когда писали в Софийском соборе. И не днями — месяцами. На годы свела их судьба под своды Великого Храма Руси...

Долго стоял Нестеров, захваченный воспоминаниями. Очнулся от приветствия одного из служащих галереи Третьякова — Ивана Дмитриевича, с которым они давно уже были знакомы, тепло поздоровался с ним, войдя в здание, прошел в раздевалку, снял шубу и шапку и направился в зал, к экспозиции картин. Последнее время он приходил в Третьяковку часто. Ему хотелось понаблюдать

за зрителями — смотрят ли? И как именно смотрят на его «Варфоломея»?! Какие чувства вызывает он у молодежи? Понимают ли они его авторскую сверхзадачу — изобразить «абсолютно хорошего русско-го человека»?!

Речь, конечно, о его картине (скажем откровенно — выдающейся картине!) «Явление отроку Варфоломею». Его живописном шедевре, которому, как и самому казалось, отдал все самое лучшее, что было в его душе человека и — художника.

Точно помнил — ни до этой картины, ни после, так самоотверженно не отдавал себя работе. Ни-ког-да! Он был молод, самый рассвет жизни! Были и азарт, и сила, и яростное желание со-тво-рить!!!

Михаил Васильевич вздохнул и присел на длинную лавочку, чтобы

«*Душа народа*»
(«*Христиане*»)

видеть противоположную стену, где висел «Варфоломей». Залы галереи были еще пусты, но окна уже светились бело-голубым свечением. Вспомнились напряженные дни, до «захлеба души» заполненные Варфоломеем. «Я был полон своей картиной. В ней, в ее атмосфере, в атмосфере видения чуда, которое должно было совершиться, жил тогда я, — шепнул он себе под нос. — О, как же меня ругали!... За нимб над головой инока! А началось с того, что захотелось написать образ простого русского человека. Появилось прямо навязчивое желание, и жгло, жгло мое художническое самолюбие. Бывает у художника такое — вдруг до смерти захочется написать — и все! Не знаешь даже, почему именно это или этого человека? И бредишь, бредишь в фантазиях... словно лунатизмом слегка приболел... Мой выбор пал на преподобного Сергия Радонежского. Лично

для меня — только он олицетворял все, чего просила душа.

Так совпало — и так разрешилось...

Работа над картиной началась сразу по возвращении из Италии. Причем я стал писать этюды пейзажей в окрестностях Абрамцева, Радонежа, Хотькова и соседних деревень. Писал просто осенние мотивы, без соотношения с композицией будущей картины, которая пока была лишь в воображении... Но этюдная работа очень помогла — быстро погрузила сознание и душевный настрой в атмосферу предстоящей работы.

А когда стал писать этюд прямо с веранды абрамцевского дома, вдруг почувствовал, что этот мотив непременно использую в картине. Так и вышло...

Возле Радонежа (или Городка) набрел как-то поутру на старый, мощный и кряжистый дуб. Написал этюд, и он пригодился в работе... И вдруг

грудь обожгло, представился и вмиг заполнил душу — образ святого Сергия! Его история, отроческие дни, словом, все, что было читано-перечитано в «Житии преподобного». И сам Радонеж, милейший уголок русской земли, всплыл перед внутренним взором. Увидел холм Маковец, и на нем белую церковку и крыши поселка. А вокруг леса и широкое поле, с серой лентой старой дороги на Загорск...

Ожило в сознании и Абрамцево, и деревня Комяково. Хотьково, с его огромным женским монастырем, где стоит и поныне рака с мощами родителей святого преподобного Сергия Радонежского, и другие окрестные села с потрясающе-прекрасными русскими пейзажами вокруг...»

У картины собралась толпа, человек десять. И все почему-то смотрели молча... Только один степенный папаша тихо нашептывал на ухо своему сыну: «Мудрец сказал: «Истинное искусство — это исповедь страждущей одинокой души... поэтому душа творит вечные произведения в тиши».

— Да-да... в самом деле, работа очень похожа на исповедь души — и поэтому незабываема! — слышался чей-то голос из толпы.

Теперь почему-то вспомнилось, как собирался в ту давнюю поездку в Италию... Как охватывало беспричинное волнение, и насколько явственным было предчувствие грандиозного замысла... Поэтому среди святынь Рима, Венеции и Флоренции

боялся остаться даже на минуту без блокнота и карандаша — страстно ждал священного наития! Оно пришло, но оттуда, откуда не ожидал...

Однажды вечером, просматривая свои «почеркушки», где оставлял графические пометки своих идей и мыслей, обратил внимание на легкий, в несколько штришков, намек на композицию о святом Сергии. Оказалось, в течение дня он думал только об этом сюжете, который еще в Москве являлся иногда смутной мыслью, даже без намеков каких-то изобразительных деталей.

Отрок Варфоломей вновь явился... в Италии...

... И возвращение из заграницы вспомнилось. Как, оставив позади пограничный переезд, коляска покатилась по такой родной и дорогой русской земле! Как заволновался и едва не прослезился от волны будоражащих, щемящих чувств... И как, приехав домой, уже ничем не мог заниматься — только Варфоломеем!

Писал и рисовал эскизы... Не нравилось — перекомпоновывал, начинал по-другому и... читал, читал «Житие Сергия». Читал и другие источники, где упоминалось об этом случае с преподобным. Много чего пролистал... Композиция, показалось, вызрела, сложилась, оставалось лишь последнее усилие... Но, едва начинал прорисовывать, все разваливалось, забивалось деталями, и не было главного — высокого строя души! Без этого он работу не представлял. После многотрудных поисков композиционного решения

«*Портрет
Павла Корина*»

картины вернулся к первому эскизу — даже не эскизу, к «почеркушке», и...увидел главное — мальчика. Такой строй картины показался убедительным, он это почувствовал сердцем. А тут еще включилась интуиция... Ей он абсолютно доверился, понимая, что ни знанием, ни математической схемой такую композицию не создашь. Здесь на замысел обращено все — каждая деталь, каждое цветовое и тональное пятно, каждая незначительная прорисовка... Он уже был уверен — композиция будет только такой!

Перебрался из Абрамцева в деревушку Комяково. Ходил в Хотьковский монастырь, бродил в окрестно-

стях Радонежа с этюдником и все тем же маленьким альбомчиком, куда стекались посредством простого карандаша в железной оправе все его неохватные замыслы...

Осень в том году не задалась, стояли пасмурные дни, чаще ветреные, с холодными дождями. Но в начале октября вдруг случился один день, который стал несказанной тайной, душевным секретом. То была пора нелегкого композиционного выбора картины о Варфоломее... Уже были написаны два эскиза, и оба будто бы близки к тому, что ему хотелось. Но больше своей интригующей композицией нравился вариант с отвернувшимся монахом. В этом решении центром композиции был сам отрок, его лицо. Точнее, эмоциональная реакция на то, с чем обращался к нему «божий человек»... И в этой выразительности проигрывал композиционный вариант с этим же монахом, но повернутым к зрителю, а отрок напротив оставался только мальчишкой со спины. Но ведь главным должен быть именно он!

Внутренняя борьба уже несколько дней не оставляла художника — думать ни о чем больше не мог. И вот среди череды серых и докучливых дней вдруг разгорелось однажды изумительно-золотое утро, с бездонностью синевы небес!

Когда солнце поднялось, Михаил Васильевич успел выпить горячего чая и собрался взять этюдник — но... вдруг передумал. Быстро сунул в карман куртки небольшой блокнотик и заторопился на улицу.

Омытая «золотая» природа потрясла его контрастами оранжевых, багряно-желтых и фиолетовых цветов. Краски сияли, окрашивая даже воздух. Небеса — сплошь кобальтовая синь! Он чувствовал, как волнение и особенный душевный трепет охватывали его все больше, и торопливо двигался в сторону леса. Само провидение дарит этот солнечный день. Нужно «впечатать» его в память, напитаться красками и светом — больше возможности не будет. Он шел и шел дальше, думая о своем, поэтому не заметил ямку, усыпанную кленовыми листьями, ступил в нее и провалился по колени. Остановился, раскинул руки, запрокинул голову, вдохнул бодрящий резкий воздух и упал на мягкий ковер желто-охристых листьев, которые пахнули прелостью и грибами. Только на мгновение закрыл глаза и ... вдруг увидел картину «Видение отроку Варфоломею»! Написанную, и даже в раме! Все сомнения тут же исчезли, он уже знал, какой вариант композиции самый точный. В груди зажглась та особенная творческая жажда, которая бывает у всех художников — сотвори-ть!!!

Он медленно встал и теперь неторопливо пошел перелеском...

Дома не утерпел — начал пробовать писать на холсте...

Когда все улеглось, и в тоне, и в колорите, стало ясно — все решит лик отрока Варфоломея! Если удастся в его профиле выразить, что должно, — значит, картина будет, а нет — ничем более, ни пейзажем, ни други-

«Портрет
дочери»

ми средствами не спасешь, все останется мертвым... просто некие фигуры в пейзаже...

И Михаил Васильевич бросился на поиски лика отрока. Это оказалось совсем не простым делом. Сразу увидел бездну между тем образом, который зрел в его душе и внутреннем видении, и обычными маль-

*«Философы».
(Портрет
С.Н. Булгакова
и П.А. Флорен-
ского*

чишескими мордашками. Были симпатичные малыши, по-своему привлекательные, даже милые, но в них не было и намека на... святость... Одного из мальчишек все же написал, но уже в процессе работы над этюдом видел, это совсем — совсем не то.

А лик Варфоломея был решающим в картине!

Он с этюдником обходил все близлежащие деревни в поисках «единственного» лица мальчика. Дни таяли, осень все безудержней наступала, а у него только множились безрезультатные хождения, приносявшие отчаяние и отнимавшие остатки физических сил.

И вот однажды вечером Михаил Васильевич возвращался в избу, где

снимал жилье. Проходя по разъехавшейся грязи мокрой дороги, едва не прошел мимо шлепавшей в неразумных лаптях маленькой девчушки. На нее взглянул случайно — ведь искал-то он мальчишку. Но едва взглянул — прямо впал в ступор! Быстро зашагал к остановившейся малышке и, почти присев возле нее, прямо взглянул в испуганное личико. Точно разрядом тока ударило — лицо девчушки казалось каким-то «нездешним»... И было именно таким, которое он так мучительно искал!

Дальше все решилось быстро. Девчушка привела его к своей матери. Это была солдатка, жившая на самой окраине Комякова. На художников здесь реагировали спокойно, потому что их в этих краях работало

много, особенно летом. Сговорились о гонораре за то, что девушка попозировует два-три часа, и все. Утром следующего дня Михаил Васильевич уже писал этюд девочки. Она была больна чахоткой, отсюда воспаленные губки, бледная худоба лица и всего тельца. Глаза при худобе казались еще больше, пронзительно-серые, чуть воспаленные, как и губы... Нестеров уже знал, как будет рисовать лик Варфоломея из этого этюда. Когда этюд был закончен, он уже твердо знал — Варфоломею жить!

Избу для работы снял прямо в Комякове и принялся писать. Но был уже ноябрь... темно, дождливо, холодно. Изводила темень — нехватка света! Дневных часов хватало только на то, чтобы войти в работу, и, когда казалось, все начинает получаться — работу приходилось прекращать... А еще проблема с питанием и плохое самочувствие...

Михаил Васильевич решил уехать в Уфу, к матери и сестре. Собрался быстро, свернул в рулон холст и в таком виде повез в Уфу. Дома вновь натянул на подрамник и сразу же взялся за продолжение работы...

В первые дни по приезду заболел, но оставить работу не смог — продолжал писать. Как ни уговаривали родные прекратить писать хоть на несколько дней и подлечиться — все было тщетно. Однажды из-за болезненной слабости у него закружилась голова, и он упал с высокой

скамейки, на которой стоял перед холстом. Во время падения зацепил холст и пробил дыру, которую невозможно было реставрировать без потерь для картины. Пришлось заказать новый холст и ждать, пока пришлют из Москвы. Только через две недели начал писать снова. На другом холсте. Нанес рисунок и принялся за работу...

В картине художник не акцентировал удивление Варфоломея, увидевшего вдруг святого инок. У Нестерова он изображен так, будто знал и ожидал подобного явления, он просто созерцает монаха... Именно этот момент разработан Нестеровым, будто бы утверждая для зрителя возможность в реальности подобного чуда.

Завершив свой главный труд, Михаил Васильевич привез холст, свернутый в рулон, Москву. В мастерской снова натянул на подрамник и выставил на мольберте. Глядя на картину, он страшно волновался — как будет воспринят «Варфоломей»? Надо было «выводить» картину в свет, но вначале, по традиции, показать друзьям-художникам...

Первым пришел Исаак Ильич Левитан. Долго рассматривал холст, отходил, присаживался на край стула, опять вставал и подходил совсем близко — внимательно рассматривал детали... Человек он был немногословный, сдержанный в суждениях, но к творчеству Нестерова давно относился с огромным пиететом. Ему нравились пейзажи Михаила

Васильевича, он называл себя поклонником нестеровской природной лирики и видел в нем талантливую песнопевца русского пейзажа.

Чуть позже пришел Василий Иванович Суриков. Он сразу принял холст коллеги положительно и предсказал ему важное место в русской живописи.

И все же мнения о картине разделились. Одни приняли ее как большую удачу художника, а другие подняли страстную полемику, настолько безрассудную, что слышались даже призывы вообще уничтожить работу, так как она открывает запретное направление в живописи — рассказывать языком светской живописи о святых. В неистовство впали художники Маковский, Лемох и Мясоедов — они требовали не выставлять нестеровского «Варфоломея», потому что видели в этой работе что-то мистическое, никак не отвечающее идейному направлению передвижничества. Волна против картины поднялась большая, но в итоге тайное голосование оказалось в пользу Нестерова, и холст было решено все же представить на 18-ю выставку передвижников в Петербурге. Продолжилась отрицательная критическая волна и в печати — Нестерова критиковали за венчик — нимб вокруг головы святого инока...

Несмотря на значительный перевес отрицательных отзывов о картине, к Михаилу Васильевичу на выставке подошел Павел Михайлович

Третьяков и тихо сказал: «Я был бы рад, если бы вы уступили вашего «Варфоломея мне!» А Михаил Александрович Врубель как-то в разговоре с Нестеровым вдруг очень выразительно и убедительно произнес: «Вам хорошо — у вас уже есть «Варфоломей»!»

Исаак Левитан, Рябушкин, братья Аполлинарий и Виктор Васнецовы, Михаил Врубель, Виктор Борисов-Мусатов, Александр Бенуа, Борис Кустодиев, наверное, можно было бы добавить еще фамилий... Это движение в русском искусстве, когда динамично проявились процессы по-новому осмыслить наследие — русскую икону, творения гениального Андрея Рублева и все предыдущее, созданное в национальном образительном искусстве. Традиции и новаторство — две главные опоры, на которых и держится вся русская живопись конца 19-го — начала 20-го веков...

День в галерее Третьякова пролетел незаметно.

«Как быстро закончился день с Варфоломеем», — усмехнулся Михаил Васильевич и, поднявшись с лавки, пошел, опираясь на палочку, к выходу. Немного пройдя по Лаврушинскому переулку, приостановился и тихо, как будто нараспев, проговорил: «Россия — это ведь громадная неоглядная равнина, по которой и я, как лихой русич, пролетел, пронесся так быстро — оглянуться не успел, а жизнь уже на исходе...»

*«Преподобный
Сергий
Радонежский»*

«Так ли все, как вы говорите о моем художестве, — сказал как-то старый мастер своему давнему другу и главному своему биографу Сергею Дурылину, — покажет время. Оно строже и справедливей самого... Бенуа, все в свое время разберет и поставит на свое место. Но жить нынче буду не я. Жить будет «Варфоломей»!.. И если через тридцать, через пятьдесят лет после моей смерти он еще что-то будет говорить людям — значит, он живет, а значит, жив и я. Кому ничего не скажет эта картина, тому не нужен и весь Нестеров».

И после мысли этой, еще не высказанной вслух, замерла в странстве прославленного Лавру-

шинского переулка божественная тишина... Тишина, которую никак невозможно выразить — можно только послушать...

Нестеров замер (в душе ожила жгучая смесь чувств, неясных, но будоражащих эмоций, которых не выразить словами) и прикрыл глаза, едва до него донеслись трепетно-сладостные звуки колоколов, а дальше — запел, загудел, заволновался и поплыл «малиновый голос» в тихом, мерном рождественском снегопаде!

Малиновый... малиновый звон...

От невыразимой полноты духа и сердца старый художник... зарыдал... □

Марина Бойкова

Гороховец

Здесь Пушкин был проездом и Некрасов. А среди тех, кто называл этот город родным, был сам... Штирлиц!

Фото автора

Да-да, Юлиан Семенов именно Гороховец, крохотный и, казалось бы, захолустный городок, затерянный на границе Владимирской и Нижегородской областей, сделал тем ме-

стом, где рос, и куда потом стремился мыслями и душой его любимый герой Максим Исаев, он же штандартенфюрер Отто фон Штирлиц. Первую книгу о нем Семенов

написал в 1970-м, а неизгладимые впечатления от Гороховца будущий писатель получил за два десятилетия до этого, когда он, студент Московского института востоковедения, оказался на военных сборах в гороховецких военных лагерях и в сам город, разумеется, заезжал. И надо же, впечатления не выветрились за долгие 20 лет!

На самом деле, поразительно, что этот скромный в масштабах России пятючок земли так крепко врезается в память тех, кто здесь хоть раз побывал. Меня, уроженку Гороховца, такие факты, признаюсь, довольно долго удивляли. Ну, ничего же интересного — улочки с деревянными избами, церкви, монастыри, Клязьма, лопухи и лебеда, коровы и козы, сады и огороды... Но позже, когда я уже работала в телекомпании и колесила со съемочной группой по российской глубинке (а это были пресловутые девяностые), я невольно сравнивала те городки, куда заносила меня журналистская судьба, с Гороховцом. Сравнивала и изумлялась. Всеобщая разруха и уныние как бы обходили его стороной. Вернее, разруха, разумеется, была: маленькие предприятия, что кормили 12-тысячное население, закрылись или дышали на ладан, дороги не латались, казалось, с Первой мировой, в магазинах было пусто, в карманах пусто. Но при этом — палисадники ухожены, на окнах — веселые гераньки, деревья на улицах по колено в побелке, мусором обочины не за-

валены. Гороховчане по мере сил латали-подкрашивали фасады и заборы, чтобы все это радовало глаз хотя бы внешне. Что-то держало город на плаву. Намоленное место! Именно тогда я услышала и запомнила эти слова, сказанные про мою малую родину. Теперь знаю, что в летописях Гороховец, единственный в России назывался градом Пресвятой Богородицы. Почему, за какие заслуги — не ведомо, но явно не просто так!

Недавно город отметил свой юбилей — 850 лет! Помнит ли он Андрея Боголюбского, своего основателя, вопрос. Вряд ли князь лично топнул здесь ногой, обозначив, таким образом, место будущей крепости. Скорее, просто повелел поставить на высоком берегу Клязьмы в самом удобном для обзора месте сторожевые башни, дабы перехватывать вражеские ладьи на дальних подступах к Владимиру. Впрочем — кто знает, может, и топнул... А еще город помнит, что жили на его земле финские племена. Недавно археологи обнаружили в центре Гороховца могильник этой культуры, относящийся к началу первого тысячелетия нашей эры, и это стало своего рода сенсацией в научном мире, поскольку в Волго-Клязьменском междуречье подобные находки крайне редки. Особенно крепко в память города врезались орды Батыя: в один из набегов, в 1239 году, они сожгли его дотла. Только через три века Гороховец снова стали упоминать в летописях. Видимо, где-то в этом времен-

ном промежутке и возникла легенда об огромном и грозном витязе, вдруг нависшем над одной из возвышенностей, находящихся в черте современного Гороховца. Под горой тогда собралось татарское войско, за горой прятались от супостатов жители города, на горе держали оборону его защитники. И когда уже казалось, что поражение неизбежно, появился из-за спин русских воинов и вознесся над ними, как бы беря под свою защиту, великан с мечом в руке. Татарское войско бежало в панике. С тех пор эту гору называют «пужаловой». Кстати, важный момент: здешние возвышенности, крутые, поросшие травой и деревьями холмы, испокон веков именуются

горами. За ними прятался местный люд, когда приближался к посаду враг. Отсюда и Гороховец, гора, за которой прячутся, ховаются. Во всяком случае, это самая правдоподобная версия происхождения названия города. И никакого гороха! Хотя Екатерина Великая и утвердила этого представителя семейства бобовых на гербе Гороховца. Да, формально подошла к делу государыня, вернее, какой-то ее геральдист. Зато сегодня в Гороховце всячески обыгрывают эту анекдотичную историю: проводят праздник Царя-гороха, кормят туристов гороховой кашей... При этом никогда это растение не давало здесь обильного урожая, в отличие, скажем, от огурцов, ко-

торых в сезон родит гороховецкая земля столько, что «девать их некуда» (выражение Николая Алексеевича Некрасова, тоже отметившего этот феномен).

К писателям я еще вернусь. А пока расскажу о купцах, обеспечивших Гороховцу его «золотой век» — семнадцатый. Ширяевы, Ершовы, Опарины, Канонниковы — это лишь часть славных родов. Наладились предприимчивые мужики с такими замечательными русскими фамилиями производить и продавать «вино» (точнее — водку, в те времена и она звалась «вином»). На ней, на водке, да на юфти (выделанная кожа) в основном и богатели, не чурась, естественно, и других купеческих дел — торговали хлебом, ры-

бой, сукном, отправляли обозы с товаром в Сибирь, в Астрахань... Но в первую очередь торговали «беленькой», причем в каких-то невероятных количествах. Например, в 1693 году один только Иван Ширяев получил подряд на 30 тысяч ведер «вина»! Однако сами гороховецкие купцы, если и выпивали, то умеренно. Все храмы в городе, кроме одного, построены на их деньги. Например, Казанскую церковь в бывшем Красном селе (оно давно в черте города) построил все тот же Ширяев. А купцам Ершовым спасибо за Троице-Никольский собор, возведенный на насыпном валу на месте бывшей крепости, а еще за финансирование строительства Фролицевой пустыни (красивейший муж-

ской монастырь в гороховецком уезде), за каменную жилую усадьбу, в которой сейчас музей... Судя по всему, славные были бородачи! Прельсти такого яхтой или виллой на Лазурном берегу, не прельстился бы, пошел бы очередную церкву строить. Что ни говори, умели они отличать богоугодное дело от греховного. Кстати, в те стародавние времена российские купцы, самые богатые, объединялись в корпорацию, которая называлась Гостиная сотня. В разные годы в среднем сто человек в ней состояло, и из них минимум восемь были из крохотного Гороховца!

Но успешная торговля закончилась, когда Екатерина Великая в 1765 году издала указ, запрещающий производить алкоголь купцам, отныне этим могли заниматься только дворяне. Бизнес захирел, город обеднел. Однако в нем продолжали рождаться умные, предприимчивые мальчишки, которые, повзрослев, преуспели в купеческом деле, правда, уже за пределами родного города. Приведу несколько ярких примеров. В Москве недавно закончилось строительство станции метро «Лухмановская». Название — от одноименной улицы, на которую ведет выход из станции. А улица названа в честь купца Дмитрия Лухманова, в первой половине XIX века жившего здесь, в подмосковном селе Косино в своей усадьбе и построившего поблизости несколько церквей. Дмитрий Александрович, уроженец Гороховца, был букинистом и нумизматом, це-

нителем живописи. Большое состояние нажил, торгуя в своих лавках в Охотном ряду книгами, антиквариатом и драгоценными камнями. На свои средства он не только строил храмы, но и, например, снаряжал ополченцев, идущих сражаться с Наполеоном в 1812 году, за что после победы государь наградил его медалью на Аннинской ленте. В Москве у Дмитрия Александровича был собственный дом на Большой Лубянке, в котором он не только проживал с большим семейством, но и держал «лавку чудес», так называли антикварный магазин Лухманова высокородные москвичи. И в этом доме в 1918 году, через 80 лет после смерти купца, расположилась ВЧК. На втором этаже, в некогда хозяйских покоях, был кабинет Дзержинского. А ныне в часе езды от Гороховца, родного города славного купца Лухманова, почетного гражданина Москвы, находится город Дзержинск. О, зигзаги истории и судеб!..

Несколько лет назад в Гороховец приезжала семья французов, носящих русскую фамилию Судоплатовы. Они оказались потомками Владимира Васильевича Судоплатова, богатого купца, бывшего до революции одним из шоколадных королей Российской империи наряду с Абрикосовым и Эйнемом. Свою кондитерскую фабрику — первую на Урале и в Сибири — он основал в Перми. Как занесло гороховчанина в те края, неведомо. Но он более чем преуспел. И преуспевал бы дальше,

если бы не революция. Сам основатель вскоре после прихода к власти большевиков умер, один из его сыновей пропал без вести на фронте еще в Первую мировую, другого расстреляли в 37-м, а старший, Сергей, в 20-е годы перебрался во Францию, где и обосновался. Его внук Серж, французский инженер в области информационных технологий, и приехал с семейством в Гороховец, дабы прикоснуться к земле предков, а на одной из улочек и сегодня стоит в деревянных кружевах и с высокими окнами дом Судоплатовых.

Самую большую память в родном городе оставил о себе Михаил Федорович Сапожников. Он тоже из тех

талантливых мальчиков, что родились и выросли здесь, на берегу Клязьмы, а состояние наживали уже в других, более располагающих к широкой купеческой деятельности местах. Михаил Федорович процветал в Казани. Торговал мануфактурой, тканями и готовым платьем. Жил с большим семейством (11 детей) в собственном двухэтажном каменном доме... Однако малую родину не забывал. На его деньги в Гороховце были выстроены четыре гимназических здания, богадельня и водопровод, храм Всех Святых и больница. В конце XIX века Сапожников купил в родном городе трехэтажные белокаменные палаты XVII века —

Дом Ершова — для семьи своего брата Ивана. Теперь в этом здании, сохранившем свой первозданный облик, музейная экспозиция, рассказывающая о купеческом быте трех столетий. (Кстати, во всей России образцов гражданской архитектуры допетровского времени сохранилось всего девятнадцать, и семь из них — в Гороховце!) И еще о Сапожникове. Одна из его дочерей, Надежда, была художницей, ученицей и другом известного живописца

Николая Фешина, хозяйкой мастерской, куда в начале XX века стекалась вся богемная Казань. Знатокам изобразительного искусства наверняка известно и ее имя, и ее портреты, написанные в разные годы Фешиным. Например, одним из них, «Портретом m-lle Сапожниковой», он дебютировал на международной выставке «Carnegie Institute» в США, куда эмигрировал после революции.

Однако есть что рассказать и о представителях других сословий. Скажем, жил в петровские времена человек, которого моряки Балтики называли Герасим Гороховецкий. Так он именуется и в разных флотских бумагах того времени. Отец Герасим был корабельным священником, честно отслужил государю на кораблях, принял схиму и в чине архимандрита возглавил один из киевских монастырей, где и упокоился в 1745 году. Вообще гороховчане склонны к любому «водному» делу, наверное, потому что вся их жизнь связана с рекой. Здесь был и судостроительный завод со славной историей, берущей начало с дореволюционных времен. Увы, в 90-е он был разрушен. А на нем, между прочим, в 1907 году была построена знаменитая баржа «Марфа Посадница», самая большая в мире, длиной 172 метра и шириной 24 метра!..

Вспоминая далекое прошлое, как не упомянуть отставного подполковника Михаила Петровича Романова, участника Отечественной войны 1812-го года и заграничных походов русской армии. (Вообще в той

войне в составе первого и шестого полков Владимирского ополчения принимали участие 1493 гороховчанина). А карманная книжица Романа, в которую бравый кавалерист записал свои воспоминания о тех днях, хранится ныне в фондах Государственного исторического музея.

А вот и анекдотичная история! Вернее, таковой она выглядит из дня сегодняшнего, а тогда это был, конечно, неслыханный скандал! Его героем стал гороховецкий уездный предводитель дворянства титулярный советник Александр Гаврилович Батурин, который увел жену у ковровского уездного предводителя дворянства Аркадия Петровича Роговского. Роковую красавицу звали

Евпраксия, и она определенно была женщиной незаурядной, раз решилась на такое в те-то времена да при живом муже. Впрочем, он, судя по всему, того стоил, поскольку не вызвал обидчика на дуэль, не попытался защитить свою честь, а просто тайно женился второй раз. Благо детей с Евпраксией у них не было. По поводу случившегося бурлила вся Владимирская губерния, Александр I лично хотел разобраться в этом деле. Но тут на Россию напал Наполеон, и государю стало не до разбора гороховецко-ковровского адюльтера. О скандале забыли, Роговский вскоре умер, и Батурин со своей Евпраксией счастливо прожили всю жизнь и даже имели много детей.

А теперь вернемся к писателям. Один из них, уже упомянутый Николай Алексеевич Некрасов, направляясь ранней весной 1853 года в имение своего отца, находящееся в Гороховецком уезде, остановился перекусить в трактире в Красном селе. То есть в те годы — при въезде в город, а не в самом городе. Настроение у поэта было, видимо, плохое, что понятно — дорога выдалась трудная, долгая, слякотная, да еще он изрядно поплутал, поэтому, спустя какое-то время после визита в тот трактир, в черновом варианте одной из своих повестей он дал Гороховцу нелестную характеристику — мол, убогий городишко, обиженный судьбой, и так далее. Из чистового варианта эти строки исчезли. Никогда Николай Алексеевич не написал бы таких строк, если бы въехал в город, увидел храмы, монастыри и белокаменные купеческие палаты. А он просто сидел в трактире с промокшими ногами, думал о том, что сейчас опять предстоит трястись в тарантасе невесть сколько времени, и ненавидел все вокруг. Вот и попал под раздачу Гороховец.

А за 20 лет до Некрасова, в 1833 году, только в конце лета, мимо этого чудесного городка проезжал сам Александр Сергеевич. Путь его лежал в Казань и Оренбург, куда поэт направлялся для сбора материала о Пугачевском восстании. И где-то за Владимиром приключилось с ним небольшое недоразумение с одной

городничихой, едущей с теткой из Москвы к мужу. Городничиха приняла Пушкина за станционного смотрителя и кинулась к нему с жалобами, почему, дескать, не дают ей лошадей, уже несколько часов ждет. Он уступил женщинам свою тройку, и они «так были восхищены моим рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился». Это строки из письма Александра Сергеевича жене. Затем он добавляет: «Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вот то-то, что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю». Из какого же города была та городничиха? Правильно — из Гороховца. Так утверждают краеведы, и нет никаких оснований с ними не соглашаться.

Можно еще многое рассказать о Гороховце и людях, так или иначе связанных с этим городком. Например, о любительском оперном театре, который появился здесь в предреволюционные годы, об удивительном «месте силы» — Лысой горе, овеянной легендами, с которой открывается восхитительный вид на Клязьму, о Никите Михалкове, построившем здесь в свое время мост... Но Россия огромная, и у каждого провинциального города своя интересная история... И так хочется открыть для читателей эти прелестные уголки, но, увы, как говорится, «нельзя объять необъятное»... □

ГОРЕЧЬ после фанфар

Дебютировал Юрий Трифонов поистине триумфально. Сталинская премия 1951 года 25-летнему дипломнику Литинститута за напечатанную в «Новом мире» повесть «Студенты» сделала начинающего писателя знаменитым и на время преуспевающим. Успех повести у истосковавшейся после военного лихолетья по книгам о мирной незатейливой жизни читающей публики был поистине феноменальным.

Юрий Валентинович говорил: «Я тогда влетел в литературу, как дурак с мороза». Через несколько месяцев после получения Сталинской премии Трифонов купил вожденную для подавляющего большинства наших людей той эпохи машину «Победу», нанял шофера и женился на певице Большого театра красавице Нине Нелиной, безоговорочно поверившей в его светлую будущность. Ей, по ироничному замечанию писателя, казалось, что он теперь «каждый год будет получать премию».

Увы, впереди, за годы недолгой и нелегкой жизни Юрия Трифонова, премий и фанфар оказалось куда меньше, нежели горечи... Время менялось, время тешило иллюзиями и разочаровывало, время текло сквозь него, то вознося, то низвергая. Оно «...ломалось, падало белой стеной, разбивалось с грохотом: водопадное времечко!» Право, лучше самого писателя об этом не скажешь.

Юрий Валентинович Трифонов родился в 1925 году в Москве. Бабушка будущего писателя, Татьяна Сло-

ватинская, была весьма близко знакома со Сталиным: еще до революции он не раз останавливался в ее

квартире на Васильевском острове в Петербурге, она даже штопала ему носки и, по слухам, имела с ним недолгий роман.

Отец писателя, Валентин Андреевич, революционер родом с Дона, тоже еще с царских времен отлично знал Иосифа Джугашвили и, подобно тому, был очарован прелестью и умом Татьяны Словатинской. Однако замуж донской казак Трифонов позвал не ее, а дочь своей бывшей возлюбленной, Женю, которая, будучи моложе мужа на 16 лет, подарила ему сына и дочь.

Валентин Трифонов руководил становлением советской юриспруденции, и, когда Юре исполнилось семь лет, семья переехала в построенный напротив Кремля так называемый Дом правительства, окрещенный писателем в его самом известном одноименном романе «Домом на набережной». Партийная номенклатура, видные военачальники и «капитаны промышленности» населяли это огромное серое угловое здание у Большого Каменного моста рядом с кинотеатром «Ударник». С середины тридцатых высокопоставленных квартирантов начали регулярно увозить отсюда по ночам черные «воронки», а в освобождавшиеся хоромы вселяли новых жильцов режима.

В 37-м Юриного отца арестовали и через год расстреляли. Аресту матери мальчик посвятил неумело-пронзительное стихотворение. И хотя бабушка, используя старые партийные связи, добилась смягчения

участи дочери, из «Дома на набережной» их с внуком выселили.

Во время войны они были эвакуированы в Ташкент, откуда Юра вскоре вернулся в Москву и пошел работать на оборонный завод токарем. Там же вступил в комсомол.

...Как становятся писателем? Трифонов поступал в Литинститут с надеждой на поэтическое поприще, а оказался едва ли не самым молодым лауреатом главной литературной премии страны за вполне оптимистичную, написанную в духе традиционного соцреализма, дипломную повесть. На гребне оглушительного успеха «Студентов» он начал, было, собирать материалы для продолжения повести, однако главный редактор «Нового мира» Александр Твардовский, открывший безвестному автору дорогу в большую литературу, неожиданно довольно холодно посоветовал ему переключиться на рассказы. Этот отрезвляющий совет поставил Трифопова перед дилеммой выбора пути. А вот в Литинституте на семинаре у маститого секретаря Союза писателей Константина Федина подобной дилеммы перед ним не стояло. С подачи мастера он печатал подборки гладких, «проходных» рассказов в газете «Московский комсомолец», журнале «Молодой колхозник» и альманахе «Молодая гвардия», изданиях достаточно официозных. До того Трифопова, который выступил лидером и символом нонконформистской «городской» прозы, получившей широкое признание мыслящей интеллигенции, было еще далеко.

Вторая половина 50-х — начало 60-х годов оказались смутным временем в творческой биографии писателя. Он упорно искал свой голос, свою тему, спотыкаясь о расхожий, если не сказать, банальный, материал. Цикл рассказов и очерков «Под солнцем» и четырежды переделанный, но все-таки выдвинутый на соискание Ленинской премии роман «Утоление жажды» — результат поездки в Туркмению — не стали серьезными литературными достижениями автора. Равно как и

Прорывным в творчестве писателя явилось новое десятилетие, когда одна за другой вышли знаковые повести Трифонова — «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь» и, наконец, прославивший имя автора «Дом на набережной». Действие последних двух произведений протянуто из тридцатых в семидесятые годы, действие остальных происходит в 50-е — 60-е. Они представили читателю совсем иного Трифонова: грустного, ироничного, мудрого, не-

Как становятся писателем? Трифонов поступал в Литинститут с надеждой на поэтическое поприще, а оказался едва ли не самым молодым лауреатом страны за вполне оптимистическую повесть «Студенты». На гребне оглушительного успеха повести он начал, было, собирать материал для ее продолжения, однако главный редактор «Нового мира» Александр Твардовский, открывший неизвестному автору дорогу в большую литературу, неожиданно посоветовал ему переключиться на рассказы

многочисленные новеллы на спортивные темы, а также роман «Отблеск костра» (1967). Однако именно в этом романе Трифонов впервые коснулся очень значимой для себя затем темы осмысления революции и ее последствий в судьбах народа и страны. Он будет глубоко разрабатывать названную тему и в знаменитом «Доме на набережной», и в романе «Время и место», и в многоплановом, хоть и коротком, романе «Старик».

довольного собой и окружающей действительностью, но умеющего ее поэтизировать и выражать в бытовых нюансах, в будничных мелочах повседневности подлинные человеческие драмы, сам дух эпохи.

Во многом автобиографичные, «московские повести» писателя показали без прикрас мир души рядового советского интеллигента, его тайные мечты и помыслы, его маленькие радости и печали в эпоху «развитого социализма». Ничего

не говоря открытым текстом, Трифонов, тем не менее, прицельно точно бил по болевым точкам советской жизни, приучавшей людей к пресловутой «двойной морали», к разъедающему душу и сознание конформизму.

Некоторые критики упрекали Трифонова в «бытовизме» его «московских повестей». Однако быт в них выступает не «угрозой нравственности, а сферой ее проявления». При этом писатель подвергает своих персонажей «испытанию бытом», будничной повседневностью, когда она неожиданно начинает за-

Манера письма Трифонова — обстоятельная, неторопливая, часто использующая приемы рефлексии, ретроспекцию, смену перспективы. Она избегает каких бы то ни было социально-политических оценок и, вместе с тем, исподволь подводит к ним читателя. Житейские коллизии и ситуации в трифоновской прозе были хорошо знакомы тогдашним читателям, а поступки и реакции героев на происходящее в их жизни — безошибочно узнаваемы.

Все это делало произведения писателя исключительно популярны-

Манера письма Трифонова — обстоятельная, неторопливая, часто использующая приемы рефлексии. Она избегает каких бы то ни было социально-политических оценок и, вместе с тем, исподволь подводит к ним читателя. Житейские коллизии и ситуации в его романах были хорошо знакомы тогдашним читателям, а поступки героев — безошибочно узнаваемы

сасывать душу рефлексирующих городских интеллигентов, теряющих в столкновении с ней человеческое достоинство.

Так происходит в финале повести «Обмен», где герой выбирает улучшение жилищных условий — съезжается со смертельно больной матерью, для которой этот обмен означает, что дни ее сочтены, и которая находит в решении сына подтверждение своих слов о том, что тот давно уже совершил обмен всего лучшего в нем на житейские удобства.

ми в среде городской интеллигенции и студенчества. Они издавались сравнительно небольшими по тогдашним меркам тиражами (30–50 тысяч экземпляров), за ними охотились, их фотокопировали, пускали в «самиздат». А в библиотеках за первоначальными журнальными публикациями этих произведений записывались в очередь.

При этом почти каждая вещь Трифонова подвергалась придирчивой цензуре и с трудом разрешалась к печати, хотя автор никоим образом

не покушался на устои советской власти и внешне оставался официально признанным литератором, членом различных престижных комиссий Союза писателей. И все же вышестоящие инстанции относились к нему с подозрением, интуитивно чувствуя в нем скрытого противника правящего строя.

Юрий Валентинович был женат трижды. Все его жены обладали броской внешностью, яркой индивидуальностью и искренне любили Трифонова. А сам он, по свидетельству дочери писателя, живущей в Германии, большой самоотверженностью в любви не отличался, случалось, предавал любящих его женщин и предпочитал тратить душевные силы не на них, а на творчество.

И все же ему были не чужды любовные порывы, особенно в молодые годы. В этом плане удивительна история его первой женитьбы. Когда в 1950 году рукопись «Студентов» была отправлена в набор, нахальный дебютант передал записку следующего содержания солистке Большого театра певице Нине Нелиной, 27-летней красотке, уже успевшей побывать замужем и не обделенной вниманием самых видных столичных кавалеров.

«Дорогая Нина! — писал Трифонов. — Я безумно люблю вас. Нам необходимо встретиться. Вы не знаете меня, но сегодня мы должны познакомиться, и... Вы все узнаете! Все, все!!!.. Сегодня в 6 ч. вечера мы встречаемся у стадиона «Динамо» и едем за город. Это решено. Я уве-

рен, что Вы согласитесь. Любимая, жду вашего ответа у 1-го подъезда (Большого театра — прим. авт.). Ваш навеки Ю.Трифонов».

Нина удивилась — ее еще никогда не приглашали на свидание на стадион. И — пришла. Они начали встречаться и через год стали мужем и женой. Их брак можно было бы назвать счастливым, но, увы, жизнь все же вносила свои коррективы. Возникали учащающиеся размолвки, скандалы. Одной из причин было то, что писатель месяцами пропадал в творческих командировках, особенно, когда собирал материал для романа о геологах «Утоление жажды». От семейных неурядиц и переживаний у Нелиной развился целый букет болезней, и она отправилась на лечение в Литву. А там буквально через несколько дней умерла от сердечного приступа. Заботы по дому и об отце легли на дочь-подростка.

Вторая жена Юрия Валентиновича, редактор Алла Пастухова, влюбилась в Трифонова-писателя раньше, чем познакомилась с ним лично. Очаровательная женщина, она опубликовала хвалебную рецензию на его произведения и устроила их встречу. Ради Трифонова она развелась с мужем и подружилась с дочерью своего избранника. Писатель, естественно, не устоял.

Алла Пастухова была эмоционально более насыщенной. А вот для быта вторая жена Трифонова, подобно ему самому, была не слишком приспособлена. Это привело к отчуж-

дению, их отношения трансформировались в гостевой брак, затем и вовсе распались.

Подлинный семейный покой и уют Юрий Валентинович обрел только в третьем браке с прозаиком Ольгой Мирошниченко, эффектной, деятельной женщиной значительно моложе его, которая ради новой любви тоже ушла от мужа. Ее добрачный пылкий роман с Трифоновым длился целых семь лет. И она осталась с ним до конца, став после его смерти хранительницей архива покойного супруга и организатором Музея «Дома на набережной» в том достопамятном Доме правительства, где будущий писатель провел юношеские годы. Ольга подарила ему сына. Рядом с ней он, обычно хмурый и погруженный в себя, светлел и начинал улыбаться.

В центре всех книг Трифонова мы видим проблему нравственного выбора. В разных произведениях она решается писателем по-разному — в «Обмене», «Другой жизни», «Предварительных итогах». Особо обостряется эта проблема в исповедальных трифоновских романах «Дом на набережной» и «Время и место». Показывая в них метания творческой личности, автор не щадит себя. И получает в награду чувство самоуважения, а порой — осуществленную любовь.

«Он сказал: «Давай встретимся на Тверском. У меня кончится семинар, я выйду из института часов в шесть...» И вот он идет, помахива-

вая портфелем, улыбающийся, бледный, большой, знакомый, нестерпимо старый, с клочками седых волос из-под кроличьей шапки, и спрашивает: «Это ты?» — «Ну да», — говорю я. Мы обнимаемся, бредем на бульвар... Москва окружает нас, как лес. Мы пересекли его. Все остальное не имеет значения».

Последние, знаменательные слова последнего произведения писателя. Он окончил его в 1980-м, а год спустя скончался в больнице от тромбоэмболии легочной артерии. Москва, город надежд, город жизни Трифонова, играет важную роль в его книгах. На их страницах она является читателю зимой и летом, дождливым осенним днем и солнечным весенним утром. Она открывает нам свои заповедные уголки, уводит героев навстречу судьбе по тенистым бульварам и извилистым переулкам... Москва выступает также катализатором исторических размышлений писателя, умевшего органично сплавлять в своем творчестве прошлое и современность, материальное и духовное.

В 1973 году вышел его роман о народовольцах «Нетерпение», а в 1978-м — роман «Старик», которые, вместе с ранним романом «Отблеск костра», можно объединить в некую условную историческую трилогию. Герой «Старика» — пенсионер, участник гражданской войны на Дону, маясь на подмосковной даче в кругу семьи с ее чуждыми ему мелкими стремлениями и интересами, заново переосмысливает в контек-

сте времени свою боевую молодость и подводит итоги прожитой жизни. История здесь, как всегда у Трифонова, множеством незримых нитей накрепко связана с современностью, и повествование свободно перетекает в разные эпохи.

Суть своего отношения к истории и повседневности автор высказал устами одного из героев: «Жизнь — такая система, где все загадочным образом и по какому-то высшему плану закольцовано, ничто не существует отдельно... все тянется и тянется, переплетаясь од-

явился одним из самых значительных произведений поздней советской литературы, пытавшихся с новых позиций проанализировать недавнее прошлое. Анализ его посвящен также большой, сложный и многоплановый роман «Время и место», в котором Трифонов трезво вглядывается в иллюзии молодости, подвергает жесткой оценке пройденный путь и фактически прощается с читателями, перемещая действие из 30-х — через 40-е, 50-е и 60-е годы — в 70-е. Время в романе неоднозначно, многолико, пред-

Москва, город надежд, город жизни Трифонова, играет важную роль в его книгах. Она является читателю зимой и летом, дождливым осенним днем и солнечным весенним утром. Она открывает свои заповедные уголки, уводит героев навстречу судьбе по тенистым бульварам и извилистым переулкам...

но с другим, не исчезая совсем». А значит, убежден писатель, по нити человеческой жизни, тянущейся из прошлого в будущее, можно изучать нравственную жизнь всего общества того или иного периода. Вот почему для Трифонова всегда была особенно важна историческая тема. Не случайно, и в «московских повестях» автор рассматривает повседневность под углом истории. Наиболее впечатляюще этот поучительный синтез прошлого и настоящего представлен в «Старике». Этот короткий, но предельно емкий роман

стает как бы в разных ипостасях. А вот место строго зафиксировано — Москва.

Посмертные публикации романа «Время и место» и романа «Исчезновение» знаменуют окончательную завершенность художественного мира Юрия Трифонова. И сегодня, когда ушло безвозвратно время действия его тонкой и умной городской прозы, выясняется, что художественный мир писателя отнюдь не исчерпан и продолжает «корреспондировать» нашему времени, нашей эпохе. □

ПРОРОЧЕСТВО ДЕНЩИКА

«Сватовство майора»

Чуть отойдя от мольберта, с кисточкой в руке, художник подумал, глядя на картину: «Кажется, готов мой сюжетец». Насмешливо вслух продекларировал:

*И вот извольте посмотреть,
Как в другой горнице
Грозит ястреб горлице,*

*Как майор толстый, бравый,
Карман дырявый,
Крутит свой ус:
«Я, дескать, до денежек доберусь!»*

— М-да, балаганные мои стишата... Но ведь почти все искусство балаганно. Старик Шекспир... Он ведь тоже местами балаганный. Да нет, он весь — историчен! Вот и у Брюллова Аполлон, гений красоты, на века историчен. А мой жених совсем не гений и не историчен, шельма. Но житейски типичен. Коль он узнает себя, то дуэли не избежать. Прототипчик-то мой не глупец. Он чуточку игроман, как все гвардейцы. Да и не только гвардейцы. — Наклоняясь к мольберту, он стал озабоченно вглядываться в картину: — Верно я говорю, господин майор? Вы же игрок азартный. А игроки такого пошиба дураками вроде не числятся. По себе знаю, по себе... Да... Покуражился я малость с этим женишком «казарменным». — Затем, немного помолчав, продолжил: — Что-то темновато и в моем казарменном дворце. М-да, во дворцах вельмож-аристократов от интриг порой пасмурно бывает. Но та пасмурность иная... Эй, пехота! — громко позвал он.

— Я, вашбродь, тута. Чего изволите? — по-солдатски отчеканил вошедший в комнату денщик.

— Ты, Аркаша, ставеньки приоткрой, впусти солнышко. А то моя работа совсем померкла. Я ее сотворил (по секрету сказываю) в полусвете. Причем сознательно — сюжетец такой сумеркастый. Но свет сейчас необходим, особо для невестушки. Дадим его. Светись, милая, обманной мечтой надежд. Уяснил, служба? Понял?

— Малость понимаем. Оно так, вашбродь. Но свет Создателя вашего женишка-майора особо не прояснит.

— Как не прояснит? Ну-ка, сказывай.

— Дак он того, вашбродь, жених-то ваш, охвицерик, в темноте своей души проживает. И, кажись, он у вас дюже похмельной. Точно похмельной.

— Шагай, похмельной!.. Да табак свой поменяй, а то в доме, как в казарме, махрой прет. Уяснил?

— Будь сделано, вашбродь. Как разбогатеемо, махру поменяю. Нам бы квартиру поменять, Павел Андреевич...

— Ишь, ты! Аристократ махровый. Топай, пехота, свет впусти!

Денщик с понурым лицом, выходя, тихо продолжил:

— А свет-то божий все одно просветит оболдуя похмельнова.

Вскоре послышался со двора звук открываемых ставень. Брызнувший свет безжалостно высветил серую скудность невысокой комнатки: кровать, старый диван, табуретку и мольберт с картиной.

Федотов с загадочно-насмешливым выражением лица, глядя на свое творение, произнес незлобно:

— Ишь ты, шельмец служивый. Моего майора-жениха назвал похмельным обалдуем... И все же, и все же... А здесь над «похмельным» надобно осветить малость пространство. — Поправляя картину, он неожиданно услышал тихий скрип мольберта и, вздрогнув, проникновенно выдохнул: — Ты того, не жалуйся на жизнь. Я тебя не брошу, кормилец. Старый-то друг лучше новых двух. Терпи, терпи, брат. Не ругайся, скрипун. Пойми, сюжет сей... он ведь венец моих опасно-игровых замыслов. А творчество — тоже игра. И очень опасная штука. Безденежная. Брюллов предупреждал, чтобы не совсем целиком отдаваться живописи. Осторожно предупреждал, что живопись, мол, и озарит, и разорит. Но мы, мольбертик, — гвардейцы. А вот извольте посмотреть... Что-то молчит сюжетец. Молчит, шельма, не поет-с. М-да, а те мои портреты вельмож все солировали малость. Хоть на разные мотивчики, но пели почти по-парадному. А здесь не парад — жизнь! Те пели, а этот... продуманный сюжетец молчит. Молчит, как пленник на допросах. А-а-а, семь бед, один ответ. Такие типажи свет особо не любят. Затемню еще пространство вот здесь и здесь. Контрасты, мольбертик, это же тайны замыслов. Они, брат, порой больше говорят, чем прототипы. Я давно рисую не по озарению, а по ощущению. Интуитивно, брат. — Отходя от мольберта, он позвал: — Эй, служба!

Денщик тут же появился и покорно, с уважением доложил:

— Вашбродь, я тама... того... обедом занимаюсь. Суп варганю. Мяса нету-ти. Ставеньки, как вы приказали, приоткрыл. — Вглядываясь в картину, он изрек: — Но от свету женишку, вижу, совсем не полегчало. Хотя малость вроде осветился, как малость похмелился, ну, принял на грудь трошки. И нам бы не помешало... Мяса тож не помешало бы...

— Ишь ты, пехота! Наступаешь ползком. Возьмем и этот сюжетный рубеж, Аркаша, возьмем! Про мясо потом. Ты вот что, человече, подойди и послушай мою картину. А то она меня что-то в полон взяла. Да, да, Аркаша. Картины часто и в полон берут нас, художников. И они, друже, всегда у меня поют малость. Уразумел?

Взглянув на Федотова, денщик, бегло перекрестясь, тихо произнес:

— Спаси его Бог. — И, уже громче, добавил: — Оно, можа, и так, вашбродь. А вы дажить того, ну, малость осунулись, похудели от полону свово напевново. Ну, картинново...

Махнув рукой, художник перебил:

— Не попутает бес, пехота, наберем вес, — махнув рукой, перебил его художник. — Ты, человече, подойди, послушай картину.

— Как? Как послушать, вашбродь? — часто заморгал глазами денщик и тихо проговорил: — Спаси его, Христос. Мой командир... того...

— Что ты там бормочешь?

— Да я... того... для себя сказываю...

— А ты, браток, для меня. Ну, подойди к мольберту, послушай...

Солдат нехотя подошел, наклонил голову и даже для убедительности прислонил ладонь к уху.

— Ну, как? Напевность услышал? — спросил Федотов.

— Нет. Картина молчит. И краски не певают, — твердо ответил денщик.

— Вот, вот! — подхватил художник. — Не певают. А они должны петь! Петь, служба!

— А те потреты, что вы нарисовали и за что вам деньгу такую одарили, разве они певали?

— Певали, браток, певали. Оттого мы малость тогда пировали.

— Ага, я все помню, вашбродь.

Подойдя в картину, денщик перекрестился и замер, прислушиваясь. Художник с беспокойством ждал ответа.

— Не певая, вашбродь! Ей богу, не певая! А можа я... того не слышу, как вы. Я ж малость контуженый, — выпрямившись, отчеканил «служба».

— Я тоже, — угрюмо откликнулся Федотов, — контуженый от этой картины. Но она у меня запоет!

— Как те господа и дамы? Они же пели? Можа и эта картина... того... запое.

— Может. А может, и громче тех господ! Гро-м-че, — повторил Федотов, расхаживая по комнате. Потом остановился перед денщиком и пристально взгляделся в его лицо.

— Что-то не так? — осторожно спросил верный слуга.

Павел Андреевич, махнув рукой, вновь зашагал по тесноватой комнатухе, буркнув на ходу:

— Все так и не так. Не так, как в ней, вещей, сказано... В начале было слово... Рисунки наскальные тоже подкрепляли слово Его. Ты, браток, Библию читал?

Солдат, виновато почесывая затылок и опустив глаза, признался:

— Да я, вашбродь, того... грамоте не обучен и читаю маленько, в растяжку...

— Я тоже в растяжку рисую, пехота. И когда так мучительно входишь в картину, всегда хмелеешь и забываешь не только близких, но и себя... Так о чем я сказывал? О чем-то очень важном... Вспомнил! Хотелось сообщить тебе, брат, о главной книге.

— Это Библия, вашбродь?

— Молодец! Догадливый ты. В ней, браток, сказано, что на земле много званых, да мало избранных. Разумел, догадливый: мало избранных?

— Как не разуместь, вашбродь. Она, Библия, главнее главных писаний. Я того... вашбродь, так кумекаю: званые, ну, по святой книге той, по Библии, они для службы, для войны, для охраны Россиюшки. А остальные не супостаты, они Создателем определены на вечность для скрепа духа. И они в ангельском войску службу свою несут вечную. — Слуга от непривычного

напряжения даже вспотел и, отирая рукавом лоб, добавил: — Не так? Ваш-бродь, почто смолкли? Я же грамоте, того, не обучался, дуралей.

— Да ты, браток, умнее многих грамотных... — тихо отозвался художник.

— Не-е-е... Я, бывая, не то говорю. Дуркую малость. А ум что, ваш-бродь? Ум-то ловушка в жизни нашей. От ума лукавово мы страдаем. Нас, грешников, часто бес арканить, как мы коней.

— Может, и так, — задумчиво ответил Федотов. — Может, и так. Ну, ступай, ступай, служба. Вари похлебку. Да смотри, не пересоли...

— У меня похлебка солдата по всем законам, как царев устав.

— Сдаюсь! Цареву уставу подчиняюсь. Обещаю тебе, гвардеец, как за-богатеем, котлетами станем баловаться. И еще кое-чем, — дружески подмигнул он слуге.

Тот заулыбался и вышел с просветленным лицом.

Оставшись один в своем «казарменном дворце», Павел Андреевич вновь ощутил жгучее недовольство собой. Где-то под сердцем засосало. «Это лихая и совсем не сюжетная светотень, — размышлял он. — Сия серая гамма жизни мутит мой дух с детства без передышки. В ней бурлят невидимые, но ощутимо-горькие эскизы моей судьбинушки-дубинушки. И все же картина готова. Хватит!.. А то вместе с водой, как говорят, выплеснешь и сюжетного женишка. Надо показывать «Сватовство» Брюллову. Звал он намеренно заглянуть к нему в академию. Решено. Поеду! — Но тут же засомневался: — Карл Павлович академик признанный, художник с большой буквы, а я кто? Самостоятельно освоил технику масляной живописи. Увлёкся. Кое-где блеснул. Ну и что? Моя-то житушка-игрушка сумрачна. Может, поэтому и солируют частенько в моих сюжетах туманные краски. Я-то давненько подмечаю не праздную картину жизни. Частично стараюсь уловить русское полюшко духа...

Мысли художника, освободившись от сюжетных пут, вдруг улетели в прошлое. В родной дом. Вспомнил сестер и отца, тоже солдата, дослужившего до офицерского чина, и вздохнул:

— Память-то часто постреливает в нас из прожитого. Потому, может быть, мы, люди, нередко ведем атаку от себя и на себя. Но такая атака на себя хуже, чем на врага, и в этом пожизненном сражении ты сам и царь, и солдат своего сюжетца. Понимаешь, мольбертик, сия картина не только личное сватовство майора, но и моей судьбины. Так-то, брат. Ты не зря скрипанул, дружище. Это темное сватовство — игра ва-банк. В ней, мольбертик, крапленых карт и бодряще-манящей выпивки нет. Здесь иные краски и иные мелодии. Почти крыловские. Сам-то Иван Андреевич меня с потрохами принял. Подсказал развивать народную тему. Не только бар рисовать, но и обычных горемычных простолюдинов...

Солнечный зайчик снова заметался по комнатке. Федотов настороженно наблюдал за ним, и ему как будто впервые увиделась личная тусклая картина

своего быта. Вдруг снова захотелось полузабытого риска удачи, как в соревновании с гвардейцами-сослуживцами, где он — Федот да тот! — часто бывал победителем и тем насмешливым счастливым удачей, где распахиваются невидимые врата везений: и в науках, и в картежной игре, и в опасной боевой обстановке. Там, в юности, играли не только карты, ружья и боевые клинки, а те памятные всплески удач, что не терпят поражений. Все нутро прожгло знакомое желание победить. Победить! Чтобы остаться живым. Тот узнаваемый лучик жизни часто проваливался в повседневную серость безденежья.

Павел Андреевич Федотов

И все же осязаемое тепло заиграло бойцовским желанием борьбы с самим собой. Почему-то возникла острая необходимость поделиться словом. Не эскизом-рисунком и не его маленькими баснями, что давно самостоятельно бродят по Петербургу, а именно словом. И он позвал:

— Шагай сюда, человек! Шагай, родимый!

— Я тута, вашбродь, — доложил быстро вошедший Аркадий.

— Ты, браток, кажись, прав, — кивнул на картину Федотов. — Я вот здесь добавил чуть света над головой майора и услышал, да, услышал, как она чуточку запела. Жаль, родимый, что тебе не дано это услышать.

Верный денщик, часто заморгав глазами, подбежал к картине, наклонился к ней, замер на мгновение, а потом, глядя на хозяина, шепотом произнес:

— Да, кажись, того... вашбродь, спевая малость.

— Ну, спасибо тебе, родной!

— А за что спасибочки? — удивился слуга.

— Не знаю, как тебе сказать, Аркаша... Может, за то, что и ты, наконец-то, услышал тайную напевность моего каторжного труда!

— Я-то что? Нутро людей дажить на картине завсегда тож тайна. И потом, я ж не кадемик, а народ. Малость благой...

— Так я, браток, рисую для народа. Его блаженное чутье — от Бога. Оно частенько бывает выше ученых академиков. Точно выше! Ступай, браток, и договаривайся с ямщиком, в долг поедем. Бывало уже... Вернем должок, как всегда, с надбавкой.

Денщик медленно приблизился в двери. Остановился. Открыв рот так, что усы настороженно ощетинились, сообщил растерянным голосом:

— А тута, вашбродь, уже не слышать.

— Ты что, пехота! Рисунки, милейший, это же не военный марш. Ту музыку, как ты знаешь, за версту слышно! А каждый мазок краски равен звуку слова. Да, да, слово-звуку. Потому краски у меня и поют. Тихо. Понял?

— Знаемо, — буркнул Аркадий и снова подошел к картине: — А тута слышать. — Неожиданно он стал считать вслух, показывая указательным пальцем правой руки на полотно: — Раз, два, три, четыре, пять...

— Зачем считаешь моих героев? — строго спросил художник.

— Для просвету ихнева, вашбродь. Сватовство дюже смурное. Ну, темновато... вродя в лесу дремном.

— Ты это о чем? — как-то отстраненно спросил Павел Андреевич.

— Ясно дело: об картине этой. Для такого случаю темноватая она.

— А жизнь, пехота? Разве она светлая? Вот и сватовство бывает темненьким, как жизнь... как жизнь.

— Как кому. Местами жизнь светлее бывае, дажить для меня.

— Это после кабака, пехота? — с издевкой спросил художник.

— Ну да, угадали. Да я редко тама просветляюся. По праздникам с друганами того... мы причащаемся малость. Как все, крепосныя и не крепосныя.

— Как все, как все, — передразнил Федотов. — И кто же тебе понравился в этой картине? Жених, конечно, нет, а остальные?

— Ежели чесно, то ништо. Не тово, ну, не по душе моей ети людины. А вот кот, маленько признаю, вашбродь, он как наш Васька. Тольки наш воровитый, а етот сытяга и добряга. Гостей лапкой, кажись, зазывае. Уж больно приглянулся мне. — Подойдя ближе и приложив ладонь к уху, Аркадий одобрительно, уже с почтением изрек: — А ведь точно она звук даеть, вашбродь. Картина хуть и темная... но напевная, а кот, кажись, мурлыча тута в потемках. Он сытяга. Не воровитый, как люди.

— Ну, раз ты, пехота, признал мою темную картину и кота неворовитого, то и академик Брюллов, надеюсь, признает, — миролюбиво обронил Федотов.

— Оно так и будя, вашбродь. А вы тож будете кадемиком. Не брешу, будете. Ей-богу!

— Ну, ступай, предсказатель, договаривайся, кадемик...

Эпилог

Действительно, «оно» так и случилось. Брюллов с восторгом принял картину «Сватовство майора».

За это полотно Павел Андреевич Федотов получил звание академика. Он заслуженно признан основоположником критического реализма в русской живописи.

Работы классика — серия портретов, жанровые сцены «Сватовство майора», «Свежий кавалер», «Вдовушка», «Завтрак аристократа», «Разборчивая невеста», этюды, наброски, карикатуры — обессмертили его имя. И все же капризная слава не спасла Федотова от нище-

ты. Последние месяцы жизни он провел в психиатрической больнице. Умер в возрасте 37 лет в 1852 году.

Но бессмертное имя и картины русского самородка Павла Андреевича Федотова продолжают свою жизнь на вещем холсте памяти. □

Скончался
АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ГОЛУБЕВ —
главный редактор журнала «Смена»
с декабря 1968 года по февраль 1975 года.

Анатолий Голубев — известный отечественный писатель, автор многих книг, в 2019 году вышло собрание его сочинений в 5 томах.

В своем творчестве он всегда оставался верен спортивной тематике, интересно и образно рассказывая о своих героях в экстремальных ситуациях и повседневной жизни, показывая их внутренний мир во всем многообразии.

Редакция приносит глубокие соболезнования семье и близким Анатолия Дмитриевича.

По словам критиков, легким поворотом кисти этот человек мог сделать то, что другим не под силу было совершить даже с помощью бульдозера. Им восторгались и те, кто наблюдал его экстатическую отрешенность за дирижерским пультом, и те, кто читал описания его спортивных подвигов, достойных настоящего мачо. Он занимался дайвингом в компании Жака Кусто, чувствовал себя как дома на лыжных трассах Альп. Уже в довольно преклонном возрасте он съехал с вершины Монблана с рекордной для любителя скоростью. Герберт фон Караян пилотировал свой собственный реактивный самолет. Его гараж был полон самых дорогих и экзотических автомобилей. В возрасте 77 лет на своем «Porsche Turbo» маэстро носился по хайвеям со скоростью под 190 километров в час. Его огромная спортивная яхта с командой из 25 человек участвовала в крупнейших международных соревнованиях и почти всегда входила в тройку призеров. Ну, и конечно, женщины. Ничто человеческое не было чуждо этому импозантному красавцу.

Ему прощали многое — и непомерное тщеславие, и диктаторские замашки за дирижерским пультом, и астрономические гонорары, которые он требовал за свои выступления. Подлинность таланта смягчала эти и другие не очень приятные стороны его характера.

Герберт фон Караян появился на свет 5 апреля 1908 года в Зальцбурге. Австрийцем он был по месту рождения, а не по крови. Родители его отца были греками, и их фамилия первоначально звучала, как Караянис. За четыре поколения до рождения Герберта его предки эмигрировали из Греции сначала в Германию, а оттуда — в Австрию. Аристократическую приставку «фон» семья получила дважды. Первый раз в Германии от династии Гогенцоллернов за заслуги в развитии текстильной промышленности, и второй раз в Австрии, когда Габсбурги отметили вклад семьи Караянов в здравоохранении. Отец Герберта также был великолепным врачом и очень неплохим музыкантом. Мать будущего дирижера, родом из Словении, как и муж, обожала романтическую музыку. Герберт и его старший брат Вольфганг с ранних лет оказались в мире музыки. Герберт, которому едва исполнилось три с половиной года, страшно завидовал брату, уже овладевавшему азами фортепианной игры. Притаившись за шторами или под роялем, он внимательно слушал игру брата и замечания его учителя, а потом, оставшись один, залезал на табурет и по памяти без единой фальшивой ноты повторял всю пьесу. Родителям ничего не оставалось, как взять учителя и ему. В 5 лет Герберт впервые выступил на большом благотворительном концерте. Ноги юного пианиста не доставали педалей, но страха перед публикой он не испытывал, думая лишь о пирожном, которое было ему обещано за выступление.

В Зальцбурге, городке, где родился Моцарт, музыкальная школа называлась Моцартеум. Именно там Герберт совершенствовался в фортепианной игре. Его считали вундеркиндом. Он занимался по шесть часов в день. В школе успевал неплохо, хотя времени на учебу тратил немного — выручала феноменальная память. Ему нравилась химия, точнее, возможность подобрать реактивы, соединив которые, можно было устроить настоящий взрыв. Одним прекрасным утром усилия Герберта и его друзей увенчались успехом, и к школе, из окон которой валил густой дым, срочно прибыл пожарный расчет.

Интенсивные занятия музыкой не мешали другому большому увлечению Герберта — спорту. На лыжи он встал в 5 лет, обожал походы в горы. Как-то, поскользнувшись, свалился с двадцатиметрового обрыва, сломал лодыжку и сильно повредил спину. Увы, именно эта травма стала причиной рокового недуга, который сразил маэстро спустя почти шестьдесят пять лет. Пока же Герберт на стареньком мотоцикле, который давал ему один из преподавателей Моцартеума, гонял по окрестностям Зальцбурга.

Он одинаково нежно любил и отца, и мать, однако еще в детстве понял, что в их семье царит матриархат — последнее слово всегда оставалось за фрау фон Караян. Мягкосердечный нерешительный доктор никогда не противоречил супруге, хотя многие ее решения были ему явно не по нраву. И Герберт в четырнадцать твердо решил: ни в своей будущей

семье, ни в отношениях с другими людьми он никогда не будет играть роль второй скрипки.

Окончив школу, юноша приехал в Вену и поступил в Музыкальную академию по классу дирижирования. Занимался он самозабвенно. Ни девушки, у которых он имел немалый успех, ни даже спорт не могли отвлечь его от главного — желания достичь вершин в избранной профессии.

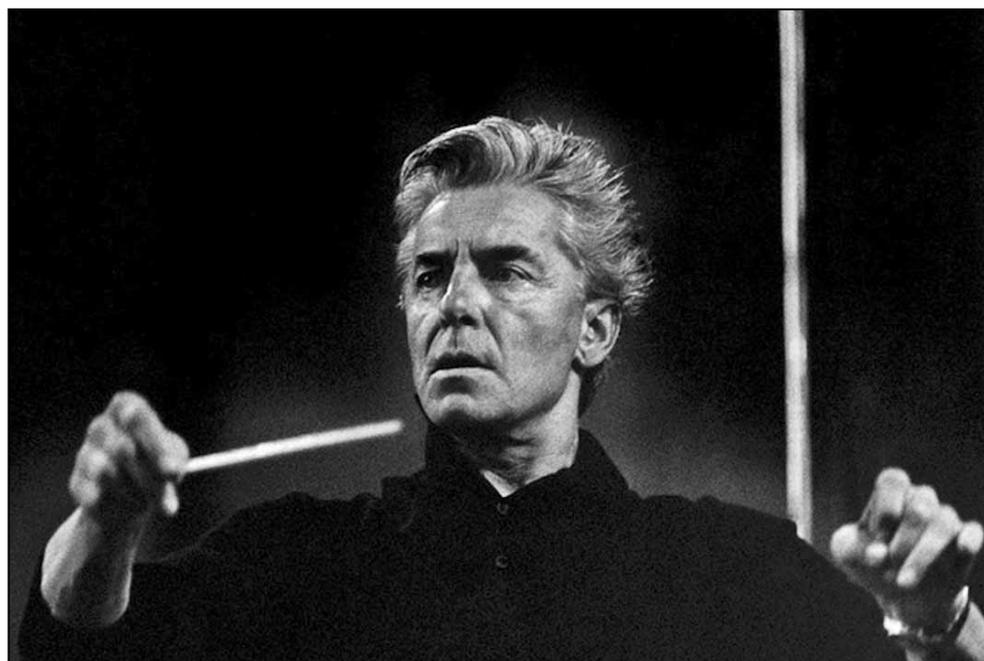
Впервые перед широкой публикой Герберт появился в родном Зальцбурге зимой 1929 года. Программа включала в себя симфоническую поэму Р. Штрауса «Дон Жуан» и Пятую симфонию П.И. Чайковского. Партию кларнета исполнял отец Герберта. Кстати сказать, мать молодого маэстро отнюдь не была в восторге от карьеры, избранной сыном. Профессия дирижера казалась ей чересчур экзотичной и не очень надежной, по сравнению с более «земными» — инженера или чиновника. И даже когда ее сын стал всемирно известным дирижером, ее не переставали мучить сомнения — а что, если мальчик вдруг потеряет слух, оглохнет, как он будет зарабатывать себе на жизнь?

Концерт в Зальцбурге прошел с большим успехом и принес очень важный результат: находившийся среди зрителей директор театра города Ульм предложил Караяну место оперного дирижера. Герберт честно ответил, что ему еще не приходилось дирижировать оперой, и нужно будет подучиться. «Ладно, — растеряно выдал администратор, — приезжайте и учитесь». Оклад Герберту положили

поистине «королевский» — двадцать долларов в месяц. Впрочем, в то время это было не так уж и плохо. За эти деньги он должен был обеспечивать оперными спектаклями жителей маленького немецкого городка. Правда, и оркестр был невелик — всего 27 человек. Да и сцена размерами не превышала просторную комнату. Средства на содержание театра отпускались скупко, и Герберту самому приходилось передвигать декорации и даже поднимать и опускать занавес. Репетиции оркестра проходили в помещении местного ресторана, а инструменты дирижер сам доставлял в театр на тележке. Времени на занятия спортом Герберту не хватало, но формы он не терял. Однажды, чтобы послушать оперу Вагнера «Тангейзер», которой дирижировал великий Тосканини, он проехал на велосипеде от Зальцбурга до Байрейта без малого 400 километров.

Между тем ситуация в Германии становилась все более мрачной. В 1933 году к власти пришел Гитлер. Идеология фашизма была чужда Караяну, однако, как и многие другие немецкие и австрийские деятели культуры, он, не выдержав искушения «подтолкнуть» свою профессиональную карьеру, вступил в ряды нацистской партии. Этот шаг, безусловно, бросил тень на его имя на десятилетия вперед. Сам Караян утверждал, что вынужден был поступить так, в противном случае потерял бы работу. К этому времени он уже работал в оперном театре Ахена, и его называли «волшебником Караяном».

В 1942 году Герберт женился на дочери крупного промышленника

Аните Гюттерман. В музыкальных кругах ходили слухи, что Геббельс, который был большим ходяком по женской части, якобы «положил глаз» на Аниту и даже пытался отправить Караяна на фронт. Правда, сам маэстро эти слухи никогда не комментировал. О том, как он провел период с 1942 по 1944 год, почти ничего не известно, а сам он до конца жизни хранил молчание на этот счет. В конце 1944 года, воспользовавшись приглашением от оркестра Миланского радио, Караян тайно вылетел с женой в Италию. Два года, проведенные там, были, пожалуй, самыми трудными и безысходными в его жизни. Сначала он скрывался в доме знакомого в Милане, а затем укрылся в небольшом коттедже неподалеку от озера Комо. О музыке на это время пришлось позабыть. Впрочем, маэстро испытывал не только музыкальный голод, порой ему и Аните нечего было есть. Но хуже всего было вынужденное безде-

лье. Чтобы избежать психологического срыва, Герберт занялся изучением итальянского языка. Относился к занятиям он серьезно, и в те дни, когда не выполнял задание полностью, наказывал себя, урезая и без того скудный паек.

Возвратившись в Австрию после окончания войны, Караян еще в течение целых двух лет не мог вернуться к профессиональной деятельности. И лишь после того, как комиссия союзников по денацификации полностью реабилитировала его, он получил возможность концерттировать в Австрии, Германии, а также выезжать за границу. Тем не менее, в Израиль на гастроли его не приглашали никогда, да и в США концерты его бойкотировались, в Балтиморе, например, во время концерта в зале собралось всего 25 человек. Такие щелчки по самолюбию сделали Караяна необычайно чувствительным к нюансам, сопровождавшим приглашения его на гастро-

ли, он требовал от принимающей стороны не только огромных гонораров, но и подчеркнуто уважительного отношения к себе. Получив предложение от Парижского оркестра выступить с несколькими концертами, заявил, чтобы приглашение передал ему личный представитель президента Де Голля. Несколько позднее папе Иоанну Павлу II, пожелавшему, чтобы Караян выступил в Ватикане, пришлось отправить к нему своего личного эмиссара. Папа был в восторге от выступления оркестра под управлением маэстро и, по словам самого Караяна, прижал его к груди и поцеловал. О феноменальном честолюбии маэстро в музыкальном мире сочиняли анекдоты. «Как-то два дирижера в присутствии Караяна стали спорить о том, кто из них лучше. После того как один закончил расхваливать себя, другой воскликнул: «Все это хорошо, но лучший в мире — все-таки я. Сам Господь Бог, спустившись с небес, сказал мне об этом». И тут вмешался Караян: «Не припоминаю, чтобы я говорил что-то подобное».

Разумеется, это всего лишь остроумная шутка. Но то, что однажды Герберт потребовал от родного брата, выступавшего во главе ансамбля органистов, чтобы тот сменил фамилию, ибо на свете должен быть лишь один Караян, уже не анекдот.

Эффектный мужчина, смуглый, с голубыми глазами, Караян пользовался успехом у прекрасной половины человечества. Невысокого роста — всего 167 сантиметров, на довольно высоких каблуках, (обувь ему изго-

тавливали по его специальному заказу), маэстро отличался необычайной пластикой и изяществом движений. В одежде предпочитал спортивный стиль. Терпеть не мог галстуки. Комфортнее всего он чувствовал себя в кашемировых свитерах и водолазках, рукава которых нередко закатывал до локтей. У него была странная привычка носить часы циферблатом вовнутрь. По свидетельству людей, близко его знавших, женщин он делил на две категории — красавиц (их он неизменно возводил на пьедестал и с благоговением поклонялся им) и прочих. А вообще-то ему нравились высокие блондинки с длинными прямыми волосами. Когда он проводил кастинг певиц на роли в своих спектаклях, то неизменно отдавал предпочтение именно этому типу. Так в «Лоэнгрине» Вагнера, поставленном на Зальцбургском фестивале, в сцене свадьбы все служанки, как одна, были статными блондинками.

В 1958 году в личной жизни Караяна произошли перемены. Он развелся с Анитой и женился на французской модели Элиэтт Мурэ. Излишне говорить, что Элиэтт была стройной и высокой блондинкой. Впрочем, с Анитой Герберт сохранил добрые отношения. Он купил ей просторный дом и обставил его. Союз Герберта и Элиэтт оказался на редкость удачным. У них родились две дочери — Изабель и Арабелла. На крестинах Изабель играли музыканты из караяновского Венского филармонического оркестра. Знаменитая певица Элизабет Шварцкопф спела «Ave Maria».

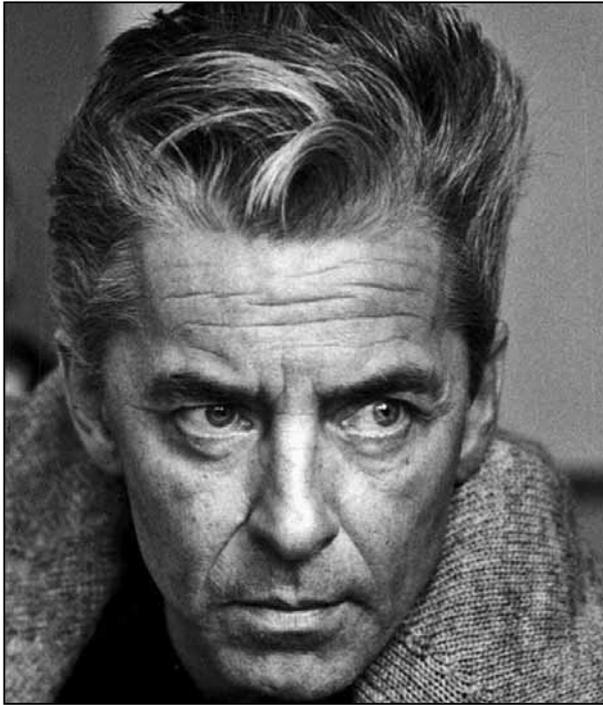
Профессиональная карьера Караяна шла по восходящей. С начала пятидесятых он регулярно выступал в миланском «Ла Скала». Особенно плодотворным было его сотрудничество с легендарной Марией Каллас. Герберта связывали с ней теплые дружеские отношения.

В 1966 году Караян основал Зальцбургский пасхальный фестиваль, став его бессменным руководителем. Он вникал во все вопросы сложного механизма фестиваля, никому не передоверяя решения даже, казалось бы, не очень важных вопросов. Порой это вызывало недовольство его сотрудников: «Я удивлен, что он сам не продает билеты и не провожает зрителей на их места», — съехидничал как-то один из подчиненных маэстро. Популярность Караяна в городе была поистине фантастической. В местечке Аниф, под Зальцбургом, улица, на которой находился дом музыканта, носила его имя. В дни фестиваля, когда Зальцбург заполняло огромное количество автомобилей, только «мерседес» Караяна имел право двигаться по разметке, предназначенной исключительно для автобусов.

На редкость успешно развивалась и карьера Караяна как оперного дирижера. Долгие годы он являлся директором Венского оперного театра и был твердо убежден, что только дирижер может создать успешную постановку. В конце концов он стал не только дирижером, но и художником по свету своих спектаклей и при этом не обращал ни малейшего вни-

мания на критические замечания в свой адрес, особенно по поводу нарочитой затемненности сцены. Знаменитая певица Биргит Нильсон, которой надоело петь свои коронные партии почти в полной темноте, как-то появилась перед зрителями в шахтерской каске с лампочкой, но даже этим не переубедила упрямого маэстро. Перед тем как покинуть труппу, она дала интервью одной американской газете: «Ситуация ужасная, но никто не осмеливается сказать об этом Караяну, потому что все его боятся. Так Караян чувствует себя великим; он — властелин, а все вокруг ничего не стоят». Критиковали маэстро и за безумные цены на билеты, которые он устанавливал. Однако это не отпугивало зрителей.

Караян выпустил рекордное количество пластинок с записями своих концертов. После 1960 года стал выпускать и фильмы-оперы. При этом трудно сказать, что в первую очередь двигало великим маэстро — желание нести в массы искусство или себя самого. Он предпочитал сначала записывать звуковую часть, а снимать актеров потом под фонограмму. Именно так были сняты оперы «Богема», «Кармен», «Паяцы». Любопытная деталь — Караян, подобно знаменитому Хичкоку, в этих фильмах запечатлевал себя самого в какой-нибудь эпизодической роли: в «Кармен» он появляется усачом в сомбреро на голове; в «Паяцах» темпераментно жестикулирует, сидя в театре среди зрителей. Кстати, его серия фильмов-опер имела самый высокий рейтинг

среди всех передач — их посмотрело 50 миллионов телезрителей.

География гастролей великого дирижера была необычайно широка. Побывал он несколько раз и в Москве. Особенно памятным для него стал его последний приезд в 1969 году. Тогда в присутствии Д.Д. Шостаковича он исполнил его Десятую симфонию. Караян с глубоким уважением относился к русским музыкантам. Особенно теплые отношения установились у него с Мстиславом Ростроповичем, которого он ласково называл «Слава».

Маэстро по-прежнему поражал всех окружающих своей колоссальной жизненной энергией. В зрелом возрасте он занимался спортом, пожалуй, еще более интенсивно, чем в юности. Ему исполнилось уже 57, когда он на лыжах съехал почти с самой вершины Монблана. Подъем туда занял 22 часа. Последние 80 метров Караян и трое его проводников так и не

сумели преодолеть, так как сильнейший ветер грозил сбросить их вниз. Чтобы спуститься, им понадобилось всего 27 минут. Это было лучшее время, показанное до того любителем. Впоследствии, пролетая над Монбланом на самолете, Караян сам не мог поверить, что побывал там. Нужно сказать, что возможность пролетать над высочайшей вершиной Альп представлялась ему чаще, чем кому-либо другому, поскольку он начал пилотировать самолеты еще с 1950 года. На своем реактивном самолете он поднимался на высоту десять с половиной тысяч метров. С высоты восемь с половиной километров маэстро пикировал почти до самой земли за полторы минуты. Его последняя, шестая по счету, машина «Falcon 10» развивала скорость до 900 километров в час. Караян гордился тем, что может путешествовать на ней быстрее, чем его оркестр на чартерных лайнерах. Его среднегодовой налет составлял 250 часов. Чтобы получить лицензию на пилотирование «Фэлкона», ему пришлось сдать весьма серьезные экзамены, в ходе которых он набрал 93 балла, всего на 4 балла меньше, чем его личный пилот, летчик-профессионал. Караяну исполнилось уже 75, когда он стал брать уроки управления вертолетов. Во-первых, ему просто нравились винтокрылые машины, и он достиг возрастного предела, когда разрешалось пилотировать реактивные самолеты. Что ж, вертолет тоже был неплохой игрушкой.

Покоряя воздушный океан, Караян не забывал и о водной стихии. Он

с увлечением занимался дайвингом, водными лыжами, однако этого ему было мало. В 1981 году он приобрел гоночную яхту и назвал ее «Гэлизира» — по начальным буквам имен всех членов семьи — Герберт, Элиэтт, Изабель и Арабелла. Яхта класса «макси» требовала экипажа в 25 человек и опытного капитана, каковым сам Караян поначалу не был. Для участия в международных гонках он нанимал лучших специалистов. И пусть он не сам стоял на капитанском мостике, победами своей морской команды гордился не меньше, чем триумфами своих оркестров.

Еще до начала войны у тридцатилетнего Караяна появились проблемы с концентрацией внимания во время выступлений. Как раз в это время ему попала книга по йоге, и началось увлечение, которое продолжалось практически всю его жизнь. Кроме того, он практиковал Дзэн-буддизм, который когда-то называли религией самураев, духовной опорой личности на стезе самосовершенствования.

Но, увы, силы человека не беспредельны, и время всегда берет свое. Если 70-е были годами наивысшего расцвета творчества Караяна, то следующее десятилетие стало для него временем суровых испытаний. Начались серьезные проблемы со здоровьем. Маэстро мучали сильнейшие боли в спине. Сделав рентгеновский снимок его позвоночника, который он повредил еще подростком, врачи пришли в изумление: по их мнению, человек с подобными повреждения-

ми уже давно должен был передвигаться в инвалидной коляске. В июне 1983 года Караяну была сделана операция, которая продолжалась три с половиной часа. Закончилась она, по мнению врачей, успешно. Однако на следующий год вновь потребовалось хирургическое вмешательство. На этот раз полностью восстановиться 78-летний музыкант уже не смог. Он продолжал выступать, но это стоило ему невероятных усилий. Во время своих последних гастролей, в Японии в 1984 году, Караян мог спускаться с дирижерского возвышения лишь с помощью концертмейстера. Теперь человеку, который когда-то съехал на лыжах с Монблана, не под силу было пройти без отдыха и полсотни шагов. Физические страдания усугублялись моральными. Уже достаточно продолжительное время длился его конфликт с коллективом Западноберлинского филармонического оркестра, которому он отдал 35 лет жизни. Музыканты устали от его авторитарного стиля руководства, и, в конце концов, дело закончилось разрывом. Караян покинул оркестр в апреле 1989 года, а в июле мир облетела весть о кончине замечательного музыканта.

Наверное, он верил в переселение душ. Как-то в своем загородном доме в Анифе, наблюдая за полетом хищных птиц, круживших над отрогами Альп, маэстро задумчиво произнес: «В моей следующей жизни я хотел бы быть соколом».

Что ж, быть может, Всесильный Дирижер вселенскими метаморфозами и услышал его ... □

Декабрь открывает самый холодный и студёный период года — зиму. Одновременно это завершающий календарный месяц уходящего года, последний день которого приходится на любимый всеми праздник Нового года.

Впрочем, так было далеко не всегда.

В предыдущих номерах мы уже рассказывали о тех далеких временах, когда начало Нового года приходилось и на начало весны, и на начало осени.

Современная традиция праздновать Новый год с 31 декабря на 1 января весьма молода, по историческим меркам, конечно, и ведёт свою историю с указа Петра Великого от 20 декабря 1699 года.

Но давайте же узнаем, какие праздники справляли наши далекие предки славяне. Прежде всего, надо упомянуть, что декабрь в древнерусском народном календаре назывался студень. Конечно, несмотря на прошед-

шие столетия и даже тысячелетия, это слово понятно и в наши дни безо всякого перевода. А ещё декабрь именовали ветрозим, стужайло или снежень. И действительно, лихие декабрьские ветра выстуживают зем-

лю, зато метели и снегопады бережно укутывают ее белоснежным покрывалом.

В самом начале месяца, 3-го декабря, вспоминали легендарного древнерусского богатыря-великана Святогора, подвиги которого народная память в форме былин сохраняла веками. По преданию, этот чудо-воин, ростом «выше леса стоячего, ниже облака ходячего», жил на высоких Святых горах, а по смерти тело его было захоронено в Гульбище, высоким кургане огромных размеров. Кто знает, может, народная память таким образом донесла до нас отголоски тех далеких эпох, когда Землю действительно населяли великаны?! Ведь за последнее столетие общество не раз было взбудоражено известиями о сенсационных находках в разных частях света скелетов и мумий людей огромного роста.

На исходе третьей по счету декабрьской недели наступает один из главных славянских языческих праздников — Коловорот или зимнее солнцестояние. Период с 19 по 25 декабря считался днями Карачуна — злого подземного духа, имеющего при себе слуг в образе медведей — буранов и волков — метелей. Его стихия — это мороз и холод, все укорачивающийся день и беспросветная ночь. Однако после зимнего солнцестояния власть Карачуна отступает, ибо благодаря животворящему солнцу продолжительность светового дня начинает медленно и незаметно, но зато неизменно прибавляться. А означает это только одно — мрак и холод сменя-

ются светом и теплом, время Карачуна заканчивается, и наступает праздник солнечного рождества — Коляда (25 декабря).

Коляда — это молодое Солнце, воплощение начала нового годового цикла. С этого времени начинались большие зимние Святки и поворот Солнца на весну. Дети и взрослые рядились в сказочных персонажей и зверей и под именем Коляды стучались в избы. Под задорные песни и пляски они требовали от хозяев угощения и желали им счастья и долголетия. Отказать им означало навлечь на себя гнев самого божества Коляды. А потому накануне рождения молодого Солнца-Коляды в домах начиналась подготовка сладостей для детей и варка кутьи — каши из цельных зерен пшеницы или ячменя с добавлением сыта (медового отвара), изюма и орехов.

Ну и, наконец, в последний день уходящего старого года отмечали Щедрец или щедрый вечер. В оставшиеся несколько часов до наступления праздника колядующие так же, как и в праздник Коляды, выходили на улицу, стучались в избы, славя щедрых хозяев и в шутку хуля скупцов. Щедрый, добрый вечер! — отвечали им в приветствие хозяева и хозяйки. Так и повелось название этого зимнего славянского праздника.

Ну а мы от всей души поздравляем наших читателей с наступающим Новым годом и желаем счастья, здоровья, везения и удачи в наступающем 2021-м году!

С Новым годом! □

Александр Аннин

СОКРОВИЩА ГОХРАНА

Часть 1

ПРОЛОГ

1990 год, сентябрь

Он, не мигая, смотрел на полную луну, разливающую за окном свой молочный свет. Чуть в стороне, где ночное небо погружалось во мглу, подрагивал красноватый Марс.

Ему вдруг вспомнился Редъярд Киплинг:

И Томлинсон взглянул вперед, и увидал в ночи

Звезды, замученной в аду, кровавые лучи.

И Томлинсон взглянул назад, и различил сквозь бред

Звезды, замученной в аду, молочно-белый свет...

Н-да, не только сказочки про Маугли сочинял этот англичанин, но и такие вот зловещие стихи. Прямо мороз по коже.

Неспроста пришли в голову мысли про адские мучения, ох, неспроста: то, что он собирается совершить, вполне может привести кого угодно напрямик в преисподнюю. Если таковая, конечно, существует. Да только вряд ли он есть, этот пресловутый ад — с раем вкупе. А земная жизнь идет

своим чередом, и если что-то упустишь сегодня, то завтра не наверстаешь.

Он сидел, свесив больные ноги, на холодной печке-лежанке, покрытой домоткаными половиками. Он так любил спать на печи, что даже летом не перебирался в кровать. Ему казалось, что даже от не топленной печи веет каким-то здоровым дыханием, умиротворяющим теплом.

Пора. Село погрузилось в сон, даже ни одна собака не тявкнет. Жена спит поодаль, на чугунной довоенной кровати... Самое время действовать!

Он накинул рабочую спецовку, прихватил в сенях короткий ломик с чуть загнутым, расплюснутым концом и вышел в сентябрьскую ночь. Беззлобно ругаясь себе под нос, запустил изможденный двигатель своего друга, легендарного «Москвича-407». Что и говорить, позорная машина, да только не для его села — здесь, почитай, все были безлошадными, и потому завидовали всякому владельцу авто. К тому же подвеска у него — кондовая, прочная. В самый раз для того дела, на которое он сейчас отправлялся.

Он миновал последний, наглухо заколоченный дом, «Москвич» заковылял по деревянному мосту через обмелевшую речку. Впереди, на холме, жутковато проступали сквозь тьму очертания полуразрушенной церкви. Заглушив двигатель возле чернеющего проема, где когда-то были навешены тяжелые, обитые медными полосами, ворота, он взял с соседнего сиденья ломик, вышел из «Москвича», откинул крышку багажника — чтобы потом не возиться, ведь руки будут заняты нелегкой ношей, заодно прихватил мощный автомобильный фонарь и вошел в своды бывшего храма. Повел лучом вдоль стен и от неожиданности вздрогнул всем телом, едва не уронив фонарь на каменные плиты. Прямо на него смотрела властным взором святая равноапостольная Ольга. Фреска была испещрена белыми пятнами плесени, но от этого благоверная княгиня не утратила величественности. На цыпочках, будто и впрямь был не один, прошел к углу и дрожащими руками поставил включенный фонарь на пол.

Он явился сюда за квадратными, полуметровыми мраморными плитами, которыми была выложена солея — возвышение перед алтарем. Высоченный иконостас, покрытый остатками позолоты, зиял дырами, словно беззубые челюсти. Иконы, понятное дело, давно разворовали, а вот дорогостоящие плиты на солее остались. Хороший мрамор, с Озерского месторождения. На плиты уже зарились лет эдак тридцать назад, пытались выломать, пустить на отделку памятника погибшим в войну односельчанам. Да куда там! Ничего не вышло. Крепко строили наши предки, не скорынешь. Вот и плюнули на эту затею колхозные власти, построилиobelisk из копеечного алюминия.

Но совсем недавно он зашел сюда, под своды храма, сам не понимая, с какой целью, и обнаружил, что плиты разошлись по швам. Поглядел наверх — так и есть, купол прохудился, и на солею годами лили дожди, сыпал снег — и понял, что плиты дожидаются его хозяйского глаза. А то, не ровен час, церковь отдадут обратно богомольцам, перестанет она быть сироткой, обретет официальный статус. Время на дворе странное, чего ждать — никто не знает толком. Так что сейчас, пока не поздно, сам Бог велел взять то, что плохо лежит.

Он вставил плоский конец лома в самую широкую щель, рванул железяку — плита на удивление легко поддалась, обнажив кирпичное основание пола — и с тревогой выпрямился. У него было совершенно четкое впечатление, будто за ним кто-то наблюдает из темноты алтаря. Схватил фонарик, испуганно посветил в полукруглое святилище. Ну, конечно же, никого. Да и не может никого тут быть, у них в селе бомжей пока не наблюдалось.

Он неспешно носил плиты к машине, складывая их стопкой в открытый багажник. Пятнадцать штук — маловато для садовой дорожки, но дальше наваливать опасно. Лопнет подвеска, и станет он безлошадным, на радость соседям. Потом вернулся к алтарю за фонарем, поднял его и замер с похолодевшим сердцем, сразу поняв, почему так легко удалось ему вынуть приглянувшиеся плиты. Дело в том, что в этом месте, размером каких-нибудь метр на полтора, плиты однажды уже вынимали. А обратно клали впопыхах, на скорую руку. И цемент применили не самый лучший. Слой штукатурки на месте только что совершенного святотатства провалился вместе с подгнившими досками.

Он стоял и светил фонарем в аккуратную, выложенную кирпичом прямоугольную яму, в которой темнела крышка сундука, оплетенная железными полосами.

НАШЕ ВРЕМЯ

Глава первая

Бывший заместитель начальника Гохрана СССР, а ныне заслуженный пенсионер Владимир Филиппович Шестаков терпеливо наблюдал, как его шоколадный сеттер по кличке Сынок уже в который раз задирает заднюю лапу возле чахлого деревца. В это сумеречное время в запущенном сквере было почти безлюдно. Лишь неприкаянная парочка тесно общалась на просохшей после дождя лавочке, да одинокий мужчина курил чуть поодаль, на крайней скамейке.

Мимо пенсионера деловито прошествовала юная путана, профессиональным взглядом окинула скучавшего в одиночестве курильщика, но попытки навязать свое общество не предприняла.

«Симпатичная... — равнодушно подумал Владимир Филиппович. — Холодновато ей, наверное, в такой юбчонке. А ведь где-то страдает наивный паренек, который ее любит безоглядно, даже не подозревая о ежевечернем промысле своей гордой, недоступной Медеи... И она помыкает им, берет реванш за те унижения, которые постоянно терпит за деньги».

Владимир Филиппович вздохнул и сразу натужно закашлялся — простыл, никуда не денешься, старость не радость. Он вспомнил, что ему в юности выпала именно такая мучительная любовь к очаровательной, бессердечной девице. Когда он узнал о ее тайном образе жизни, то хотел удавиться, прыгнуть с балкона... Спасли спортивные тренировки, изматывающие до одури...

«С чего это вдруг у тебя такие мысли, дорогой Владимир Филиппович? А? — задался вопросом Шестаков. — Подобные воспоминания, брат ты мой, обычно приходят перед смертью, не иначе. Во всяком случае, в книжках все происходит именно так: заглянул герой в свое детство и юность, умилился, прослезился, да и быстренько отдал концы. Вот так-то, любезный».

Если сказать по совести, то уставший от безрадостной жизни пенсионер Шестаков был бы не против того, чтобы тихо отойти в мир иной. Если бы не одно обстоятельство, а точнее — долг, который он просто обязан вернуть.

В последние десятилетия Шестаков вовсе не был столь же чистым и наивным, как тот юный спортсмен Володя, что страдал от неразделенной любви к путане. И, конечно же, не отмыть ему все те грехи, которыми оказалась так богата его жизнь. Он понимал, что ему перед смертью необходимо успеть покаяться и загладить самый главный грех, который он совершил, будучи на посту заместителя начальника Гохрана. А там и помирать можно.

Владимир Филиппович только что распрощался со своим неизменным товарищем по ежевечерним прогулкам, стариком Беспаловым — таким же одиноким собачником, как и он.

— Ну, друг мой, кажется, я вот-вот отмучаюсь, — вздохнул бывший гохрановец при их расставании. — Завтра встречаюсь с Минаевым, и дело с концом.

Какое именно дело — Шестаков умолчал, сказалась многолетняя привычка держать язык за зубами. Тактичный Беспалов, университетский преподаватель древнерусской литературы, выспрашивать даже не пытался: за долгое время их общения он достаточно хорошо изучил скрытную натуру своего друга. Правда, недавно Владимир Филиппович обмолвился,

что этот неведомый Минаев когда-то занимал высокий пост в Министерстве внешней торговли...

Владимир Филиппович шумно вдохнул чуть влажный воздух и в который раз повторил про себя: «А все-таки я умру честным человеком».

Мужчина в фетровой шляпе и сером плаще, одиноко сидевший на лавочке, аккуратно загасил окурок о сиденье лавочки, сунул его в карман и, поднявшись, неспешно направился в сторону Шестакова.

Владимир Филиппович, держа на поводке семенящего сеттера, постариковски шаркал к выходу из сквера — туда, где шумела и переливалась огнями оживленная магистраль. Он нисколько не испугался, увидев, как в руке незнакомца появился длинный черный предмет. Какое, собственно, все это имеет отношение к нему, пожилому и больному человеку?

«Серый плащ» поравнялся с пенсионером, и в вязком воздухе потонули два негромких хлопка. Владимир Филиппович мешком повалился на сырой асфальт. Незнакомец склонился над скорченным телом и выстрелил в третий раз — точно между ухом и виском. Сеттер, отчаянно лая, пытался вырвать поводок из намертво сомкнувшихся пальцев хозяина. Мужчина в фетровой шляпе и сером макинтоше тщательно прицелился и снова нажал на спуск. Собака, коротко взвизгнув, умолкла.

Киллер огляделся. Парень и девушка, видевшие всю эту сцену со своей скамейки, испуганно замерли, вжались друг в друга. Незнакомец молча погрозил им пальцем и двинулся к противоположному выходу из сквера, где его поджидала машина.

Глава вторая

— Нора, самая натуральная нора!

Старший оперуполномоченный отдела убийств Московского уголовного розыска Максим Бурцев до сих пор чувствовал себя в новой квартире неуютно. Впрочем, называть «новым» это убогое жилье в Южном Чертанове, куда подполковник переехал из Беяева, было даже нелепо. Возраст панельной пятиэтажки измерялся едва ли не полувеком. В самом прямом смысле слова — хрущоба. Ни тебе лифта, ни мусоропровода. И квартирка на третьем этаже — без балкона, тесная, с совмещенным санузлом. Ремонта не видела, наверное, с момента постройки дома.

Макс поменял свою обжитую «двушку» на эту тесную берлогу не потому, что ему предложили хорошую доплату, при обмене он не получил ни доллара. Мало того, даже всю добротную мебель оставил в Беяеве, даже любимого попугая презентовал новым хозяевам, обретя взамен скрипучий шифоньер, продавленный диван-кровать да газовую плиту на курьих ножках.

Безумный обмен свершился по настоянию самого Бурава — так в МУРе за глаза называли подполковника Бурцева. Тогда, семь с лишним месяцев назад, Максиму невыносимо захотелось стряхнуть с себя отцовское жилище, насквозь пораженное вирусом тоски. Может быть, через пару-тройку месяцев это наваждение покинуло бы его, даже, скорее всего, так оно и произошло бы. Но в ту пору золотой осени он был настолько подавлен трагической гибелью жены, что возомнил, будто уже не сможет переступить порог квартиры, где они когда-то жили с Настей. И жили-то скверно, по-собачьи, прямо сказать, жили. Но теперь, когда жены не стало, все почему-то вспоминалось по-другому.

А здесь, в чертановской норе, до него маялись юные супруги Каморины с грудной девочкой Ксюшей и вальяжным котом по имени Доктор Ватсон. Девочка была крестницей Максима Бурцева, то есть в каком-то смысле — дочкой. А он, хоть всего-навсего крестный, но все-таки — отец. Так чего же жалеть опостылевшую после гибели Насти беляевскую «двушку»?

Комар — так прозвали в МУРе Алексея — сначала кочевряжился, твердил, что обмен нечестный, но теперь, когда переехал, был просто на вершине счастья. Как, разумеется, и его жена Ирина. О том, что испытывала Ксюшка, попав в просторную, светлую квартиру из полутемной хрущовки, можно было только догадываться.

— Как там мой попугай? — спрашивал время от времени Бурав.

— Ты знаешь, какой-то он сердитый, — отвечал Комар. — Вечно кричит, шипит, норовит тяпнуть за палец. Нам ведь, Макс, приходилось поначалу его в маленькой комнате запирать, когда мы его полетать выпускали.

Максим любил этих молодых, жизнерадостных супругов. Сам подполковник в последнее время почти физически ощущал надвигающуюся старость. Он стал подмечать, что частенько разговаривает сам с собой, постоянно комментируя свои действия: будь то заваривание чая «по-бурцевски», редкая уборка в квартире или азартный просмотр футбольного матча.

Иногда к нему заглядывал доктор Груздин с неизменной бутылкой водки — такой же волк-одиночка, как и подполковник Бурцев.

— Ты, Макс, конечно, молодец, — серьезно говорил Сергей Сергеевич, наливая по второй или третьей. — Большое дело для Лехи с Иришкой сделал. А выпить мы с тобой и здесь можем вполне душевно. Хотя, согласишься, там, в Беляево, ты жил гораздо привольней...

Глава третья

На утренней оперативке начальник отдела убийств полковник Кротов, которого подчиненные называли Хватом, зачитал и без того известную всем

сотрудникам сводку происшествий за минувшие сутки, многозначительно посмотрел на Бурцева и, наконец, традиционно призвал «господ сыщиков» к энергичному, неустанному труду на благо всего общества.

— Вы, господа, как-то без огонька разыскиваете преступников, — с упреком промолвил тучный полковник. — Ну не вижу я алчности, азарта в ваших глазах, хоть убейте! Может, кому-то работа стала не в радость, а? Может, кто-то подумывает податься в частный сыск, бабки заколачивать?

— Геннадий Иванович, — вяло подал голос Бурав. — Труд дан человеку в наказание, уж вам-то это должно быть хорошо известно из Библии. Вы что же, призываете радоваться наказанию? Испытывать в нем потребность? Это, извините, здорово смахивает на мазохизм...

Кто-то из присутствующих хрюкнул, подавляя смех, а Кротов, побагровев и вращая глазами, рявкнул:

— Не смейте спекулировать Священным Писанием, подполковник! И, кстати, после оперативки прошу вас задержаться. Вместе с капитаном Камориным. Получите особое задание. А уж в радость оно вам будет или в наказание — меня, как говорится, не волнует.

Алексей прекрасно понимал, что в их предстоящем разговоре с полковником Кротовым ему, тридцатилетнему капитану, отводится самая пассивная роль. Да и пригласил его Хват чисто машинально, по укоренившейся традиции.

Дело в том, что за четыре с лишним года его службы в МУРе Комара привыкли воспринимать как некую тень великого Бурава. Тем не менее Алексею льстило то обстоятельство, что их считают неразлучным тандемом — работать в паре с лучшим муровским оперативником почел бы за честь любой сыщик из отдела убийств. Так что Комару, безусловно, здорово повезло в этой жизни. А недавно эта служебная удача материализовалась еще и в комфортабельной двухкомнатной квартире, которую Бурцев, можно сказать, подарил чете Камориных.

Алексей, конечно же, чувствовал себя неловко, переезжая из Южного Чертанова в Беляево. Ведь причиной щедрости Макса была не только любовь к своей маленькой крестнице и ее родителям, но и трагические события в его жизни. Получалось, что Алексей и его семейство будто бы наживаются на горе, что обрушилось на Бурава в конце прошлого лета...

Но в еще большее смущение повергло Комара присвоение ему очередного звания капитана полиции — за успешное раскрытие убийств распорядителя игорного клуба «Монреаль» Вениамина Егоршина и нефтяного магната Прохора Долганова. Тогда практически всю работу по розыску преступников проделал подполковник Бурцев. И именно он, Бурав, настоял,

чтобы Кротов похлопотал перед начальником МУРа генералом Беликовым о повышении звания Алексею Каморину.

А вот самому-то Максиму Юрьевичу никто звание повышать не соби-рался — Хват уже трижды выходил «наверх» с убедительными просьбами вручить Бураву полковничьи погоны, да всякий раз получал мягкий отказ. Начальство упрямо не желало дать звание полковника знаменитому Максиму Бурцеву. В МУРе с незапамятных времен сложилась нелепая традиция: считалось, что оперативный работник не может иметь звание выше подполковничьего. К тому же, повысить Бураву звание — значит, лишиться мобильного, аналитически мыслящего сыщика, не раз выручавшего генерала Беликова и полковника Кротова из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций.

— Максим Юрьевич, на вас вся надежда, — в который раз за последние годы изрек Хват, когда в его кабинете остались только Бурав и Комар. — Вы уже знаете, что минувшей ночью совершено двойное убийство на Каширке...

— Вы что, про тех двух наркоторговцев, Геннадий Иванович? — глумливо перебил Хвата Бурцев. — Знать бы, кто к этому руку приложил, я бы ему из своего кармана премию выдал.

— Господин подполковник! — одернул его Кротов. — Вы вправе озолотить этого серийного убийцу, только сначала найдите мне его! Хоть из-под земли... Черт-те что! Уже седьмой труп за месяц. И все из одного и того же «вальтера» полувековой давности.

— Да и покойнички — прямо один к одному, — криво усмехнулся Бурцев. — Наркоторговцы, бандюки... Такое впечатление, что капитан Шилов воскрес и продолжает вершить свой суд над всяким отродьем.

Хват зорко глянул на подполковника. Геннадий Иванович и сам не раз вспоминал Петра Шилова, изучая материалы по убийствам отморозков, совершенным за четыре последних недели. Везде фигурировали пули, выпущенные из старенького пистолета... Любил такие пистолеты капитан Шилов, ох как любил. Правда, он-то стрелял из табельного оружия, а ржавые, купленные по дешевке стволы вкладывал в руку убитому «братку».

Н-да, капитана Шилова преступный мир столицы запомнит надолго. Года три назад этот сорокалетний опер напрочь разуверился в российском правосудии и принялся в одиночку истреблять тех, у кого руки были по локоть в крови. Муровцы так и прозвали Шилова — Истребитель.

Бандиты все-таки достали Шилова. Капитана расстреляли на его квартире в августе прошлого года. И у этого убийства был один-единственный свидетель, который до сих пор надежно охранялся.

— Знаете что, Геннадий Иванович, — медленно продолжил Максим, — скажу честно: мне по душе этот неведомый палач. Хорошее дело делает. И я намерен впервые воспользоваться тем правом, которое вы мне сами когда-то предоставили.

— Каким еще правом? — нахмурился Хват.

— Правом отказываться от оперативного задания, если оно мне категорически не нравится. Я не хочу разоблачать Палача.

— Это вы что же, в память о капитане Шилове? — скривился Кротов. — Святой Варфоломей! А что мне-то прикажете делать? А? Пойти к Беликову и сказать: «Товарищ генерал, серийный убийца действует в интересах общества, ликвидирует нелюдей, и потому мы должны не ловить его, а, наоборот, оказывать всяческое содействие»? Так, что ли?

— Ну зачем же столь прямолинейно, Геннадий Иванович, — пожал плечами Бурцев. — Поручите розыск кому-нибудь другому и не слишком наседайте на парней. Так мы и невинность соблюдем, и капитал приобретем...

Он упорно отказывался разыскивать серийного убийцу не только потому, что в принципе одобрял его действия. Просто... Просто Бурав знал, кто скрывается под кодовым именем «Палач» — такое прозвище получил новоявленный каратель среди сотрудников отдела убийств. Или, во всяком случае, был уверен, что личность эта ему хорошо известна.

Найти серийного убийцу, конечно же, надо. Только отнюдь не затем, чтобы арестовать, а чтобы прикрыть, спасти от бандюков, которые, безусловно, уже разыскивают «народного мстителя», как когда-то — капитана Шилова.

Вернувшись вместе с Алексеем в их общий кабинет, Бурцев просмотрел сводку происшествий в развернутом виде — с деталями, описанием места происшествия и так далее. Как и в предыдущих случаях, остроконечные пули из «вальтера» с близкого расстояния поразили наркоторговцев в глаз и в горло. Экспертиза показала, что оружие, скорее всего, изготовлено в Германии еще в период Второй мировой. И именно так — выстрелами в горло и в глаз — был убит в августе прошлого года на своей квартире капитан Шилов, прозванный «Истребителем».

Бурав вчитывался в изложение судебно-медицинской экспертизы по двойному убийству на Каширке. Один из двух молодых наркоторговцев был застрелен первым же выстрелом в глаз с близкого расстояния. Произошло это в тихой подворотне. Второй, очевидно, бросился бежать, и убийца свалил его выстрелом в поясницу. Ранение не было смертельным. Из заключения экспертизы просматривалось, что убийца перевернул раненого наркоторговца на спину, приставил пистолет к его горлу и выстрелил еще раз. Не к виску приставил дуло пистолета, и не ко лбу, как это обычно

случается, а именно к горлу. Почему? Да потому, что этот выстрел был для него принципиальным.

— Надо наведаться в психушку, — подытожил Бурав, горестно покачивая головой.

Комар обалдело посмотрел на него, и подполковник фыркнул. Он знал, что единственный свидетель расстрела Петра Шилова до сих пор содержался в престижной и хорошо охраняемой психиатрической больнице имени Петра Кащенко.

Глава четвертая

Бурцев с пониманием относился к тому, что Алексей обременен семейными делами, и потому редко задерживал его на службе. И Комар, как правило, к восьми вечера уже был дома, за что Ирина при каждом удобном случае не забывала поблагодарить «дядю Максима».

Но сегодня поистине ангельское терпение подполковника наконец-то лопнуло.

— Все, кум, будешь сидеть и корпеть хоть до морковкина заговенья, но всю отчетную документацию для Кротова закончишь, — решительно объявил он. — А я домой поехал, я тоже человек, в самом-то деле... — и вышел из кабинета.

Комар обреченно вздохнул: «Человек он, видите ли! Что-то я не могу припомнить, чтобы он за четыре с лишним года нашей совместной работы хоть раз составлял отчет. Всю бумажную мутату на меня сваливает, нашел себе писаря...»

Не успел он так подумать, как дверь неожиданно открылась, и возникший на пороге Бурцев едко произнес:

— Тебе страшно повезло. Я только что был в дежурке... Бросай бумаготворчество, поехали.

— Убийство?

— Оно самое. И не банальное убийство, между прочим...

Во внутреннем дворике ГУВД Бурцев в очередной раз любовно погладил капот своей серебристой «тойоты», а через минуту они уже выруливали на запруженную машинами Петровку.

— После восьми вечера — самое время для заказных убийств, — назидательно вещал подполковник. — Сам посуди: люди возвращаются домой или идут в кабак, соответственно, либо в подъезде, либо в туалете ресторана их уже дожидаются терпеливые киллеры...

— Наш-то покойник пенсионером был, — осторожно возразил Каморин. — Какие тут рестораны! У него, наверное, и на корм собаке денег едва хватало. Может, его вообще по ошибке застрелили? А что? Какие главные ориентировки могли быть даны киллеру? Возраст жертвы и порода его собаки. Ведь убили Шестакова в том сквере, где он кобеля выгуливал. А теперь смотри: район богатый, престижный — Бронная, как-никак. Вполне возможно, что киллер поджидал другого «клиента», примерно одного возраста с Шестаковым, у которого тоже был сеттер!

— Ну да, ну да, — покивал головой Бурав. — Только запомни одну простую истину: смерть вообще — слишком серьезная штука, чтобы быть случайной или ошибочной... ТАМ, — поднял он глаза к небу, — ошибок не бывает.

Алексей сразу понял, что Бураву вспомнилась гибель его жены — тоже, на первый взгляд, случайная: вскочила за руль Бурцевской «шестерки» и взорвалась вместо подполковника...

— И потом, — продолжал Максим, — с чего это ты взял, мил человек, будто старик Шестаков был недостоин получить три пули от наемного убийцы? Не надо обижать покойника: он был когда-то весьма и весьма важной птицей. Вплоть до 1992 года Шестаков занимал должность одного из главных руководителей Гохрана — надеюсь, не надо объяснять, что это за учреждение?

— Не надо, — нахмурился Алексей.

— Вот и славно. Сам понимаешь: золото, платина, бриллианты, церковная утварь, изъятая советской властью в немереных количествах... Это, брат ты мой, не хухры-мухры.

«Тойота» зарулила в старинный московский дворик и остановилась возле подъезда сталинского дома.

— В сквере нам делать нечего, — пояснил Бурцев. — Труп Шестакова увезли, сейчас Серега Груздин над ним колдует в Лефортовском морге... А тут, кум, всю обыск идет, и, сдается мне, именно в квартире покойного, а не на месте убийства мы можем найти ключик к разгадке...

Трехкомнатная квартира Владимира Филипповича Шестакова располагалась на первом этаже, и потому окна были забраны чугунными решетками. Мощное впечатление производила и дверь в жилище покойного: бронированная, с усиленными косяками. Обставлена квартира была с роскошью восьмидесятых годов — времени, когда карьера ее хозяина была на самом взлете. Из знакомых лиц здесь находился только эксперт-криминалист Слава Зарезин, помимо него по комнатам сновали два оперативника из местного угро — капитан и старлей, как они отрекомендовались подполковнику Бурцеву. Понятые — молодой мужчина и женщина средних лет — пристроились на узеньком диване в гостиной.

— С прибытием, товарищ подполковник, — обрадовался Зарезин при виде Бурава.

— Есть что-нибудь любопытное, Слава? — бросил Максим, игнорируя ревнивые взгляды районных сыщиков. Он прекрасно понимал их демонстративное недовольство: как пить дать, Бурав быстренько присвоит себе все лавры, которые может принести это далеко не рядовое дело.

Впрочем, с другой стороны, подключение Максима Бурцева к розыску профессионального убийцы могло избавить районный угро от возможного «висяка».

— Кое-что есть, Максим Юрьевич, — кивнул Зарезин. — Убитый был крупным коллекционером, то есть весьма и весьма состоятельным человеком, насколько я могу судить.

— Владимир Филиппович был нумизматом, как и я, — слышался страдальческий голос.

Каморин удивленно обернулся — он и не заметил, что в комнате еще кто-то есть. Существует же такая порода людей — настолько непримечательных, что порой они кажутся бестелесными...

Голос принадлежал понуро сидевшему в уголке старичку, одетому в выцветший плащ неопределенного оттенка. В руке этот «божий одуванчик» держал старомодную фетровую шляпу.

Глава пятая

— Беспалов Иван Ильич, — горестно представился старичок, губы его дрожали. — Мы расстались с Владимиром Филипповичем больше часа назад, потом я позвонил ему, а эти товарищи были уже здесь, с обыском... Меня попросили прийти...

Бурав перелистывал сложенные в стопку кляссеры со старинными монетами, среди них было множество золотых червонцев чеканки 18–19 веков. Действительно, целое состояние.

— Похоже, коллекция Шестакова и впрямь имеет большую ценность? — то ли вопросительно, то ли утвердительно обратился он к Беспалову.

— Еще какую! — замахал руками Иван Ильич. — В роду у Шестаковых издавна собирали монеты, при царе даже нумизматический магазин в Москве держали.

— Вот как? И кто же теперь, извините, унаследует все это добро?

— Видите ли, — замялся Иван Ильич и нервно затеребил свою фетровую шляпу. — Кое-что Владимир Филиппович обещал мне... Но я не претендую, вы не подумайте!

— Почему же вы отказываетесь от наследства? — счел нужным как-то проявить себя Каморин. — Тем более что, как вы сами признались, вы тоже — заядлый нумизмат.

Бурав одобрительно взглянул на Комара — мол, давай-давай, перекрестный допрос — он всегда эффективнее.

Старик беспомощно посмотрел на Алексея снизу вверх и тихо ответил:

— Ну... У меня есть письменный перечень монет, которые Владимир Филиппович отказал мне в случае своей смерти, а также его завещание в мою пользу... Однако бумага не заверена у нотариуса, так что никаких формальных прав у меня нет. Да и Бог с ними, с монетами. Хотя, конечно же, они украсили бы мою скромную коллекцию. Там, в перечне, несколько коронационных рублей, штук десять екатерининских, павловских и александровских червонцев — и все, заметьте, в идеальном состоянии!

— А сколько стоят эти монеты, которые вы рассчитывали получить в случае смерти Шестакова? — вскользь поинтересовался Бурав.

— Ни на что я не рассчитывал! — со слезой в голосе воскликнул Беспалов. Тут же успокоился и заговорил уже деловито: — Коронационные рубли идут сегодня на Таганке от трехсот до семисот долларов, а червонцы названных императоров... Ну, на вскидку — от трех до десяти тысяч.

— Долларов? — изумился Алексей.

— Да, молодой человек, — с гордостью ответил Иван Ильич. — Баксов, «зелени», «капусты» — так, кажется, сейчас принято выражаться?

— Так, так, — подтвердил Бурцев и повернулся к Комару: — Леша, милый ты мой, запомни житейскую истину: ничто не стоит так дорого, как людская прихоть. Тут-то хотя бы золото, это еще по-человечески понятно...

— А что бы вы сказали, если бы узнали такую вещь: недавно на аукционе советский рубль 1970 года был продан за 38 тысяч долларов? А? — фыркнул Беспалов. — Обычный никелевый рубль.

— Не верю, — мотнул головой Алексей.

— Зря, молодой человек, — поджал губы Иван Ильич. — Тогда, в семидесятом, на московском монетном дворе отчеканили много миллионов юбилейных рублей с профилем Ленина — помните, такие увесистые чушки? Ему же сто лет исполнялось. Но совершенно случайно выпустили несколько обычных, маленьких рублей.

— С «однушкой», помню такие, — кивнул Каморин.

— Так вот, эта никелевая «однушка», как вы изволили выразиться, стоит многократно дороже золотых червонцев. Такие вот дела. Нумизматика!

— Вы где служить изволите, Иван Ильич? — прервал словоохотливого старика Бурцев.

— Преподаю древнерусскую литературу в Московском государственном университете, — с достоинством изрек Беспалов. — Меня ценят, на пенсию спрашивать даже не помышляют. Сейчас таких специалистов, как говорится, днем с огнем...

— Знаете, Иван Ильич, — пылливо посмотрел на него Бурав. — Мы с вами общаемся всего ничего, однако для меня уже совершенно очевидно, что вы — человек эрудированный, с многосторонними познаниями. «Зелень», «капуста» — это вы здорово! Право слово! От студентов, что ли, наслушались? Поэтому не пытайтесь меня убедить, будто вы ни сном ни духом не ведали, что завещание, написанное даже в вольной форме, но рукою самого завещателя и скрепленное его подписью, имеет достаточную юридическую силу. Во всяком случае, вы реально можете рассчитывать на успех в суде, если кто-то вздумает эту бумагу оспорить.

Он снова начал перелистывать неподъемный кляссер, в глазах его рябило от чуть красноватых, пышущих жаром золотых кружочков с неровными ободками.

— Словно только что из печки, верно? — восхищенно произнес Беспалов.

— Н-да... Здесь этих червонцев и империалов — видимо-невидимо. Где-то под миллион долларов, судя по той цене, которую вы назвали, Иван Ильич. И это — не считая всех прочих монет. — Бурцев жестом позвал старика подойти поближе и попросил: — Посмотрите внимательно, Иван Ильич, не пропали ли отсюда какие-нибудь особо ценные экземпляры. Ведь Шестаков, разумеется, показывал вам свою коллекцию, хвастался?

— Второй раз просматривать нет нужды, — отозвался Беспалов. — Первое, что предложили мне сделать эти господа, проверить, все ли на месте. Так вот, коллекция Шестакова в целостности и сохранности.

— Тьфу ты! Монеты в идеальном состоянии! Дотумкал? Да за такой срок они должны были истереться, ведь золото — металл мягкий. Значит, червонцы практически не были в обращении. Что это означает?

— Что? — с глупым видом переспросил Каморин.

— А то, что тут могут быть три варианта. Первый: монеты — не настоящие, перед нами — имитация, выполненная из червонного золота. В последние годы, я слышал, такие новоделы вошли в моду, это хороший бизнес. Второй вариант: монеты подлинные, значит, они два века пролежали в тайнике. Это клад. И, наконец, последняя версия: все эти полторы сотни замечательных монет похищены из Гохрана.

— А Шестаков был когда-то... — просветлел Алексей.

— Вот именно, друг мой... — многозначительно поднял вверх указательный палец Бурав.

За спинами оперативников послышался несмелый кашель.

— Извините, товарищ подполковник, — обратился к Максиму страдающий одышкой районный сыщик. — Разговорчик есть... Давайте пройдем в соседнюю комнату?

В спальне их дожидался второй опер, из двоих местных сыщиков, прибывших для обыска в квартире Шестакова, он был старшим по званию.

— Подполковник, — начал опер с довольно наглым выражением лица, — еще до вашего приезда мы допросили двух свидетелей убийства Шестакова. Там, в сквере... Это молодой человек и девушка, мы записали их показания, адрес и отпустили.

— И что же? — ледяным тоном спросил Бурав — капитан ему явно не нравился.

— Дело в том, что, согласно описанию, которое дали пацан и девчонка, убийца был примерно одного роста с Беспаловым. К тому же он был одет в серый плащ и фетровую шляпу. Похож, верно? А у этого Беспалова, как я понял, имелись совершенно очевидные мотивы... — Увидев, что Бурцев повернулся к выходу из спальни, опер обиженно бросил ему вслед: — Вам что, совершенно не интересны эти сведения?

— Почему же, все это очень интересно, — обернувшись к нему, скучным голосом протянул Бурав. — Но, господа, задерживать Беспалова мы все-таки не будем. Какой из него убийца? Тем более что он — старый собачник, и вряд ли стал бы стрелять в кобеля Шестакова...

Впрочем, подполковник отнюдь не был до конца уверен в невинности Ивана Ильича. А если бы он мог знать о том, что произойдет через каких-то полчаса, то немедленно приказал бы арестовать старика Беспалова, запереть его в отдельной камере изолятора временного содержания при ГУВД Москвы и не спускать с него глаз ни днем, ни ночью.

Глава шестая

Узкая лавочка на детской площадке возле дома Шестакова с незапамятных времен стала ежевечерним прибежищем для выпивох, и потому редкие прохожие не обращали никакого внимания на двух алкашей, мирно сидевших перед песочницей. Между сидящими собутыльниками, братьями Савичевыми — Борисом и Валерием, посверкивал во тьме прозрачный пузырь и фольга с завернутой в нее нехитрой закуской.

— Ну и где этот гребаный старикан? — с досадой прошептал Борис. — Сколько еще ждать? Была бы хоть водка настоящая, тогда другое дело. Противно хлебать эту воду из-под крана. Где ты только ее набирал? Хоть бы минералку купил...

— Борис, ты не прав, — назидательно ответил Валерий. — Терпеть надо. Ты пойми, это мы с тобой торопимся, а Беспалову спешить некуда. На тот свет он всегда успеет.

— А мы-то успеем дело сделать? Один раз уже упустили клиента, узнает Хозяин — бошки нам поотрывает.

— Не поотрывает, — протянул Валерий не слишком уверенно. — Ему главное, чтобы старик до суда не дожил.

— Его сейчас там твои коллеги-менты допрашивают, — горячился Борис. — А вдруг он уже раскололся?

— Юридической силы его показания пока не имеют, — монотонно принялся втолковывать брату Валерий. — Сейчас, Боря, идет процедура предварительного опроса свидетеля, так что сегодня в любом случае обвинение ему предъявить не могут. А если мы быстренько уберем этого Беспалова, то его слова в деле вообще фигурировать не будут...

— Ну конечно, ты у нас мент, все законы знаешь, — с издевкой перебил его младший брат. — А если его сейчас задержат, в изолятор отправят? Как мы будем его там доставать?

— Достанем, — хмуро отозвался старший, хотя и понимал, что арест Беспалова усложнит задачу до невысказанных пределов. — И хватит гадать, как баба на свечке!

Братья ненадолго замолчали, а потом Борис вдруг спросил:

— А может, ну его на хрен, Хозяина-то?

— Ты что, обалдел?! — вскинулся Валерий. — О Мишке вспомни! Он же в заложниках сидит, е-мое...

Их третий брат, Михаил Савичев, уже второй месяц томился в камере следственного изолятора по обвинению в изнасиловании, и даже Валерий, лейтенант полиции, ничем не мог ему помочь. К тому же потерпевшую и ее близких надежно охраняли менты, и вступить с жертвой в переговоры не представлялось возможным. Адвокат заявил, что может добиться освобождения Михаила Савичева подчистую, но назвал такую сумму, от которой Валерию стало дурно. Тридцать тысяч долларов!

Тогда братья обратились к Хозяину с просьбой: нет ли у него срочной работенки на такую сумму? Ну, хотя бы на двадцать пять, потому что пять тысяч долларов у Валерия в загашнике имелись.

Хозяин уже не раз выручал братьев, подбрасывая им то одно, то другое дельце — как правило, ликвидацию людей. Вот и на этот раз братьям Савичевым повезло: сегодня Хозяин позвонил и назвал имя и адрес некоего Беспалова Ивана Ильича, семидесяти трех лет от роду.

Чем помешал этот доходяга могущественному Хозяину, братьев не интересовало. Главное — его устранение будет стоить аккурат двадцать

пять штук баксов, стало быть, Мишка скоро окажется на свободе. Видно, непростой старик этот Беспалов, ох, непростой, если за его жизнь платят такие бабки...

— Ты только не вздумай из пистолета шмолять, — примирительно сказал Борис.

— Не держи меня за идиота, — огрызнулся Валерий, не спуская глаз с подъезда, у которого стояли полицейская машина и серебристая «тойота» подполковника Бурцева.

Глава седьмая

Когда Максим Бурцев вернулся в гостиную, он сразу понял, что за короткое время его отсутствия просторная комната превратилась в лекторий, и темой лекции была отечественная нумизматика.

Понятые слушали старика Беспалова с нескрываемым интересом, они даже подались вперед со своего дивана. Комар, напротив, нервно расхаживал по комнате, сжимая в ладони стопку каких-то фотографий. Подполковник прислонился к косяку и, скрестив руки, принялся внимать Ивану Ильичу.

— Так вот, коллекционировать золотые монеты нам запретили еще до войны, — продолжал свою назидательную речь Беспалов. — Более того, царские и иностранные «рыжики» — ну, мы так монеты из золота называем — Сталин приравнял к валюте, и те, у кого они имелись, обязаны были сдать их государству.

— В Торгсин, — уточнил Бурцев.

— Совершенно верно! — почему-то обрадовался Беспалов. — Торгсин хоть и переводится как «торговля с иностранцами», то есть за валюту, но на самом деле эти магазины были предназначены для того, чтобы выкачать последнее золото и бриллианты у соотечественников. Там, в Торгсине, за золотую пятерку давали большущую астраханскую селедку. «Залом» называлась. Вы такую никогда и не пробовали, всеми цветами радуги на срезе переливалась, а сам срез — с ладонь шириной... А за червонец — две селедки.

— Негусто, — вновь вставил свой комментарий подполковник.

— Это верно, — согласился Беспалов. — Сами понимаете, далеко не все граждане были сознательными, так что у многих золотые монеты остались. Прятали их под печкой... Если соседи донесут, найдет схрон НКВД — считай, расстрел или каторга. Вот так-то. А когда немцы напали, тут уж голодные люди свои сокровища из тайников повытаскивали. Не до золота стало. Ночью шли с санками по деревням, в мороз, меняли червонцы на еду. За один червонец можно было получить два мешка картошки.

Комар остановил свой бег, невидящим взглядом уставился куда-то в пространство. Все это он уже слышал когда-то от бабушки — и про грабительский Торгсин, и про ночные походы за картошкой в лютую зиму сорок первого... Несли деревенским все, что имело цену на селе: перстечки, цепочки, одежду. В одиночку не ходили: съедят волки, не отобьешься. А еще на обратном пути, когда уже с картошкой шли, подкарауливали женщин разбойные мужики с топорами и вилами, убивали всех, без разбора. За эту самую картошку помороженную.

Тем временем Беспалов заканчивал свой ликбез:

— А при Никите нумизматам запретили и серебряные монеты коллекционировать, их тоже к золотовалютным резервам приравнивали. Ну и ладно: стали мы медь да никель собирать, тут ведь главное — интерес, а не содержание драгметалла. Брежнев снова серебро разрешил, а теперь и золотые монеты свободно продаются-покупаются.

— Шестаковы, похоже, сумели сохранить свои сокровища, — как бы между прочим, заметил Бурцев.

— Разумеется, — насупился Беспалов. — Наш мирок, я имею в виду нумизматов, очень тесен, и, конечно же, другие коллекционеры догадывались, что Владимир Филиппович тайно владеет запрещенными «рыжиками». Но... Доносить на него никто не посмел: уж больно серьезный пост он занимал. Заместитель руководителя Гохрана СССР! Это ж кремлевская должность, прямой контакт с КГБ.

— А вы уже тогда дружили с Шестаковым? — поинтересовался подполковник.

— Не-ет, — замотал головой Иван Ильич. — Я в те годы для Владимира Филипповича мелкой сошкой был, ничтожеством. Какая тут дружба... Знали, конечно, друг друга, точнее — слышали друг о друге как о довольно известных нумизматах. А по-настоящему сошлись мы с ним уже в девяносто втором, когда он на пенсию вышел. Стали вместе собак выгуливать. В том самом сквере... В общем, два одиноких старика сделались приятелями. Помню, он тогда, в начале 90-х, занимался приватизацией государственной дачи, сильно был этим озабочен, но в итоге сумел ее продать. — Вдруг на лице его появилось какое-то торжествующее, если не сказать мстительно выражение, и он заговорил уже о другом: — Шестаков был очень суеверным человеком, хотя и ходил иногда в церковь. Он боялся, что, если составит нотариально заверенное завещание, этим самым накликает себе смерть. Вот и не успел зафиксировать свою последнюю волю, как положено...

— А кого, кроме вас, он собирался облагодетельствовать? Вы, случайно, не знаете? — подал наконец-то голос долговязый капитан из районного угро.

— Знаю, — хмыкнул Беспалов, но посмотрел при этом не на него, а на подполковника Бурцева. — Вы не поверите: Министерство культуры. Да-да! Владимир Филиппович лелеял мечту, чтобы после его смерти здесь разместился музей нумизматики. А что? Первый этаж, квартира большая, опять же — центр... Вот и хотел завещать квартиру и коллекцию Минкульту. Музей имени Владимира Шестакова — это вам не кот начхал!

— А как на это смотрели его родственники? — поинтересовался Бурав.

— Да какие родственники... — отмахнулся Иван Ильич. — В последнее время у него никого кроме Сынка и не было.

— Сын! Так ведь это же прямой наследник! — встрепенулся Каморин. — Где он сейчас?

— Вы не поняли, — печально улыбнулся Беспалов. — «Сынок» — это кличка его погибшего сеттера. А собственных детей у Владимира Филипповича не имелось. Правда, у покойной жены Шестакова был сын от первого брака, Вася. Он сейчас бизнесмен, владеет рекламным агентством. Хороший мальчик, уважительный... Мы с ним как-то виделись лет пять назад. А потом они с Владимиром Филипповичем почему-то перестали ладить. Я так понял, что Вася сильно выпивать начал, вот Шестаков и прекратил с ним общаться.

— А у этого бизнесмена Васи какая фамилия? — вкрадчиво спросил Бурцев.

— Шестаков, — удивленно ответил Иван Ильич, будто наличие у пасынка фамилии отчима подразумевалось само собой.

— Это значит, что убитый формально усыновил отпрыска своей супруги, — пробормотал подполковник. — Если у вас все, Иван Ильич, то вы можете отправляться домой, отдыхать.

— Благодарствую. — Беспалов поднялся со стула и церемонно поклонился, но тут Алексей решительным жестом задержал старика.

— Макс, посмотри-ка сюда, — протянул он Бурцеву стопку цветных фотографий. — Я их на бюро обнаружил. По-моему, это важно...

Бурав хмуро перебирал красочные снимки. Золотые церковные потиры с разноцветными камнями, пасхальные яйца Фаберже, усыпанные бриллиантами, золотые кресты с эмалью, изумрудные панагии епископов...

На обратной стороне каждого снимка стояла выцветшая печать: «Горхран СССР».

Глава восьмая

— Нет, — твердо ответил Беспалов, когда бегло просмотрел фотографии. — Этих предметов я у Шестакова никогда не видел.

— Уверены?

— Абсолютно.

— Тогда вы свободны, — с нажимом повторил Бурцев, которому уже изрядно поднадоел этот невзрачный, бесплотный старик.

У дверей Беспалов вдруг остановился, вновь подошел к подполковнику и с каким-то мистическим ужасом произнес:

— Я кое-что вспомнил. Буквально перед самой смертью Владимир Филиппович говорил мне — ну, во время нашей последней прогулки, — что завтра собирается встречаться с неким Минаевым. Этот Минаев при старом режиме служил во Внешторге. Похоже, у них с Шестаковым намечался какой-то решительный разговор...

Бурав прямо из квартиры на Малой Бронной связался с приятелем из Центрального адресного бюро и уже через несколько минут знал адреса бывшего внешторговца Дмитрия Юрьевича Минаева и приемного сына убитого коллекционера — Василия Владимировича Шестакова.

— Этих людей мы, конечно, проверим, — равнодушно проговорил он, садясь с Комаром в серебристую «тойоту». — Но знаешь, что говорил Чапек? — Бурав подмигнул Алексею. — Если убит крупный чиновник, то надо искать племянника его экономки, который совершил убийство из-за денег. И нечего мудрить.

— Макс, — осторожно начал Каморин, — я, конечно, наведу справки, была ли у Шестакова экономка, то есть домработница. И если была, то ее племянника отыскать не составит труда...

Бурав запустил двигатель и мрачно посмотрел на деловито поджавшего губы Алексея:

— Вот из-за таких, как ты, в народе и говорят, что в полицию идут работать одни дебилы. Ты ж МАИ окончил, Леха! У тебя ж высшее образование, е-мое! Карел Чапек, да будет тебе известно, — это великий чешский писатель, и я просто процитировал его. Понимаешь? Так, для примера. Экий ты все-таки темный...

— Значит, искать домработницу не надо? — совсем растерялся Комар, который всегда тупел в присутствии Бурава.

Подполковник с досадой сплюнул и тронул машину с места.

— Гуд мординг, — мрачно прохрипел Василий Шестаков, разглядывая свое отекавшее лицо в заляпанном брызгами зубной пасты зеркале.

Время близилось к одиннадцати вечера, но пасынок убитого гохрановца часов не наблюдал. И, вопреки известной поговорке, отнюдь не по причине счастливого состояния. Просто утро наступало для Василия не с восходом солнца, а тогда, когда он был в состоянии оторвать свое размякшее

тело от постели. Запой, словно карточный шулер, спутал времена суток, наполнив их тяжкими страданиями, изредка перемежаемыми короткой радостью опохмелки.

«Мальчику Васе», как назвал его старик Беспалов, уже давно стукнул полтинник, и его яйцевидную голову украшала гладкая лысина, обрамленная жидкими прядями давно не мытых волос.

Водка у него была, но он решил больше не «освежаться», давно уяснив, что через каких-то полтора-два часа эйфория от опохмелки непременно сменится еще более страшными муками, поэтому, с трудом поднявшись с дивана, побрел на кухню заварить себе крепкий зеленый чай.

Вдруг по истерзанным нервам полоснул протяжный звонок — кто-то нещадно давил на кнопку за входной дверью. Сердце Шестакова отчаянно забухало, на лбу выступила холодная испарина. Чтоб вас черт подрал, убийцы! Все убийцы! Все хотят его смерти!

Едва попадая ключом в замочную скважину, Вася силился отпереть железную дверь и через пару секунд непонимающе уставился на двух мужчин, грозно озиравших его расхристанную фигуру. Один из визитеров был коренастым брюнетом, другой, помоложе, — белобрысым двухметровым парнем.

— Московский уголовный розыск, — зловеще произнес Бурав, оценив беспомощное состояние Шестакова-младшего. — Пропустите-ка в квартиру, любезный!

Глава девятая

Известие о гибели отчима Вася воспринял спокойно, даже с каким-то удовлетворением: ведь теперь он просто не имеет права не выпить.

— Что ж, первым делом надо помянуть, а уж потом разговоры говорить, — вздохнул пасынок и вытащил из холодильника непечатую бутылку водки.

Бурцев насмешливо наблюдал, как «бизнесмен» дрожащей рукой налил в захватанный стакан изрядную порцию мерзкой водяры, с утробными звуками высосал пойло и, наконец, был готов отвечать на вопросы.

Да, у него действительно нет стопроцентного алиби на момент убийства Владимира Филипповича: весь вечер он провалялся на диване, и свидетелей этому валянью не было.

Да, ему действительно не понравилось решение отчима завещать квартиру и коллекцию редких монет Министерству культуры, тем более что дела у рекламного агентства, которым владел Василий Владимирович, шли хуже некуда, и наследство отчима было для Шестакова-младшего последней надеждой в этой жизни.

— Видите ли, — невнятно говорил рекламщик, жуя соленый огурец, — золотые деньки для такого рода бизнеса остались позади. После Беслана политический пиар вообще сдох, а за рынок коммерческой рекламы началась такая битва гигантов, что мне с моим чахлым агентством делать стало просто нечего. Пришлось приказать своим сотрудникам... ик! — долго жить... А тут еще отчим подсуропил со своим Минкультом!

— На вашем месте, Василий Владимирович, я бы постарался выглядеть преуспевающим бизнесменом, — перебивая его, задумчиво изрек подполковник. — А то как бы мы не подумали, что это вы прикончили своего отчима.

— Че-во-о? — изумленно протянул Шестаков. — А мне-то зачем? Какая корысть?

— А такая, что покойный Владимир Филиппович так и не успел составить завещание в пользу Министерства культуры, так что теперь вы — законный наследник. Там одних только монет на миллион долларов с гаком, поздравляю. Плюс квартира — на пол-лимона потянет, а то и больше...

Казалось, Шестакова-младшего вот-вот хватит удар — его лысина покрылась сиреневыми пятнами. Так бы оно, наверное, и случилось, не успеи он до этого принять на грудь полстакана водки.

— Лихо! — наконец выдавил из себя новоиспеченный миллионер. — Как хотите, а за это надо выпить...

Глаза наследника лихорадочно полыхали счастьем. И трудно было винить за это опустившегося неудачника.

— Макс, — вполголоса спросил Алексей, когда они вышли из подъезда, — у тебя есть престарелые родственники-толстосумы?

— Нет, таковых не наблюдается, — вздохнул Бурав.

— У меня тоже.

— Знаю. А вот у мальчика Васи нашелся...

Возле подъезда, в котором располагалась квартира Дмитрия Минаева, темнел полицейский «уазик», до Бурава и Комара донесся прерывистый хрип рации.

— Что тут случилось, приятель? — спросил Бурцев у водителя-сержанта, показав свое служебное удостоверение.

— Убийство, — зевнул тот. — Заказное.

Дверь в квартиру бывшего внешторговца была приоткрыта. Дмитрий Юрьевич Минаев, поджарый мужчина в дорогом спортивном костюме, лежал на полу в модно обставленной гостиной, уткнувшись лицом в ковер. Откуда-то из соседней комнаты слышался непрерывный собачий вой.

— Серега! — обрадовался Бурав, узрев судмедэксперта Груздина, который с хрустом стягивал с ладоней резиновые перчатки. — Что, со стариком Шестаковым уже управился?

— А чего там возиться, — ответил Сергей Сергеевич. — Все ясно... Три пулевых ранения из «парабеллума», каждое — смертельно. А здесь — две дырки, одна в животе, другая — в голове. Вот, держи гильзы. Мне, видишь ли, пришлось тут по совместительству роль криминалиста выполнять.

— С чего это вдруг?

— Да с того, что, как на грех, ни одного свободного спеца не оказалось, все на выезде... Такой вот вечерок, Макс. — И Груздин протянул Бурцеву полиэтиленовый пакетик с двумя гильзами.

Бурав посмотрел на маленькие латунные цилиндры и спокойно констатировал:

— Опять «парабеллум». Впрочем, не обязательно. Такие гильзы, если не ошибаюсь, достаточно унифицированы, и при желании патронами от «парабеллума» можно зарядить и некоторые другие pistols.

— Нет, Макс, не опять! — неожиданно возразил Груздин.

— Что значит, «не опять»?

— Не опять «парабеллум», вот что!

— С каких это пор, Серега, ты стал экспертом по оружию? — вскинул кустистые брови Бурав.

— Да ну тебя! — отмахнулся доктор. — Когда я сказал «не опять», я имел в виду время убийства. Последовательность смертей Шестакова и Минаева. Шестакова расстреляли около восьми вечера, а Минаева — за час до этого. Ущучил? Поэтому твое «опять» прозвучало некорректно.

— Понятно, — кивнул Бурцев. — Сначала убийца покончил с Дмитрием Минаевым, а уже потом отправился в сквер на Бронную, подкарауливать старика Шестакова. Значит...

Подполковник не успел договорить, так как из кухни в сопровождении полицейского старшины возник элегантно одетый мужчина средних лет.

— Пискунов Николай Викторович, — представился вошедший. — Это я обнаружил труп Дмитрия.

Глава десятая

Квартиру покойного Владимира Шестакова старик Беспалов покинул со смешанными чувствами. С одной стороны, Иван Ильич до слабости в животе радовался тому обстоятельству, что это не он лежит сейчас на железном столе в Лефортовском морге, не его методично вскрывает поднаторевший прозектор. И он, Беспалов, как и вчера, и неделю назад, может, придя домой, заварить свой излюбленный чай с брусничным листом, соорудить чудовищных размеров бутерброд со шпротным паштетом... Хорошо, конечно, что жизнь продолжается, не оборвалась на восьмом десятке, как

у Шестакова. Правда, Владимир Филиппович был чуть постарше, недавно ему пошел семьдесят пятый, а Беспалову только предстоит отметить семьдесят третью годовщину. Там, глядишь, еще одну, и еще... Недавно участковый врач заверил Ивана Ильича, что для своего возраста преподаватель древнерусской литературы обладает просто отменным здоровьем.

А вот у друга его, напарника по вечерним прогулкам, самочувствие в последнее время резко ухудшилось. Шестаков то и дело говорил о смерти, был к ней готов. И Беспалов не слишком-то скорбел из-за того, что Владимиру Филипповичу пришлось покинуть сей мир, хотя, конечно, он здорово переживал и трусил во время допроса в квартире убитого. А чего переживать-то, в конце концов? Шестаков пожил достаточно, надо и меру знать. Всем бы так...

Беспалов не заметил, как принялся жестикулировать на ходу, гримасничая и кряхтя. Десять золотых монет — правда, монет исключительно дорогих — вот и все, что он получит после убийства Шестакова! Да и то, может статься, придется мученически доказывать свои права на более чем скромное наследство.

А ведь это именно он исподволь убеждал Владимира Филипповича подождать с завещанием в пользу Минкульта, а в итоге огромное наследство бывшего гохрановца достанется этому пропойце Ваське... Можно подумать, Беспалов старался не для себя, а для него, пасынка!

Иван Ильич так разволновался, что не чуял под собой ног. Не замечал он и присутствия за его спиной двух рослых мужчин, которые от самого подъезда Шестакова неотступно следовали за престарелым преподавателем древнерусской литературы.

— Остановитесь! — услышал Иван Ильич властный окрик, когда поравнялся с темнеющей аркой.

Беспалов оглянулся, еще не понимая до конца, что этот голос обращен к нему.

— Я? — ткнул он себя пальцем в грудь.

— Вы, вы! — Один из преследователей выставил перед Беспаловым раскрытое удостоверение: — Полиция, лейтенант Савичев.

— Очень приятно, — с глупым видом пробормотал Иван Ильич. — Чем могу...

— Гражданин Беспалов, если не ошибаюсь? Вам придется проследовать с нами, — проговорил лейтенант и хватко вцепился в локоть старика.

— Постойте, это какая-то ошибка! — запротестовал Беспалов. — Ваш главный, подполковник... ммм... Бурцев, отпустил меня, разрешил идти домой!

— Следуйте с нами, — грозно повторил лейтенант, а второй все озирался по сторонам...

«Господи! Это никакая не полиция! Это бандиты!» — ледяным вихрем пронеслось в голове Ивана Ильича.

Неожиданно для самого себя он резко вырвался из захвата и, что есть мочи, рванул в черноту арки. Но Валерий Савичев в три прыжка настиг его, на ходу вытаскивая широкий охотничий нож. Беспалов обернулся и замер, будто парализованный, увидев сверкнувшее лезвие.

Савичев с размаха ударил по контуру мешковатой фигуры, и вдруг с суевренным трепетом почувствовал, что нож пронзил пустоту. Он снова сделал выпад, и опять острое ножа не встретило столь знакомого сопротивления живой плоти...

Иван Ильич покупал этот плащ лет тридцать назад, когда еще был плечистым, квадратным увальнем, а теперь его ссохшееся тельце весило не больше сорока пяти килограммов. Лишь плечи по-прежнему оставались широкими, и потому плащ висел на них, как на вешалке.

Поняв, что он все еще жив, Беспалов ринулся мимо опешившего Валерия назад, к слабо освещенной улице. Он бежал в каком-то сомнамбулическом состоянии, совершенно позабыв о втором киллере... Фигура Бориса Савичева четко выделялась в проеме арки и перекрывала путь к огням Малой Бронной. Путь к жизни.

Валерий сзади схватил старика за воротник, резко рванул на себя, отведя руку с ножом для третьего, последнего удара. Еще миг — и Иван Ильич, пронзенный острой болью, начал стремительно валиться в набегающую черную пустоту. Мир перестал существовать, и Беспалов уже не услышал щелчок выстрела из пистолета, зажатого в руке Бориса...

Глава одиннадцатая

Максим Бурцев исподлобья взирал на Николая Пискунова — угловатого мужчину средних лет с резкими, медальными чертами лица.

— Это я нашел Дмитрия и вызвал полицию, — вновь повторил Пискунов и тяжким взглядом посмотрел на распростертую фигуру Минаева.

— Похоже, вы с потерпевшим были в приятельских отношениях? — спросил подполковник.

— Больше, чем просто в приятельских, — с каким-то укором ответил Николай Викторович. И, заметив чуть удивленную, двусмысленную усмешку доктора Груздина, поспешно уточнил: — Мы уже много лет как соседи по лестничной клетке, а это, знаете ли... Хотя, конечно, в наше время проживание бок о бок не часто сближает людей. Но мы с Дмитрием всегда обращались друг к другу в трудную минуту.

— Например?.. — прищурился Бурцев.

— Примеров много, — пожал плечами Николай Викторович. — Я ведь адвокат, и, смею заметить, адвокат весьма и весьма неплохой. Поэтому Дмитрий нередко обращался ко мне за консультацией, а то и просто за советом... Знаете, ни одна профессия так не обогащает жизненный опыт, как ремесло юриста. Когда ведешь дело, то впечатление такое, будто на своей шкуре испытываешь все перипетии судьбы своего клиента.

Бурцев нетерпеливым жестом остановил вязкий поток красноречия Пискунова:

— Давайте не будем о прочих ваших адвокатских делах, поговорим о конкретной печальной ситуации...

Знал бы подполковник, что именно разговор о других делах, которые вел адвокат, мог бы молниеносно вывести следствие на убийцу Владимира Шестакова! И не только одного Шестакова, между прочим...

— Извольте, — кивнул Пискунов. — Что касается Дмитрия, то он уже лет десять, а то и больше, как уволился из Внешторга. Сами понимаете, новая власть набирает новую команду...

— Чем же он занимался в последние годы?

— Минаев изредка выступал частным консультантом или посредником при заключении крупных международных контрактов. Этого ему хватало не только на хлеб с маслом, но и на икру. Черную, — усмехнулся Пискунов, всем своим видом демонстрируя сострадание к явно небогатому подполковнику.

— Ясненько, — резюмировал Бурцев. — Что ж, давайте поговорим о дне минувшем, Николай Викторович.

— Сегодня, — начал адвокат, — я весь день пробыл на даче, ждал шабашника с мини-трактором, чтобы газон к лету подравнять. А этот хореk, похоже, запил... А ближе к вечеру мне на мобильный позвонил Минаев и попросил срочно приехать: ему понадобилась важная консультация, возможно, даже мои услуги как адвоката. Я не мог отказать, к тому же было ясно, что мужик с мини-трактором уже не появится. Примерно в половине седьмого я был у Дмитрия — моя дача совсем близко, по Калужке.

— О чем же вы говорили с убитым?

— Проблема Дмитрия, господа, касалась наследования квартиры, принадлежащей в данный момент его дальнему родственнику, некоему Владимиру Шестакову...

При этих словах лицо Бурава окаменело, а Комар в возбуждении аж подскочил на стуле:

— Что вы говорите?! Убитые Минаев и Шестаков были родственниками? Фантастика!..

Теперь для Пискунова настала очередь испытать потрясение: он изумленно переводил взгляд с одного оперативника на другого, и Бурав с гримасой досады вынужден был пояснить:

— Н-да, тут такое дело... Старик Шестаков убит спустя час после вашего друга Минаева.

— Какой ужас! — вырвалось у Пискунова. — Похоже, соблюдать адвокатскую тайну уже не имеет никакого смысла. Минаев и Шестаков в близком родстве не были, Дмитрий приходился старику троюродным племянником. Но, тем не менее, он хотел получить какую-то долю наследства Шестакова, ведь сородичами тот не был особо обременен. По словам Дмитрия, у старика был только пасынок, и он, Минаев, надеялся отсудить хотя бы четвертую часть наследства Шестакова. Или, в крайнем случае, восьмую.

— А что за срочность такая? — поинтересовался Бурцев. — Почему вопрос о наследстве вдруг стал актуален для Минаева?

— Дело в том, что, по словам Дмитрия, его троюродный дядя в последнее время часто болел, в общем, был совсем плох. Я объяснил Минаеву, что, согласно современному законодательству, приоритетное значение в вопросах наследования имеет завещание, завещатель даже прямых наследников может оставить ни с чем, оставив все имущество какому-нибудь постороннему человеку или организации. Вот я и посоветовал Минаеву дожидаться смерти своего престарелого родственника и уже потом обращаться ко мне за юридической помощью. Сказал, что готов представлять его интересы в судебных инстанциях. Где-то без десяти семь мы распрощались, и я поехал на рынок в Теплом Стане, хотел купить продукты для дачи. На этом рынке, знаете ли, почти всегда свежие продукты... Но, к сожалению, до рынка я не доехал. Где-то на Профсоюзке вспомнил, что забыл захватить из дома зарядное устройство для мобильного телефона... Пришлось возвращаться. У меня такая профессия, что и дня нельзя прожить без связи с внешним миром. Так вот, я чуть ли не полчаса простоял в пробке... А когда приехал домой и поднялся на свой этаж, увидел, что дверь в квартиру Минаева приоткрыта. Это показалось мне странным. Заглянул, позвал Дмитрия, но... — Юрист красноречиво развел руками и вздохнул: — Так что пришлось вызвать полицию с телефона Дмитрия и дожидаться их. Это все.

— Гм... Что ж, уважаемый мэтр, вы пока свободны, — кивнул Бурав. — Надеюсь, мне не надо объяснять, что вам желательно в ближайшее время быть в пределах досягаемости для оперативно-следственной бригады?

— Не надо, — пробрюзжал адвокат, поднимаясь со стула. — Однако, если вы не против, я прямо сейчас все-таки отправлюсь на дачу. У меня там собака одна-одинешенька осталась. Вот номер моего мобильного, — и он протянул Бурцеву глянцевую карточку.

— Кстати, Николай Викторович, — небрежно произнес подполковник, — мне в общих чертах понятно, чем вы были полезны покойному Минаеву. А в чем заключались его ответные любезности? Вы же сказали, что взаимно оказывали друг другу услуги.

— Ну... Однажды я купил ноутбук, и Дмитрий помог мне в нем разобраться, наладил нужные программы... — ответил адвокат и быстро направился к двери.

Бурцев тяжелым взглядом смотрел вслед уходившему Пискунову. Он вообще не любил адвокатов и не понимал, как можно всю жизнь сознательно выгораживать и обелять заведомых убийц и насильников, казнокрадов и аферистов. А Пискунов был к тому же неприятен Бураву как личность, хотя их пути до сегодняшнего дня еще ни разу не пересекались. Отвратителен показной рачительностью, надменными манерами. И даже своей писклявой фамилией.

— Подумать только, мужики, — покачал головой подполковник, когда за адвокатом закрылась входная дверь. — У всех собаки! У Шестакова, Беспалова, Минаева, Пискунова... Прямо клуб собаководов какой-то!

Затем, переходя к «раздаче слонов», повернулся к Алексею:

— Комар, ты должен сделать вот что. Выясни, где названные люди купали щенков — не в одном ли собачьем клубе? Второе. Уточни у наших коллег из ГИБДД, была ли пробка на подъезде к метро «Октябрьская» со стороны области между семью и восемью вечера. Хотя там в это время постоянные пробки... Третье. Узнай в офисе МТС, действительно ли имел место разговор между Минаевым и Пискуновым в послеобеденное время. Все.

— Это надо... прямо сейчас? — жалобно посмотрел на него Алексей.

— Нет, Леша, с утра, а теперь — по домам, спать...

Глава двенадцатая

Максим Бурцев приехал на Петровку, 38 с восходом солнца. Еще долго до оперативки, которая начиналась в одиннадцать, он зашел к начальнику отдела убийств и буквально потребовал от Хвата установить наблюдение за Василием Шестаковым, Николаем Пискуновым и Иваном Беспаловым.

— Вы хоть можете как-то обосновать свои подозрения в адрес этих людей, Максим Юрьевич? — насупился тот.

— Ну, как сказать... «Мальчик Вася», главный наследник своего отчима, мог лишь притворяться, что не ведал об отсутствии завещания Шестакова в пользу Минкульта. Возможно, Василий понимал, что отчим вот-вот пойдет к нотариусу, и, если он, пасынок, рассчитывает завладеть квартирой на Бронной со всем ее содержимым, ему надо поторопиться.

— Но у Василия Шестакова алиби на момент убийства отчима, — пожал плечами Кротов.

— И какое же, позвольте спросить? — хмыкнул Бурав. — Запой? Нет, Геннадий Иванович, никакое это не алиби.

— Ладно, тут я с вами, пожалуй, согласен, — нехотя признал Хват. — Валяйте дальше.

— Что касается «божьего одуванчика» Беспалова, то, во-первых он со смертью Шестакова рассчитывал получить ценные нумизматические раритеты. Во-вторых, Беспалов здорово смахивает по описанию на убийцу, которого видели в сквере парень и девушка. Рост, одежда... Кстати, профессиональный киллер обязательно убрал бы ненужных свидетелей, однако убийца Шестакова лишь погрозил пальцем юной парочке. Улавливаете? Это ведь характерный жест преподавателя в адрес нерадивых студентов. А Беспалов как раз читает лекции в университете...

— А этот юрист, Пискунов? — постепенно смягчился полковник Кротов.

— Ну, он является подозреваемым по определению. Ведь именно Пискунов был тем человеком, который обнаружил труп Минаева и вызвал полицию. К тому же... он не всегда был адвокатом, Геннадий Иванович. Хотите знать, где он служил при советской власти?

— В КГБ, — брякнул Кротов наугад.

— Верно, — кивнул Максим. — Между прочим, в звании майора. В начале 1992 года его уволили в связи с неполным служебным соответствием. Тогда же, заметьте, на пенсию «ушли» Шестакова, а Минаев примерно в то же время был вынужден покинуть «хлебное» место в Министерстве внешней торговли — он занимал там пост заместителя начальника отдела.

— Вы считаете, что эти увольнения фигурантов как-то связаны между собой? — заинтересовался Кротов.

— А что тут считать, — философски изрек Бурцев. — Неполное служебное соответствие майора КГБ Пискунова заключалось в том, что он якобы допустил небрежность при расследовании обстоятельств одного очень любопытного дела. А именно: дела о пропаже из подвалов Гохрана некоторых церковных ценностей. Это крупное хищение произошло аккуратно во время августовских событий 1999 года. Сокровища так и не нашли, дело закрыли... Похоже, далеко не всех устраивал такой итог расследования, и Пискунова отправили в отставку без выходного пособия. А теперь сопоставьте: золото, Гохран, Внешторг, КГБ... Неплохая связка, а?

Бурав решил пока не говорить Кротову о фотографиях с печатью Гохрана, обнаруженных в квартире Шестакова. Он и без того выложил перед Хватом почти все свои карты.

— А вам не кажется, Максим Юрьевич, что вы ввязываетесь куда-то не туда? — вкрадчиво спросил Кротов.

— Конечно, кажется, Геннадий Иванович, — обреченно вздохнул Бурцев и поднялся со стула. — Но ведь это нам не впервой, верно?..

Вернувшись к себе в кабинет, Бурав застал там Алексея.

— Докладываю, — крикнул Комар. — Мною только что проведены розыскные мероприятия, согласно вашим указаниям... Короче, Макс, порадовать нечем.

— Что ж так?

— Да вот так. В период убийства Шестакова и Минаева, с семи до восьми вечера, на подъезде к Калужской площади со стороны области движение было действительно затруднено. Больше ничего в ГИБДД сказать не смогли. Короче, Пискунов действительно мог застрять в пробке... Идем дальше. В центральном офисе МТС на мой запрос подтвердили, что вчера около пяти вечера с домашнего телефона Минаева был-таки сделан звонок на мобильник Пискунова. Пискунов в тот момент действительно находился на даче — они и это, ты знаешь, определяют. Примерно пятнадцатый километр Калужского шоссе... Разговор длился восемнадцать минут. Содержание, разумеется, неизвестно... — Алексей тяжело вздохнул и продолжил: — А теперь о неприятном, Макс...

— Что еще? — недовольно буркнул Бурав.

— Ты уж не сердись, но мне пока не удалось выяснить, где покупали собак Беспалов, старик Шестаков, Минаев и Пискунов. Это же целое расследование проводить надо, тут быстро не справишься...

— Ты это о чем? Какие, к лешему, собаки? Ты что дурака валяешь?

— Так не надо копаться в родословных этих кобелей? Прослеживать их путь к последним хозяевам? — озадаченно спросил Каморин.

Подполковник только отмахнулся.

— Ясненько... — поскреб щеку Алексей. — Между прочим, Макс, из всех нам известных действующих лиц собаки не было только у одного человека — пасынка Шестакова, Василия. И заметь, именно ему смерть отчима принесла наибольшую выгоду.

. — Не надо пытаться найти черную кошку в темной комнате, это бесполезное занятие! — одернул его Бурав. — Особенно если кошки там нет вообще.

Алексей совсем растерялся. У этого Бурава на уме то собаки, то кошки... Гениев не понять!

Обедать в столовую ГУВД Максим отправился в одиночестве: Алексей твердо отказался от очередного предложения Бурава подкрепиться за его счет и для наглядности выложил на стол пластиковые корытца со всякой снедью.

— Иришка постаралась. Может, и ты отведаешь?.. Тут не то, что на двоих, на троих хватит. Вот, смотри: баклажанчики жареные, грибочки маринованные...

— Да, с такой поварихой, как твоя Иришка, не пропадешь, — хмыкнул Бурав. — Но я все же схожу в столовую...

Когда он вернулся после «трапезы», то сразу наткнулся на растерянный взгляд своего напарника.

— Макс, — запинаясь, заговорил Каморин, — пока ты обедал, топтуны звонили с докладом... Ну, те самые, кого Кротов послал следить за пасынком Шестакова, стариком Беспаловым и Пискуновым.

— И что?

— Пискунов на даче. А вот Василий Шестаков и Иван Ильич Беспалов... Они пропали, Макс! И никто не знает, куда они подевались — ни соседи, ни знакомые, ни сослуживцы Беспалова, ни бывшая жена Василия Шестакова. Они оба как будто растворились в воздухе!

— Такого не может быть, — отрезал Бурцев, а сам подумал, что в этой жизни может быть абсолютно все.

Глава тринадцатая

Василий Шестаков очнулся — правда, только наполовину. Он уже не бредил, но мозг все еще был застелен ватной пеленой. Тело скручивала судорога, сменявшаяся противной слабостью. Шестаков пребывал в том мерзостном состоянии, которое часто граничит с умопомешательством. Ему казалось, что, если он разлепит налитые кровью глаза, сердце тут же остановится, не выдержав такого невероятного усилия...

Вася застонал, пытаясь перекатиться на бок, но неведомая сила припечатала его к постели. Он тут же покрылся липким потом, с холодной тоской осознав, что находится вовсе не у себя дома. Одновременно со зрением включились другие органы чувств: в нос ударил тошнотворный запах невымытой человеческой плоти, затхлого белья, сопревшего линолеума и застарелой мочи. Отекшие руки и ноги пронзила непереносимая боль...

— Кажется, очухался, — услышал он где-то рядом равнодушный старческий голос. — Теперь, глядишь, выкарабкается.

— Это если ему сульфур с аминазином не вколуют, — вмешался чей-то глумливый тенорок.

Перед саднящими зрачками Шестакова расплывалась комната с коричневыми разводами на стенах, покрытых известкой; помещение было сплошь заставлено железными кроватями, практически без проходов. Окон в камере не наблюдалось, и день проникал сюда через дверной проем, ведущий в освещенный коридор. Самой двери, однако, предусмотрено не было...

Несколько доходяг в полосатых байковых пижамах сидели то там, то сям — прямо на клеенчатых покрывалах постелей. Парень с изможденным

лицом, терся между кроватями и что-то бормотал скороговоркой, шевеля растопыренными пальцами.

Вася дернулся, пытаюсь отодвинуться подальше от него, но руки и ноги оказались скованы — и вовсе не похмельным параличом, а вполне реальными путами. Шестаков скосил глаза: его конечности были намертво прикручены матерчатым жгутом к железной раме кровати.

— Ты на вязках, братишка, — успокоил Васю желтолицый старик, тот самый, что возвестил о возвращении Шестакова к жизни. — Ночью два раза тебя перевязывали, сильный ты, как бычара бешеный. Хоть помнишь чего? Ночью в горячке был, кричал, что ты миллионер, что отчима своего на тот свет отправил...

Помнил ли он что-нибудь?.. Василий снова закрыл глаза, мысленно унимая дрожащее сердце.

В ночном магазине им с соседом Петровичем выдали за видеодвойку Шестакова ящик паленой водки, блок сигарет «Пегас» и пакет закуски — пельменей, колбасы, хлеба.

Они пили и плясали на кухне новоиспеченного наследника огромного состояния отчима, пели песни, время от времени валясь куда попало и засыпая коротким сном, похожим на смерть. И снова пили стаканами, позабыв и про пельмени, и про колбасу с хлебом. Потом, кажется, Вася избил соседа и выгнал его за порог, всучив литр водяры. А сам? Сам рухнул на пол без сознания. Сколько он так пролежал? Бог знает...

Пришел в себя оттого, что буквально физически ощутил, как вся тоска этого мира, всех поколений человечества, разом навалилась на него, и не прогнать ее было, не утолить. Вася раз за разом повторял про себя, что теперь он сказочно богат, что обязательно поедет лечить свой истерзанный организм в лучшую зарубежную клинику, но нет — не бодрили его эти мысли, не веселили ноющего сердца.

«Ты умрешь от инсульта, если не опохмелишься, — твердил кто-то черный, острой щепкой засевший в мозгу Шестакова. — Сосудам ничего не известно о том, что ты миллионер, им наплевать на твой кошелек. Они просто лопнут сейчас, и все. Иди на кухню, там еще полно водки. Спасайся срочно!»

Вася пошел на кухню, принял все имеющиеся лекарства от давления, заварил зеленый чай, вскипятил отвар из травяного сбора. Он по опыту знал, что выйти из запоя можно только «на сухую» — без единой рюмки. Конечно, это все равно, что играть в русскую рулетку, но другого способа выжить не было. А в медицину Вася никогда не верил.

А потом пришла ОНА, «белка» — так именовали белую горячку собутельники. Васю окружили голоса: разновозрастные, разнополые. тарых-

тевший время от времени холодильник... Он заткнул уши ватой, и голоса отступили. Но ненадолго. Самое страшное было впереди.

«Ты герой, Василий!» — торжественно провозглашал бас. И тут же страдающий голос юной женщины умолял: «Не мучьте Васю! Я люблю его!» Вася судорожно крестился, а невидимая женщина плакала навзрыд... Потом в сознание прорвался голос покойной матери: «Вася! Вася! Ты очень хороший, сынок! Не забывай меня, Вася!» — «Мама, кто убил отчима? Скажи, ты же должна т а м все знать!» — «Ты, Вася, — печально ответила мать. — Ты убил. Ты ничего не помнишь, Вася. Они постарались, отняли у тебя память. Это называется частичная амнезия, Вася. Они все могут». — «Как я его убил?» — допытывался Шестаков. И тут резко вмешался бас: «Все, хватит! Разговор окончен!»

Голос матери стал удаляться, словно ее насильно куда-то уводили, и Василий разобрал лишь ее прощальный крик: «Вася! Ты застрелил его из «парабеллума»!

Шестаков плыл по течению. Он разговаривал с бывшей женой, с друзьями детства, с одноклассницей, в которую когда-то был влюблен. Голоса все не унимались, наоборот, теперь их сонмище разделилось на два враждующих лагеря. Одни жаждали убить Шестакова, другие спасали его. «Уходи из квартиры», — был приказ «друзей».

Шестаков трижды брал из кармана пиджака паспорт и ключи, и всякий раз убеждался, что сжимает в руке пустоту, хотя он отчетливо видел красную книжку и связку металла. Наконец осязание дало утвердительный ответ: да, в его ладони действительно ключи и паспорт.

Вася вышел на улицу, мельком глянул в сторону пляшущих на крыше соседнего дома человечков, и пошел вдоль магистрали. Кирпичная труба котельной поклонилась ему с рокочущим стоном: «Ва-ся-а...»

Рядом с ним затормозил автобус, передняя дверь открылась, и Вася вскочил на подножку. Кроме водителя, в автобусе никого не было. «Он знает, куда ехать», — произнес голос в голове.

Потом в безумном гоне Вася пересаживался с одного автобуса в другой, подчиняясь указаниям дружественных голосов. Ему приказали идти на железнодорожную платформу, Вася поднялся по изломанным ступенькам, вошел в плавно причаливший к платформе зеленый вагон электрички и сел на лавку. Люди стали коситься на него и пересаживаться подальше...

Что было дальше, Вася не помнил. Через какое-то время на станционную площадь ворвалась белая «газель», и Шестакова погрузили в ее утробу...

Глава четырнадцатая

— Где я? — спросил Вася, снова открывая глаза.

— В психушке, — отозвался старик.

«Да, это психушка, — мысленно согласился Шестаков. — У меня была белая горячка, вот что. А голоса и все прочее — это глюки. Слава Богу!»

Ненадолго Вася почувствовал душевное облегчение. Сейчас он определенно считал голоса ни чем иным, как банальной «белкой», удивляясь своей недавней уверенности, что наяву вступил в контакт с нечистой силой. Бред... И никакого отчима он не убивал, разумеется. Все это чушь собачья!

«Парабеллум» надежно спрятан. Как-то год назад Вася, тяжело страдая с похмелья, вертел пистолет в руках. Ночью от него ушла Наташа — навсегда. И вдруг Шестаков-младший спокойно осознал, что сейчас пустит себе пулю в висок. Он собрал в горстку утекающие силы, встал на табуретку и зашвырнул «парабеллум» в самую глубь антресоли...

А все-таки ладная рукоятка у этого пистолетика, так сама и просится в ладонь. Рука Шестакова просто физически «помнила» ласковое прикосновение гладкой стали, словно он держал «парабеллум» в руках совсем недавно...

Итак, решено — убийца не он. А вот то, что Вася — наследник большущего состояния, так это — истинная правда. И потому здесь ему не место. Сегодня же — на волю!

— Сейчас я тебе чифирку подварю, — сказал старик, который, очевидно, был главпсихом в их палате. — Звать-то тебя как?

— Вася.

— А по бабушке?

— Василий Владимирович. Шестаков.

— Помнишь, значит... А меня — Смирнов Евгений Михайлович. Второй год здесь. Отсюда каждый день трупы выносят, а я вот все живу и буду жить! Местная достопримечательность, можно сказать.

— А выйти отсюда можно? — спросил Шестаков, чувствуя, как от слов Смирнова холодеет его лоб.

— Это уж как повезет, браток...

— Что же это за место? Город какой?

— Латницы, Раменский район. Слышал?

— Слышал... А в Москву позвонить как?

Старик не ответил, он наклонился и выдернул из бурлящей банки самодельный кипятильник, достал из-под подушки мятую пачку чая со слонем, высыпал в банку, накрыл ветхой картонкой и повторил:

— Ща-ас чифирку тяпнешь и оживешь.

— Меня кололи? — тихо спросил Шестаков.

— Еще как! По полной программе. Скажи спасибо, что выжил. А то, понимаешь, заладил: как отсюда выйти, как позвонить...

— А еще колоть будут?

— Естес-сно... А плохо станешь себя вести, врежут двойной сульфазин по заднице.

— Батюшки, никак очухался! — входя в палату, всплеснула руками полная, румяная медсестра. — Плохо тебе? — заговорщицки подмигнула она Васе. — Ничего, потерпи. Ближе к вечеру я тебе спиртику принесу.

— Принесешь ты, как же! — хмыкнул Смирнов, помешивая в банке огрызком карандаша.

— А ты опять за чифир принялся? — беззлобно накинулась на старика медсестра. — Когда ты только подохнешь, эпилептик чертов!

Вася интуитивно почувствовал в медсестре возможную союзницу.

— Скажите, бабуся... — промямлил он. — Когда меня развяжут?

— Какая я тебе бабуся, если я еще о-го-го! — усмехнулась толстуха. — Развяжут, милоч. Вот я сейчас пойду да похлопочу.

— Спасибо...

Медсестра вышла. Смирнов вставил в рот Василию бурую от чифира пластиковую соломинку, и тот принялся втягивать в себя обжигающую терпкую жижу.

— Хватит, — решил старик и, отнимая у него соломинку, добавил не к месту: — А живыми отсюда не выходят. Иногда только выпустят одного-другого, чтоб приличие соблюсти. Да и то, если человек совсем юродивым стал.

— Это почему же такие порядки? — шепотом спросил Шестаков.

— Да потому, чтобы веры этим людям на воле не было. Пусть болтают про эту психушку, что хотят...

— Да что же тут за место такое? — взвыл Василий, вжимаясь в провонявший матрас.

— Проклятое место, парень. Здесь людей убивают, здоровых с ума сводят. Миссия такая... Ездит, скачет по окрестностям белая «газель», высматривает, где какой пьяница валяется. Хватить — и сюда. А тут уж ему положено спятить. Сразу не убивают, сначала препаратами мучают. Бывает, месяцами психотропы колют, нейролептики... Я за полтора года уже специалистом стал.

— Как же вы-то нормальным остались? — Вася с трудом верил в реальность происходящего разговора.

— Хе, мил человек! — осклабился Евгений Михайлович. — Я ж тебе сказал, тут нормальных психами делают, а я уже и без того шизофреником был. И вот, надо же, меня эти уколы вылечили! Это здоровых людей укольчики в гроб вгоняют да ума лишают... — хихикнул он.

— Евгений Михайлович, это что же, власти здешние так распорядились?

— Ишь куда загнул! Власти! Тут одна власть — царица Тамара!

— Кто?

— Тамара, главврач психушки... У нее муж был алкашом жутким, избивал ее по-всякому... Так она ему вместо водки метиловый спирт налила. Он и помер. А что тут докажешь? Обманули, мол, мужика, подсунули на рынке отраву... Но мужа она крепко любила. Вот и втемяшилось бабе в голову: коли я своего ненаглядного на тот свет отправила, почему же другие алкаши жить должны?

— Господи-и! — простонал Шестаков. — Да кто же вам рассказал все это?

— Как кто? — удивился Смирнов. — Тамара и рассказала.

— За что ж вам такое доверие?

— Так ведь я, мил человек, вечный. То есть на вечном поселении тут нахожусь. Потому мне и респект оказывают.

— И вы не пытались отсюда бежать?

— А зачем? — пожал плечами Смирнов. — Да и некуда бежать-то... А здесь я людям нужен, таким, как ты, например. Утешить могу, поддержать.

Вдруг он неожиданно наклонился и, резко рванув костлявыми пальцами рубаху на груди Василия, торжествующе воскликнул:

— А оберега-то на тебе нет! Нетути охранного талисмана-то! Сняли, стало быть, при поступлении... Оно и правильно, а то был тут один, так он крестик алюминиевый об стенку заточил да и перерезал себе сонную артерию...

Вася ничего не понимал — он никогда в жизни не носил ни талисманов, ни нательного креста.

— Евгений Михайлович, — заныл Шестаков. — Зачем вы меня пугаете? Хватит, мне и без того плохо. Скажите лучше, можете вы мне выбраться отсюда? Я же чувствую, сила за вами тут какая-то имеется...

— Имеется, — подтвердил Смирнов.

— Что же это за сила? Поделитесь со мной!

— Я лечу ее, — доверительно прошептал старик.

— Кого? — заледенел Вася.

— Ее. Главврача. Царицу Тамару.

Глава пятнадцатая

Максим Бурцев ехал по городу и медитировал. Он пытался отвлечься от невеселых перипетий своей службы и переключиться на тихую радость от предстоящей встречи с Алексеем, Ириной и маленькой Ксюшкой.

Поднявшись рано утром, он долго смотрел на свой мобильник, а потом, впервые за долгие годы, нажал-таки на красную кнопку. Теперь все, кто набирал номер Максима Бурцева — а таких наверняка было немало, — слышали неизменно противный голос: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

В конце концов, надо когда-то и отдыхать. Сейчас Бурав держал путь в Беляево. Он остановится возле подъезда, где совсем недавно жил-поживал в своей двухкомнатной квартире, посигналит, и они вчетвером поедут отдыхать в парк Тропарево, будут есть шашлык, пить пиво, а крестнице Максима Бурцева обязательно перепадет что-нибудь сладенькое...

В парке гремела музыка, звучащая из огромной раковины над эстрадой, было многолюдно. Всюду — цветные шары, дымные полосы над шашлычными и кебабными.

Они покатались на лодочке по Тропаревскому пруду, потом в кафе под парусиновым балдахином Бурцев заказал взрослым сразу по двойной порции шашлыков, заглотил четыре таблетки мезима и бесстрашно атаковал поджаристые, одуряюще пахучие кусочки противопоказанной ему свинины.

— Дать! — требовательно сказала годовалая Ксюша, протягивая ладошку к маминому бокалу с шипучкой. Именно так — «дать», а не «дай» — девочка постоянно выражала свою волю.

Ирина протянула Ксюше бокал с торчащей из него соломинкой и лукаво улыбнулась:

— Дядя Максим, вы обратили внимание, что ваша крестница попросила эту газировку не у папы, а у мамы? Хотя именно папа ее больше всех балует.

Бурав понимающе кивнул:

— Просто папа ни за что не позволил бы девочке пить это... бурое пойло, — понимающе кивнул Бурав.

— Угу, — буркнул Комар. — Умненькая девочка растет, сообразительная... Знает, у кого чего просить.

Ксюша напилась, смешно крякнула и наморщила свой лобик, обдумывая понравившееся ей слово.

— Дядя! — выдала она, указывая ручкой на Бурава.

— Ксюша, повтори! — взмолился растроганный подполковник.

— Дядя! — задорно выпалила девочка и тут же застеснялась, спрятала личико в слюнявчик...

— Вы не поверите, дядя Максим, — азартно заговорила Ирина. — Знаете, какое слово было у Ксюши самым первым в жизни? Думаете, «мама»? Ничего подобного. Не «мама», а «папа»!

Все засмеялись, а Бурав вдруг резко сменил семейную тему:

— Старик Беспалов объявился, — серьезно произнес он.

— В виде трупа? — деловито поинтересовался Каморин.

— Нет. В виде пациента реанимационного отделения Боткинской больницы.

— Ранен, что ли?

— Да нет, не ранен. Инфаркт... Я был у него сегодня утром, еле добился, чтобы меня пустили.

— А зачем, Макс? — с сомнением покачал головой Комар. — Инфаркт — это не по нашей части.

Бурцев хмыкнул.

— Все дело в том, как он его заработал, — хмыкнул Бурав. — Сердце Беспалова лопнуло от страха. Смертного страха, Леша.

Ксюша испуганно смотрела на подполковника. Заметив этот взгляд, Ирина поднялась со словами:

— Ой, мужики, мне кажется, она все понимает! Ну, то, что вы о чем-то нехорошем говорите. Пойду-ка я с ней прогуляюсь, а вы обсуждайте тут своих потерпевших... — И она покатила прогулочную коляску вдоль берега.

— Рассказывай, Макс, — изобразил энтузиазм Алексей.

— В общем, напали на него два бандита по дороге домой из квартиры покойного Шестакова, — вздохнул Бурцев. — Не могу себе простить, что не настоял тогда и не довез старика до дома... Да еще и ерничал в его адрес. Инфаркт приключился у Беспалова за миг до того, как ему должны были вонзить нож в спину. Между прочим, один из нападавших был лейтенантом полиции, другой — его родным братом.

— Откуда же это известно? Их задержали?

— Нет. Просто в карманах покойников были документы.

— Покойников? — захолопал глазами Комар.

— Ну да. Сейчас возбуждено дело, начато следствие... Я в МУР поехал из Боткинской, полистал предварительные материалы... А старик Беспалов сказал мне, что, когда он терял сознание, то последнее, что увидел, был какой-то обритый подросток в кожанке и с пистолетом

— Выходит, этот пацан и уложил обоих бандитов? — озадаченно потер подбородок Алексей.

— Выходит, так... Каждого — с одного выстрела. Старшего брата — в глаз, младшего — в горло. Догадываешься, из какого пистолета?

— Из «Вальтера», — глухо отозвался Комар. — Это Палач, Макс.

Бурцев ничего не ответил. Он решил не говорить напарнику, что настоятельно просил Беспалова никому больше не сообщать приметы подростка, виденного стариком то ли наяву, то ли в беспамятстве.

Глава шестнадцатая

Максим включил свой мобильный телефон, мельком отметив про себя, что чистота эксперимента нарушена: он так и не сумел продержаться хотя бы полдня без сотовой связи.

Заведующий отделением психиатрической больницы имени П.П.Кащенко по имени Артемий Кузьмич сегодня был на дежурстве. Он как-то неуверенно и с сомнением отвечал на расспросы подполковника о восемнадцатилетней пациентке Надежде Волоховой. «Хорошо еще, что он человек старой закваски, — подумал Бурав. — Молодой психиатр, скорее всего, сразу послал бы меня куда подальше. А этот, поди, еще НКВД помнит».

— Я сейчас к вам подъеду, Артемий Кузьмич, — строго объявил Бурцев. — И мы побеседуем с глазу на глаз... Да нет, без протокола... Ну, где-то часа через полтора.

Сначала ему предстояло отвезти семейство Камориных домой. Свинством было бы кинуть их в этом парке, хотя, в сущности, добраться от Тропарева до Беляева они могли бы и самостоятельно. Но уж раз вызвался, будь любезен доставить обратно.

В больницу имени Кащенко подполковник приехал уже под вечер, в окнах многочисленных палат одновременно вспыхнул неоновый свет... Когда-то он гулял здесь под липами с Надей Волоховой, и девушка, поедая апельсины, называла его Петей. Петром Шиловым. Говорила, что он только сменил внешность, но ей это все равно, она любит его по-прежнему.

Капитана Шилова расстреляли на глазах Нади, и девушка тихо сошла с ума от этого зрелища. Хотя, конечно, она и прежде была не слишком-то здорова психически.

До убийства Шилова сотрудники отдела убийств чуть ли не ежевечерне встречали Надю у ворот ГУВД. Бледная длинноволосая девчушка с лихорадочным блеском в глазах робко спрашивала, скоро ли освободится капитан Шилов... Даже у бывалых оперативников сжималось сердце: они и завидовали сорокалетнему Шилову, что его так безоглядно любит юная красавица, и одновременно жалели девушку, видя ее болезненную, полную страданий любовь.

Вплоть до сегодняшнего утра Бурцев был уверен, что Палач, истребляющий нелюдей, — это Надя Волохова. Мстит ли она за своего Петю или просто продолжает его дело — не столь важно.

Но старик Беспалов твердил про какого-то бритого подростка-наркомана, и не похоже было, что Иван Ильич спятил со страху. Уверенность Бурцева в том, что он знает серийного убийцу, поколебалась. У Волоховой были роскошные длинные волосы... К тому же заведующий отделением только что заверил подполковника: пациентка по-прежнему содержится стационарно в Каценской больнице... А оттуда так просто не сбежишь.

Зачем же в таком случае Максим Бурцев упрямо гнал свою «тойоту» в сторону Тульской, на что рассчитывал? Этого Бурав и сам не смог бы объяснить.

— Проходите, присаживайтесь. — Артемий Кузьмич, благообразный старичок с чеховской бородкой и очках в ветхозаветной оправе, придвинул Бурцеву стул напротив себя. — Чем могу служить, товарищ полковник?

— Подполковник Бурцев Максим Юрьевич, — ворчливо напомнил Бурав. — Вы ведь знаете, что Московский уголовный розыск принимает участие в судьбе вашей пациентки, Надежды Волоховой. Она была... ммм... близкой подругой нашего погибшего товарища, капитана Петра Шилова.

— Да-да, — закивал врач. — И, пожалуйста, передайте мою благодарность вашему начальнику, Геннадию Ивановичу Кротову. Он столько сделал для этой девочки... Из своего кармана оплатил самые лучшие лекарства для Волоховой, их доставили прямо из Швеции, чтоб уж наверняка... Ну, вы же понимаете — в России всегда есть риск приобрести фальшивку.

— Понятно, — протянул Бурав. — А кто-нибудь навещает Волохову?

Заведующий отделением грустно потупился.

— Родители время от времени приезжают... Они давно в разводе, мать живет где-то в Ивановской области, а отец обосновался в Раменском районе. Навещали девочку два-три раза, поодиночке...

— Вы чего-то недоговариваете, Артемий Кузьмич, — мягко надавил на психиатра подполковник.

— А что тут скажешь? — развел тот руками. — Люди есть люди, их не переделаешь... В общем, и матери, и отцу Надя не нужна. Хотя при разводе они свою однокомнатную квартиру в центре Москвы отписали ей. Знаете, почему? Мать и отец так дрались друг с другом из-за этой несчастной квартиры, что, в конце концов, решили: ни тебе, ни мне. И отдали убогое жилище нелюбимой дочери.

— Бывает же такое, — пробормотал Бурцев, вспомнив сегодняшнюю лодочную прогулку с семейством Камориных.

Между тем доктор продолжал:

— Они ее стыдятся, брезгуют даже. Всячески скрывают от всех знакомых, какая беда случилась с дочерью. Проклинают и капитана Шилова, и ее... Я сказал отцу, чтоб он больше не приезжал, все равно не позволю ему видеться с Надей. А мать сама перестала ездить — с Нового года не была.

— Как она вообще? — осторожно спросил Бурав.

— В смысле — Надя Волохова? — сверкнул очками Артемий Кузьмич. — Сейчас намного лучше, шведские препараты все-таки помогают, хоть и принято считать, будто паранойя — болезнь неизлечимая, и современная медицина не имеет против нее средств. Есть, есть средства... Еще раз спасибо Геннадию Ивановичу. Правда, она почти ни с кем не общается, кроме, разве что, меня, — вздохнул доктор. — Она, знаете ли, впала в детство... В куклы играет, читает им книжки... У нас хорошая библиотека, а игрушки ей, опять же, Геннадий Иванович присылает. Около месяца назад Надя вдруг захотела обрить голову, чтобы походить на ее любимого пупса...

— И ее обрили?

— Ну да... Почему бы нет? Мы стараемся выполнять такие невинные желания пациентов.

У Бурцева словно что-то щелкнуло в голове, и он взволнованно спросил:

— Волохова покидала пределы лечебницы в последний месяц?

— Я вас не понимаю, подполковник! — удивленно воскликнул Артемий Кузьмич. — В связи с улучшением состояния Надежде Волоховой разрешено каждую неделю уходить домой, с одной — двумя ночевками. И доложу вам, что такая смена обстановки, с врачебной точки зрения, оказалась для нее очень полезной. Она резко пошла на поправку.

— По каким числам она отсутствовала в больнице? У вас есть записи?

— Есть, конечно...

Артемий Кузьмич достал из застекленного шкафа пухлую карту пациентки Надежды Волоховой, полистал и скучным голосом назвал даты «побывок» подруги капитана Шилова на свободе. Эти даты совпадали с теми числами, в которые Палач ликвидировал свои жертвы. Уже девять человек...

— А вы что, ничего не знали об этих отлучках Волоховой из лечебницы? — недоуменно спросил он.

— А почему я должен об этом что-то знать? — вспыхнул подполковник. — Вы мне не сообщали.

— Да ведь это не кто иной, как ваш начальник, полковник Кротов, хлопотал о такой поблажке для Волоховой, — пожал плечами Артемий Кузьмич. — Гарантировал, что она будет в безопасности. Я все взвесил и разрешил...

Час от часу не легче! Знал бы Хват, кого он выпускал на волю! А может, он как раз-таки знал?..

— Я должен с ней немедленно повидаться, — не терпящим возражений тоном заявил Бурав. — Ужин ведь уже закончился?

— Ужин-то закончился... — промямлил Артемий Кузьмич. — Только...

— Ну что еще? — почувял недоброе Максим.

— А то, что пациентка Надежда Волохова до завтрашнего дня отпущена на очередную побывку, — медленно проговорил заведующий отделением.

Глава семнадцатая

Артемий Кузьмич так и не задал вопроса, которого ждал подполковник: он даже не поинтересовался, что же такого натворила его пациентка, коль скоро по ее душу в больницу прибыл старший оперуполномоченный МУРа? Может статья, таким образом он проявил свою обычную сдержанность, тактичность... А может, просто не хотел слышать правду. Надя Волохова крепко запала в сердце старика-доктора, это было видно невооруженным глазом.

Бурцев ехал сквозь вечерние сумерки в сторону центра и переваривал в голове разговор с заведующим отделения. Оказывается, раз в неделю за подругой убитого капитана Шилова в психиатрическую больницу приезжала служебная «Волга» полковника Кротова, и водитель отвозил девушку домой. Ее квартирка располагалась в том же зачуханном подъезде обветшавшего дома за Новопетровским монастырем, что и осиротевшее жилище капитана Шилова.

Перед водителем Кротова Надя появлялась в парике, изготовленном из ее собственных роскошных черных волос. На следующий день или через день, ближе к вечеру, «Волга» начальника отдела убийств привозила Волохову назад, в больницу имени Кащенко.

Господи, да никакой преступник и мечтать не может о таких вольготных условиях! В голове не укладывается: серийный убийца разъезжает в машине полковника полиции, словно на такси...

Очевидно, у девушки имелся ключ от пустой квартиры Петра Шилова. И, отправляясь на очередной самосуд, она входила в квартиру, где когда-то ласкал ее любимый, снимала парик, облачалась в черную кожаную куртку капитана, брала «Вальтер» из тайника погибшего Истребителя. Ведь после убийства Шилова в его квартире тщательного обыска не проводилось: в самом деле, с какой стати переворачивать все вверх дном в доме потерпевшего? Это процессуальным законодательством не предусмотрено...

А на следующий день Надя возвращала пистолет в тайник и мирно дожидалась кротовской «Волги». Здорово! «А меня еще пытаются убедить, что она — умалишенная, в куклы играет, — ожесточенно думал Бурцев. — В покойников она играет, а ее сюсюканья с игрушками — блеф, маскировка! Чтобы, значит, и в больнице под надежной охраной оставаться, и смертоносные набеги на мафию совершать...»

Подполковник злился вовсе не на юную Волохову. Скорее — на Хвата, на доктора... И на себя, если уж говорить совсем честно. Он впервые за много лет вынужден был признать, что его просто-напросто одурачили, обвели вокруг пальца, обмишурили... Хоть он и догадывался, кто скрывается под кодовым прозвищем «Палач», но и представить себе не мог, что за спиной Волоховой маячит тень полковника Кротова.

А, кстати, как девушке, долгое время оторванной от внешнего мира, удавалось так быстро определить кандидатуры своих жертв? Неужели она убивала тех, кто под руку подвернется, кто по своему внешнему виду подходил под сложившийся в ее мозгу образ негодяя и душегуба?

Может, Кротов давал наводку? Нет, конечно. Тут все предельно ясно: у капитана Шилова имелось домашнее досье на тех, кого он намеревался истребить, и Волохова знала, где можно быстро найти приговоренных.

И еще... Максим был уверен, что девушка будет убивать до тех пор, пока не расквитается с непосредственными убийцами своего любимого. Она видела этих бандитов из укромного места в квартире капитана, куда спряталась во время расстрела Пети. И Надя твердо верила, что эти люди есть в его досье. Почему Волохова сразу же, в первый свой выход, не расправилась с этими парнями? Очевидно, среди материалов, найденных ею в квартире Пети, не было фотографий, и она решила просто идти по списку Шилова. Чтоб рано или поздно повстречать знакомые лица.

Проезжая мимо помпезного здания столичного ГУВД на Петровке, Максим невольно посмотрел туда, где располагались окна кабинета Геннадия Кротова. Неужели Хват был союзником Палача? По всем формальным признакам — да, был. Он выхлопотал у благодарного врача еженедельные отпуска для пациентки Волоховой, присылал за ней машину, чтоб прямехонько доставить Надю к тайнику с пистолетом и подробным списком жертв... А по ночам, во время приведения приговора в исполнение, начальник отдела убийств, возможно, даже обеспечивал страховку для серийного убийцы.

Бурцев тут же отбросил эти навязчивые мысли. Во-первых, Хват никогда лично не навещал девушку в лечебнице, и потому мог не подозревать о ее уловке с париком и лысиной. Во-вторых, Кротов ни в коем случае

не стал бы уговаривать Бурава взять в разработку дело Палача. Слишком большой риск... И, наконец, Максим хорошо изучил характер начальника отдела. Геннадий Иванович ни при каких обстоятельствах не подставил бы под бандитские пули женщину. Тем более — молоденькую, больную девушку. Скорее уж он сам отправился бы в поход за головами отморозков.

Бурцев свернул в переулок, попетлял немного и, наконец, зарулил в замусоренный дворик перед четырехэтажным старинным домом, где когда-то обитал капитан Шилов.

Он вошел в знакомый подъезд с ржавым козырьком, осмотрелся в пропахшем кислыми щами полумраке. Квартира Нади Волоховой была на первом этаже, слева.

Максим долго давил на кнопку звонка, слушал его монотонное дребезжание, уже понимая, что за дверью никого нет — чутье подсказывало. Тогда он поднялся по избитым ступенькам на второй этаж, остановился у обшитой дерматином двери в квартиру капитана Шилова и позвонил без всякой надежды. Но дверь тут же распахнулась. На пороге стоял бледный обритый подросток в кожаной куртке.

— Здравствуйте, Надя, — тихо сказал подполковник.

Он изо всех сил старался говорить ровным, доброжелательным голосом, чтобы ненароком не испугать, не спровоцировать Палача. Потому что в тонкой руке подростка был зажат пистолет. Зрачок вороненого дула упирался в живот Максима Бурцева. «Это не "Вальтер", — отметил про себя Бурав. — Это наш родной "Макаров"».

— Проходите, — приказала девушка и, не отводя пистолета, отступила в сторону.

Бурцев сделал несколько осторожных шагов по коридору и, почувствовав, как ствол уперся ему в спину, с уверенностью подумал: «Если что — она выстрелит, не мешкая. Такая ни перед чем не остановится, лишь бы ей не мешали выполнять ее миссию».

— Куда дальше? — буднично спросил он Волохову.

— Направо, в комнату, — спокойно подсказала девушка. — Садитесь в кресло.

Бурав погрузился в продавленный кожзаменитель, обхватил пальцами подлокотники кресла, чтобы можно было стремительно подняться в случае чего, но Надя мгновенно отреагировала и, подняв пистолет на уровень его груди, села на стул и тихо приказала:

— Руки на колени!

Бурав со стыдом подчинился. Он смотрел в глаза девушки, и видел, что ее черные зрачки расширены до самых ободков роговицы.

— Вы уже все знаете, раз сюда пришли, — заговорила она.

— Вы меня помните, Надя? Ну, как мы гуляли под липами...

— Помню. Сначала я принимала вас за Петю, больная была.

— А сейчас? Вы выздоровели?

— Нет, наверное... Но окружающую действительность и свое прошлое я воспринимаю адекватно!

— Выходит, теперь вы — Истребитель? Вы — капитан Шилов?

Девушка заметно оживилась: по-видимому, начал действовать наркотик.

— Знаете, я в больнице одну книжку читала... Жила такая святая, Ксения Петербургская. Когда она была еще совсем молодой, у нее умер любимый муж, он полковником был. И святая Ксения стала носить его одежду, называть себя именем мужа — Андрей Федорович...

— А вы, значит, надеваете куртку Пети Шилова и стараетесь выглядеть парнем?

— Это как-то само собой получилось... — виновато посмотрела на своего пленника Волохова. — Но теперь недолго осталось. Я уже ликвидировала убийц Пети.

— Кто же это был?

— Братья Савичевы, Валерий и Борис. У Пети на них столько всего было! Валерий официально служил в полиции, а, по сути, работал наемным киллером. И брата своего подключал... Я их сразу узнала. Но пока еще жив человек, который отдал Савичевым приказ убить Петю. Тот, чьи заказы много раз выполняли Валерий и Борис.

— И вы знаете имя этого человека?

— Все знаю... Имя, адрес, род деятельности. Сейчас я уйду, а вы останетесь в этой квартире. — Волохова поднялась со стула, по-прежнему целясь в грудь подполковнику.

— Вы так уверены, что я вас не выдам? — спросил Бурав, чувствуя всю свою беспомощность перед этой девчушкой, взявшей на себя тяжелый крест отмщения.

— Да, — сказала Волохова, пятясь к двери. — Вы были со мной таким добрым и хорошим... Вы чем-то напоминаете мне Петю. — Она замешкалась, словно не решаясь продолжать дальше, и с трудом продолжила: — Вы знаете, Максим Бурцев... Вы ведь тоже были у Пети в досье... В списке приговоренных...

— Вот как?! — поразился Бурав. — Ума не приложу, за что же Петя хотел меня... ликвидировать?

— Не Петя, — перебила его Надя. — Вас примерно восемь месяцев назад хотел убрать один московский мафиози. Петя расстрелял назначенных им исполнителей вашего убийства. Он спас вам жизнь, а вы и не знали... Правда, до заказчика Петя так и не успел добраться.

— И кто же этот... заказчик? — сощурился Максим.

— Тот, к кому я сейчас направляюсь, — отчеканила девушка и отступила в коридор.

Неожиданная мысль пронзила подполковника, и он окликнул Волохову из своего кресла:

— Надя! Мне трудно судить вас... Об одном только прошу: что бы ни случилось, не вздумайте покончить с собой.

— Это почему же? — презрительно отозвалась девушка.

— Да потому, — терпеливо разъяснил Бурав, — что тогда вас нельзя будет отпевать в церкви, как отпевали Петю Шилова. И вы уже не сможете встретиться с ним на том свете.

По изменившемуся лицу Волоховой Максим понял, что выдал самый сильный, безотказно подействовавший аргумент.

Он услышал, как в замке повернулся ключ, и метнулся в коридор...

Входная дверь, обитая дерматином, была заперта снаружи. Ни открыть, ни взломать ее не представлялось никакой возможности.

Глава восемнадцатая

Василий Шестаков был на грани психоза. Наступила ночь, а его так и не развязали. Более того, никто из медперсонала не проявлял к пациенту абсолютно никакого интереса. Полная медсестра больше ни разу не появлялась в их палате, и ее обещание принести немного спирта Шестаков уже начал воспринимать как издевательство. Видно, здесь каждый сотрудник мучает больных, как может и как ему нравится.

Сквозь освещенный дверной проем Шестакову было видно, как в коридоре, прямо напротив его палаты, двое звероподобных санитаров установили дополнительную кровать и свалили на нее очередного «клиента».

Вася закрыл глаза, пытаясь если не уснуть — какой там сон! — то хотя бы успокоиться. А когда вновь открыл их и взглянул на дверь, в дверном проеме уже светил день. Голова гудела, небо и язык превратились в сухой наждак.

Смирнов хмуро смотрел на Шестакова.

— Тебе ночью влили реланиум по вене, — осуждающе промолвил старик. — Четыре куба. Плюс азалептин. Ты ведь орал в беспамятстве, как дурной... Сердце-то как, ничего? Я думал, ты сутки проспишь или вообще не проснешься.

— Сдюжило сердце, — прохрипел Вася.

Тут в палату ворвался санитар и, пройдя напрямиком к постели Шестакова, принялся быстро, профессиональными движениями развязывать скрученные жгутом простыни.

— Что ж так долго человека на вязках держали, Сашок? — подал голос Смирнов.

Сашок не ответил, смотал жгуты в клубок и выбежал из палаты.

Шестаков сел на кровати, ноги дрожали. Он поискал свои ботинки и не нашел.

— Покурить бы, — просительно посмотрел Вася на Смирнова.

— Найдется, — кивнул Евгений Михайлович, пошарил под подушкой и протянул ему тощую пачку «Примы». — Курить в туалет иди, это направо по коридору.

— Что, прямо в носках? А где мои ботинки?

— Изъяли, — словно маленькому, разъяснил Васе старик.

Шестаков, мусоля изогнутую сигарету, медленно пошел по коридору. Мимо него сновали взад-вперед больные — с желтыми и серыми лицами, небритые и с уже отросшими бородами...

Среди людей, населяющих Латницкую психбольницу, выделялся своим необычным видом высокий и еще далеко не старый интеллигент с ухоженным лицом и аккуратно подстриженной бородкой. Его темные глаза пронзительно глядели на Шестакова.

— Здравствуйте, — церемонно поклонился Васе интеллигент и прошествовал дальше по коридору, и Шестаков изучающе посмотрел ему вслед. Одежда тоже нестандартная для этого места: шелковая пижама, байковые красные шаровары, стильные туфли...

Вася толкнул надтреснутую дверь в туалет, и его чуть не вырвало. В нос плотной волной ударила вонь, и он, непроизвольно подавшись назад, почувствовал, как в нем зарождается и крепнет неведомая доселе всепобеждающая сила. «Все! Надо бросить курить. Навсегда! И пить тоже, назло всем обстоятельствам!» — промелькнуло у него в голове. Он выживет, вырвется отсюда! Во что бы то ни стало... И не сойдет с ума.

Из палаты вышел Смирнов, и Шестаков вернул ему сигарету.

— Что, раздумал? — усмехнулся Евгений Михайлович.

Благообразный интеллигент снова поравнялся с Василием, поклонился, как в первый раз.

— Здравствуй, Сакс, — поприветствовал его Смирнов.

— Кто это? — спросил Вася, когда интеллигент продефилировал мимо них мерным шагом.

— Бывший музыкант, саксофонист. Мы его Саксом зовем. Под Новый год на электричке возвращался домой с концерта, поддатый, разумеется. Ну и проспал свою станцию. Очухался в Латницах, вышел на платформу. Тут его какие-то отморозки по башке кирпичом стукнули, забрали деньги,

мобильник, сняли одежду... Замерз бы, к чертовой матери, да «газель» наша подъехала, сюда привезла... Правда, неизвестно, что лучше: сразу на платформе загнуться или здесь свой век доживать.

— Его же, наверное, ищут?

— Ищут, конечно, — согласился Смирнов. — Да не найдут. А знаешь, как искали первое время? На всю Россию-матушку розыск объявили, во как! И что же? Позвонил царице Тамаре начальник Латницкой полиции: мол, есть у тебя, Тамара, такой пациент? А она: нет такого, и все тут. Они с начальником ментовским — вась-вась... Городок наш невелик. Его, то бишь начальника местной мусарни, все в городе Палычем кличут, строит из себя рубаху-парня. Он недавно тещу свою сюда сдал, теперь по гроб жизни Тамаре обязан. Тут ведь, Вася, и женское отделение есть... Менты здешние, конечно, догадываются, что в этом дурдоме творится, да помалкивают. Тамара ведь им ой как помогает показатели хорошие иметь.

— Но должен же всему этому когда-то наступить предел! — в отчаянии зашептал Вася. — Не может быть, чтобы она до бесконечности творила такие вещи! Да еще безнаказанно! На дворе двадцать первый век... Рано или поздно ее должны разоблачить!

— Вот именно, Вася, ты правильно сказал — рано или поздно... — пристально посмотрел на него Смирнов. — Само собой, разоблачат. Только ты сначала доживи до этого дня...

Сакс снова шел им навстречу. Поравнявшись с Шестаковым, опять поклонился и вдруг приник к Васиному уху, зашептал горячо:

— Бегите отсюда! Не знаю, как, но бегите! А потом меня вытащите... Я вижу, вы порядочный, культурный человек. Запомните: я — Крамской, саксофонист из джаз-оркестра Леонида Брюмера... Крамской, запомните!

Смирнов насмешливо наблюдал эту душераздирающую сцену. Когда они с Василием снова остались вдвоем, он махнул рукой и произнес:

— Сакс тебе не первому такие слова говорит, на что-то еще надеется... Между прочим, его не слишком-то грузят уколами. Ему другие препараты назначены...

— Да-да! — подхватил Шестаков. — И вообще, я вижу, он тут вольготно живет, просто цветет и пахнет по сравнению с остальными!

— Крамской сразу приглянулся Тамаре, — вполголоса продолжал Смирнов, — вот она и держит его в чистом теле. Отдельную палату предоставила... Для нее он не Сакс, а Секс, — хихикнул старик. — Кормит его метилацетиролом. Нет, ты прикинь: родному мужу — метил, а чужому дяде — метилацетирол! Анекдот прямо... А уж что Ископаева с этим музыкантом вытворяет под надзором Сашка — того лучше не знать.

— Как вы сказали? Ископаемое?

— Ископаева. Это фамилия у Тамары такая. Да не вздумай перепутать, ископаемым ее назвать! Убьет.

Сашок вырос, как из-под земли, сомкнул железные пальцы на предплечье Шестакова.

— Пошли, — только и сказал санитар.

Глава девятнадцатая

— Ну-с, добро пожаловать, Василий Владимирович!

Царица Тамара смотрела на Шестакова приветливо, дружелюбно. Вблизи она оказалась полногрудой шатенкой лет сорока пяти, ее пальцы были унижены разноцветными перстнями.

Кабинет главврача являл собой разительный контраст со всеми остальными помещениями психбольницы. На полу — дорогой ламинат, мебель — сплошь из орехового массива. В углу Вася заметил ультрасовременный компьютер, был здесь также телевизор, музыкальный центр. И еще — необычных размеров кожаный диван-кровать, на который, видимо, она и укладывала несчастного Сакса-Крамского... В воздухе витал тончайший аромат духов.

— Здравствуйте, — машинально сказал Вася и отметил про себя, что Сашок не собирается покидать кабинет: санитар занял пост у входной двери.

В какой-то момент в сознании Шестакова мелькнула безумная мысль: схватить со стола длинные ножницы, наброситься на Сашку, пырнуть в живот... С женщиной он потом уж как-нибудь справится. Запереться изнутри — дверь-то железная, надежная, а ключ — вон он, торчит из замка. И — звонить в Москву, в МУР, в прокуратуру...

— Даже не вздумай, — с угрозой в голосе буркнул санитар.

Вася тут же придал своему лицу покорное, заискивающее выражение.

— Меня зовут Тамара Сергеевна Ископаева, — мягко продолжила главврач. — Я буду лично наблюдать за ходом вашего выздоровления. Присаживайтесь, Василий Владимирович.

Вася опустился на гладкий деревянный стул возле письменного стола царицы Тамары.

— Вам надо подписать заявление о своем добровольном согласии пройти у нас курс лечения. Стандартная продолжительность курса для алкоголиков, у которых наступила белая горячка, — один месяц. А там посмотрим.

Вася задрожал, его просто колотило от собственного бессилия.

— Тамара Сергеевна! — взмолился он. — Мне уже легче, я вполне могу поехать домой...

— Шестаков, давайте по-хорошему, — сразу посуровела главврач. — Я предлагаю вам совместными усилиями победить вашу болезнь. Не заставляйте меня прибегать к крайним мерам. Знаете, каково мое врачебное кредо?

— Каково? — тупо переспросил Вася.

— Ни один человек, попавший в эти стены, — чеканила фразы Ископаева, — больше никогда не выпьет ни рюмки спиртного. И для достижения этого результата я считаю пригодными любые средства.

— Мне плевать на ваше кредо! — не выдержал Шестаков. — Я официально отказываюсь от лечения. Такую бумагу я готов подписать! Вы не имеете права лечить меня насильно!

— Имеем, — зловеще улыбнулась Ископаева. — Если вы сейчас же не подпишите согласие на курс лечения, я приглашу сюда районного судью. И он в пять минут вынесет постановление о вашем принудительном лечении. Это, как минимум, год, господин Шестаков. Вы этого хотите?

— Да! — с вызовом выкрикнул Вася. — Зовите судью! Уголовные статьи за незаконное помещение в психиатрическую больницу и лишение свободы передвижения пока что не отменены!

Глаза Ископаевой превратились в две сверкающие бритвы.

— Ишь ты, какой! Обойдешься без судьи, засранец... Вот, слушай. — Она достала из папки лист бумаги и принялась выборочно читать вслух: — Шестаков Василий Владимирович... доставлен в Латницкую психиатрическую больницу в крайне тяжелом состоянии... Алкогольный делириум... Множественные ушибы конечностей, туловища и лицевой части головы... Обширные гематомы... Сотрясение мозга средней тяжести... Переломы правой голени, пятого и шестого ребра левой стороны грудной клетки... Достаточно? Так подпишете вы согласие на лечение или желаете, чтобы этот документ соответствовал действительности?

Вася вскочил со стула.

— Вы не люди! Вы бесы! — крикнул он в лицо Ископаевой и краем глаза подметил, как напрягся возле двери санитар.

— Наконец-то ты начал хоть что-то понимать, — ледяным тоном произнесла Тамара Сергеевна.

— Ископаемое! Вы — ископаемое! — с лютой ненавистью орал Шестаков, он уже не контролировал себя.

— Сашок! — отрывисто бросила Тамара Сергеевна в сторону двери, словно кинула кость верной собаке.

Санитар лавиной налетел на Шестакова, и Вася опрокинулся на пол от хлесткого удара в челюсть. Перед его глазами плыли квадратики ламината, а на спине верхом сидел санитар, заламывая Васину руку.

В этот момент на столе главврача нутужно зазвонил телефон.

— Алло, — пропела Ископаева. — А, Палыч, привет! Нет, новоселье еще не скоро... Ну разумеется, Палыч, ты будешь самым почетным гостем... Да ну, где мне за тобой угнаться, вот у тебя — хоромы так хоромы... — Она замолчала, очевидно, выслушивая сообщение начальника полиции, потом ответила: — Я поняла, Палыч. Ничем не могу порадовать. Человека с такой фамилией или с такими приметам ко мне в последнее время не поступало.

Несмотря на грызущую боль, застилающую мозг, Шестаков догадался, что речь идет о нем. Итак, его ищут! Он приподнял голову и заорал что есть мочи:

— Я здесь!

И тут же получил от Сашка увесистый удар по затылку.

— Конечно, Палыч... Если что, дам знать, — сквозь розовое марево услышал Вася елейный голос Ископаевой.

Трубка легла на рычажки, Тамара Сергеевна грациозно вышла из-за стола, наклонилась над Шестаковым и положила на пол, прямо перед его глазами, испещренный строчками лист бумаги и авторучку.

— Подписывай, сука! — прорычал Сашок прямо в ухо Василию.

Шестаков застонал и мотнул головой. Пусть мучают, пусть убивают, но он ни за что не пойдет на поводу у этих нелюдей!

Ископаева вернулась к столу, нажала на кнопку. В кабинете появилась толстуха в белом халате.

— Зин! — скомандовала медсестре главврач. — Азалептин, сульфазин, аминазин!

«Зин-н... Зин-н...» — звенело в мозгу Шестакова.

— Уже готово, — засуетилась медсестра, которую Вася еще совсем недавно по наивности своей принял за союзницу.

После едкого укола в плечо он обмяк и провалился в небытие.

Глава двадцатая

Василий Шестаков был объявлен в розыск уже без малого как двое суток, но поиски оставались тщетными. Муровцы недоумевали. Куда мог подеваться «Пасынок» — такое кодовое прозвище получил подозреваемый Шестаков. Убит? Или завис на квартире кого-то из собутыльников, ошалев от богатства, свалившегося буквально с того света?

Уже был допрошен сосед Шестакова, с которым они гудели после посещения Пасынка подполковником Бурцевым и капитаном Камориним. Петрович не держал обиды на Васю, хотя приятель крепко побил его

перед не очень-то вежливым расставанием. Ну, выпимши были, всякое случается...

А других душевных собутыльников у Васи не наблюдалось, на этом Петрович стоял твердо. Конечно, Шестаков ходил в близлежащую пивнушку, даже забивал там «козла» с завсегдатаями... Но ночевал только дома, это как Бог свят.

Впрочем, сейчас подполковнику Бурцеву, запертому в квартире капитана Шилова, было не до пропавшего Пасынка. Максим смотрел в окошко вслед стремительно пересекающей дворик девушке в черной кожаной куртке... И на душе у него было погано.

Окна в квартире Шилова не имели решеток и легко открывались, но... Второй этаж — это вам не первый. Еще лет пятнадцать, да что — пятнадцать! — еще пять лет назад Бурцев с легкостью рискнул бы костями и прыгнул вниз. Но в последнее время Бурав, как-то незаметно для самого себя, привык думать, что он уже старик, причем старик довольно хворый. Две недавние госпитализации в Центральном госпитале МВД — сначала обострение панкреатита, затем — глазная травма — окончательно убедили его, что жить надо размеренно и безо всяких там авантюр.

Позвонить Комару? Мол, пусть приезжает, ломает дверь вместе с дворником или иным полномочным лицом из местного РЭУ? Да нет, не стоит, пожалуй. Придется объяснять Алексею, как он, Максим, здесь очутился, да кто его запер... Комар вполне может сложить два и два и догадаться, кто на самом деле является неуловимым Палачом. Не такой уж он недопепа, этот тридцатилетний капитан.

Существовал только один человек, который мог с полной конфиденциальностью вытащить подполковника из сложившихся обстоятельств — щекотливых обстоятельств, если уж говорить откровенно. Бурцев достал мобильный, набрал номер.

— Алло, Валентин? Это Бурцев... Ладно, хорош лебезить, бросай все свои дела и дуй сюда. Слушай адрес...

По призванию — вор-домушник, а теперь благодаря протекции Бурцева — весовщик на крупном столичном рынке, Валька Шашнев давно работал на Бурава в качестве осведомителя. «Скрепка» — таким было воровское «погоняло» у этого вихрастого, бесшабашного парня. Он получил свою кличку из-за редкостного таланта вскрывать практически любой замок при помощи обычной канцелярской скрепки.

Валька никогда не подводил Бурцева — понимал, шельмец, что подполковник может ему здорово пригодиться в этой жизни. Например, спасти воришку от тюрьмы, а то и от смерти... «Надо будет Вальку Алексею

передать с рук на руки, если я все-таки надумаю уходить из МУРа», — промелькнула в голове подполковника идиотская мысль.

Впрочем, такая ли уж она идиотская?..

До появления Шашнева Бурцеву предстояло отыскать тайник капитана Шилова, и он снова вошел в полутемную комнату. На полу еще виднелись нестертые меловые очертания трупa, сделанные экспертами в ночь Петинoго убийства. Прямо напротив — кровать, на которой когда-то раскачивалась обезумевшая девушка Надя...

Под этой-то кроватью Максим и обнаружил вмонтированный в стену сейф. Его дверца была тщательно заклеена, но цвет обоев был в этом месте немного иным. Приглядевшись, Бурав увидел еле заметный разрез, за которым скрывалось отверстие для ключа.

Скрепка появился бесшумно, и подполковник, увлеченный находкой, даже не почувствовал присутствия Шашнева за своей спиной.

— Привет, начальник! — прошептал Валька.

— Тьфу ты, черт! — Бурцев вылез из-под кровати. — Мог бы чуть погромче в квартиру-то зайти!

— Не мог, — принялся оправдываться Скрепка. — Это у меня профессиональное...

— Ладно тебе, профессионал, — проворчал Максим. — Лезь под кровать, отпирай сейф и доставай все, что там есть.

— Моя доля? — деловито осведомился Шашнев.

— Че-го?!.

— Пошутил я, начальник, пошутил, — тут же заныл Скрепка. — Ну, простите дурака! И шутки у меня дурацкие...

В сейфе оказался «Вальтер» времен Второй мировой и старенький, добела истертый «ТТ». Бурцев проверил его обойму, удовлетворенно хмыкнул и сунул «ТТ» за пояс. Пригодится...

Никаких бумаг или других носителей информации в тайнике не было.

— «Вальтер» положи на место, сейф запри, — распорядился Бурав.

— Там мои отпечатки остались, дело шьешь, начальник! — жалобно всхлипнул Скрепка.

— Мне тебя что, учить надо? — рявкнул Максим, и Валька принялся стирать свои «пальчики» специальной фланелькой.

«Итак, досье Шилова исчезло, — размышлял подполковник. — Значит, Волохова забрала его себе? Можно, конечно, приказать Вальке Шашневу вскрыть дверь ее квартиры... Но зачем ей досье Шилова, если она только что отправилась на последнее дело? Или все-таки она обманывала меня и вовсе не собирается прекращать самосуд?»

Бурцев принялся. И как это он до сих пор не уловил запах гари? Вот уж действительно, теряет нюх старик Бурав...

Максим открыл дверь на кухню, и от движения воздуха зашевелились лохмотья пепла на жостовском подносе. Он с облегчением вздохнул: Волохова все-таки уничтожила «расстрельные списки» Шилова. Хотя, с другой стороны, теперь куда сложнее будет выйти на хозяина братьев Савичевых.

— Пошли в машину, поговорим, — бросил подполковник Вальке Шашневу.

Серебристая «тойота» покинула темный двор, и Бурав заглушил мотор в слабо освещенном переулке.

— Братьев Савичевых знаешь? — повернулся он к Скрепке.

— Кто ж их не знал, — буркнул Шашнев. — Те еще мокрушники были... Хоть старший и служил у вас в полиции, — едко добавил осведомитель.

— Почему же ты, поросенок, мне раньше ничего про них не докладывал?

— Почему, почему... Да потому что боялся, жить хотел! Это теперь, когда их самих кончили, я такой смелый стал.

— А кто заказывал Савичевым устранять «клиентов»? Кто был их хозяином?

Валька с тоской посмотрел в лобовое стекло.

— В гроб хотите меня загнать, гражданин начальник... Что ж, загоняйте! Валька что, так, сопля на тротуаре! Наступил да растер...

— Завязывай ломать передо мной комедию! — прикрикнул на домушника подполковник. — Живо выкладывай, что тебе известно!

Скрепка покорно кивнул.

— В общем-то, ничего определенного я сказать не могу. Так, слушки кое-какие... Разговорчики... Говорят, есть какой-то крутой мафиози, из интеллигентных. Прямо призрак, ни дать ни взять. Только упаси Боже, если он узнает, что кто-то его так называет! Не жить тому человеку...

— Свободен, — отпустил Шашнева подполковник.

Скрепка вышел из машины, притворил за собой дверцу и на полусогнутых ногах засеменял прочь.

Бурав повернул ключ зажигания. Он уже знал, куда отправилась Надежда Волохова с пистолетом Макарова за пазухой.

Подполковник остановил «тойоту» возле знакомого подъезда, выключил двигатель. И тут же увидел, как через кусты перемахнула хрупкая фигура в кожаной куртке...

Вот еще, будет он за ней гоняться! Максим вышел из машины, посмотрел вверх. В окнах квартиры Николая Викторовича Пискунова стояла

чернота. Адвокат на даче, и вряд ли Волоховой известен адрес загородного дома юриста-мафиози. Девушка напрасно будет караулить приговоренного здесь, у подъезда шестнадцатизэтажки. А завтра ей придется возвращаться в больницу... Так что у Бурава достаточно времени, чтобы финишировать в этой гонке чуть раньше Палача.

Он устало зевнул и поехал домой, спать.

Глава двадцать первая

Когда Сашок выволок бесчувственное тело Шестакова из кабинета главврача, железную дверь несмело приоткрыл старик Смирнов.

— Можно, Тамара Сергеевна?

— Заходи, Михалыч, — ласково кивнула Ископаева. — Что у тебя?

Смирнов подошел вплотную к ее столу, чуть склонился.

— А вот что, Тамара... — он пожевал губами и залопотал торопливо, чуть юродствуя: — Человек-то этот, Васька-то Шестаков, непростой... Ох, непростой...

— Это я, Михалыч, и без тебя знаю, — строго перебила его Ископаева.

— Знаешь?.. — зашипел Смирнов. — Ничего ты не знаешь! Я его проверить на всякий случай решил, пентаграмму в воздухе начертал... Вдруг, думаю, наш? Ну вот... И как он, по-твоему, ответил на пароль? А? Ну-ка, догадайся, коль ты такая умная!

Ископаева слегка побледнела и ничего не ответила..

— Рыбу он изобразил рукой, вот что! — со зловещим торжеством выдохнул Евгений Михайлович. — Вот так вот!

На миг осунувшемся лице Ископаевой явственно проступила испарина.

— Что, испугалась, царица Тамара? — скривился старик. — Рыбарь он! И не рядовой, коли пароль ихний знает. Боишься рыбарей-то? А я вот не боюсь, отбоюсь уже!

— Сядь, Михалыч, — властно приказала главврач. — Ну, допустим, он рыбарь. И что с того? Здесь наша воля!

— Тэ-тэ-тэ, — поцокал языком Смирнов, глумливо качая головой. — Много ты от него своей волей добилась? Рыбари не сдаются! Их можно только уничтожить! Если, конечно, они раньше не уничтожат нас.

— Ты дело говори, Михалыч, — почти не разжимая губ, процедила Ископаева. — Как, по-твоему, поступить-то с ним?

— Как? А ты будто не знаешь? — зачастил Смирнов. — Так же, как с другими рыбарями во все века поступали! Вот как! — и он провел ребром ладони себе по горлу.

— Ладно, ступай, — махнула рукой главврач. — Спасибо, что донес.

— И вот что еще, царица Тамара. Бежать он хочет, имей в виду. Не оплошать бы...

Как только за Смирновым закрылась дверь, Тамара Сергеевна заперла кабинет изнутри, сняла трубку телефона, помедлила, унимая колотящееся сердце, и набрала код Калининградской области, затем — еще ряд цифр. Она понимала, что звонить по этому телефону можно только в самом крайнем случае, но сейчас как раз и был именно такой случай.

— Слушаю вас, — раздался на другом конце провода хорошо поставленный голос слуги.

— Будьте любезны, соедините с его светлостью князем Долгоруким.

— Как прикажете доложить?

— Скажите просто, что звонит царица Тамара. Князь поймет...

Через пространство и время, через толщу прожитой жизни Тамара Ископаева различила до трепета знакомый каркающий голос:

— Да? Говорите!

Семидесятипятилетний академик Анатолий Семенович Ардашкин, он же, согласно очередной «легенде», — князь Долгорукий-Рюрикович, сидел в кресле на каменной террасе старинного особняка и неотрывно смотрел на Балтийское море, то и дело меняющее свой цвет под закатным солнцем.

Двадцать с лишним лет назад академик Ардашкин принял на работу в свой секретный НИИ Минобороны молоденького врача-психиатра Тамарочку Ископаеву. Взят за красоту — он же все-таки мужик, в конце-то концов, и никакие мужские радости ему ни тогда, ни теперь чужды не были.

Однако вскоре Анатолий Семенович подметил явные садомазохистские наклонности своей юной любовницы, хотя она, конечно же, и пыталась их скрыть, и прекратил интимные свидания с «царицей Тамарой» — так в шутку называл девушку академик.

Ископаева нисколько не обиделась на директора института, она боготворила его, почитала небожителем. Быть рядом с ним, под одной крышей гигантского НИИ, служить ему — вот что было для девушки дороже всего на свете. Дороже плотской любви...

Ардашкин хорошо знал силу женской преданности и позаботился об Ископаевой, когда секретный НИИ Минобороны был в одночасье разогнан. С помощью друзей из КГБ он пристроил Тамару на должность главврача Латницкой психбольницы. Скромная больничка, провинциальная... Но академику для осуществления своих масштабных планов требовались не только сильные московские соратники, но и, как принято говорить, люди на местах.

К тому времени Ардашкин, на протяжении семи лет нещадно эксплуатируя потенциал секретного НИИ, уже разработал свою компьютерную программу «Мозаика» — чудо-программу, позволявшую академику решать практически любые реальные задачи. Требовалось лишь скормить «Мозаике» достаточное количество мегабайт исходных данных, главным образом — психофизических характеристик предполагаемых действующих лиц.

Анатолий Семенович знал о семейной трагедии Ископаевой, заключавшейся для нее в убийстве собственного мужа. С одной стороны, он, конечно, жалел эту несчастливую женщину и в то же время с удовлетворением признавал, что Тамара становится для него все более нужным человеком.

Тогда, восемь лет назад, Ардашкин загрузил в свою программу психофизические характеристики Ископаевой, сканированные с ее головного мозга еще в период институтской работы, прибавил подробную биографию, и «Мозаика» выдала четкий ответ: Латницкая психбольница под руководством Ископаевой превращается в некое сатанинское капище, место пыток и истребления алкоголиков.

Что ж, сегодня это вполне устраивало Анатолия Семеновича. Главным образом — с точки зрения его харизмы. Ископаева, сама того не зная, вносила свою малую лепту в осуществление грандиозных замыслов Ардашкина-Долгорукого. Как, впрочем, и капитан Шилов — царство ему небесное! Как и подруга погибшего Истребителя — ее вроде бы зовут Надежда Волохова...

Россию сначала надо здорово почистить от всякой мрази, а уже потом перекрещивать заново... Правда, в православном «Символе веры» твердо сказано о «едином крещении», то есть креститься можно только один раз. Но второе Крещение Руси будет продолжением первого, его завершением. Стало быть, единство сохраняется.

— Говорите! — повторил в трубку Ардашкин.

— Здравствуйте, Анатолий Семенович, — через годы и города долетел до него голос Ископаевой.

— Называй меня «ваша светлость», — резко перебил ее академик.

— Хорошо, ваша светлость... Несколько дней назад я получила от вас электронную почту. Вы сообщали, что к нам должен поступить некто Шестаков Василий Владимирович. Он уже у нас. Согласно вашим указаниям, мы поступаем с ним по общему стандарту. Но он опасен, ваша светлость. Очень опасен!

— Тамара, он не должен уйти, — проговорил Анатолий Семенович. — Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Да, ваша светлость.

— Он уйдет. Но не так, как другие твои клиенты. Жди указаний. — И он дал отбой.

Солнце спряталось за горной грядой, и море подернулось розоватой дымкой.

Анатолий Семенович почувствовал прилив энергии. Многоходовая комбинация, тщательно разработанная им с помощью гениальной программы «Мозаика», вступала в решающую стадию. Он придвинул к себе ноутбук, лежавший перед ним на столике, вошел в Интернет и, набрав ключевые слова для поисковой системы: «Латницкий завод ювелирных изделий», прочитал на сайте завода:

«Старейшее золотообрабатывающее предприятие в России остается одним из самых крупных на сегодняшний день...»

Уже совсем скоро Латницкие золотые россыпи перейдут в руки Анатолия Семеновича. «Мозаика» не ошибается. Никогда.

Вот и сейчас, в эту самую минуту, к месту действия спешит на своем «фольксвагене» еще одно действующее лицо, можно сказать — ключевое в своем роде. С виду — мелкая сошка, незаметный персонаж. Казалось бы, что изменится на шахматной доске от перемещения этой пешки? Но именно тихие ходы становятся решающими, когда разыгрывается гроссмейстерская партия.

Глава двадцать вторая

Церковь была оплетена строительными лесами, в дощатой паутине, словно мухи, копошились измазанные побелкой рабочие. Виктор Венгеров невольно чертыхнулся: и как это он не предусмотрел столь очевидную вещь? По какой такой наивности он рассчитывал увидеть бесхозные руины? Ведь на дворе вовсе набрал темп двадцать первый век, практически все храмы и монастыри обрели своих подлинных хозяев...

Он остановил черный «фольксваген» у подножия холма, на котором возвышалась древняя церковь равноапостольной Ольги. Зачем-то сверился с картой, хотя и без того было ясно, что он не заблудился, прибыл точно к цели своего путешествия. Конечно, все правильно: вот село Ольгинское Раменского района, вот речка Мошенка, через которую он только что переехал по вспученному настилу...

Виктор вздохнул, отомкнул бардачок. Несколько секунд раздумывал, глядя на тускло поблескивающий «парабеллум», с которым не расставался уже двенадцать лет. Сунул в утробу бардачка сложенную карту, захлопнул пластмассовую крышку. Пожалуй, брать оружие с собой не стоит. Ни к

чему. Затем вышел из машины и с благоговейным выражением лица направился к реставрируемой церкви.

Двое рабочих месили раствор сразу за церковными воротами. Они, казалось, не обращали на пришельца никакого внимания, но Виктор по опыту знал, что впечатление это обманчиво. Его, конечно же, изучают исподлобья, втихомолку. Что ж, внешний вид Венгерова вполне соответствовал традиционным представлениям о верующем молодом человеке. Открытый лоб, длинные русые волосы, собранные в косичку, раздвоенная короткая борода.

Виктор перекрестился и стал медленно обходить внутренность храма. Всюду — строительный мусор, штабели кирпича, крафт-мешки с цементом. Сразу видно, что церковь восстанавливается всерьез, и темп работники держат весьма приличный.

Он подошел к солее. Его взгляд сразу упал на прямоугольную яму перед алтарем, стенки которой были обложены потемневшим от времени кирпичом...

Итак, его опередили. Многомиллионные сокровища давно вынуты из тайника. И произошло это, судя по степени замусоренности ямы, не год и не два назад.

Незаметно для рабочих Виктор вынул из нагрудного кармашка крошечный цифровой фотоаппарат и заснял развороченную солею.

— Чего тебе, парень? — подходя к нему, поинтересовался бригадир.

— Бог в помощь, — смиренно ответил Виктор, слегка поклонившись. — Вот, приехал потрудиться на восстановлении храма. Во славу Божию...

Последняя фраза на церковном языке означала, что человек намерен работать бесплатно, во имя спасения души. «За ради Христа», — как говорят старики.

Бригадир, мужик верующий, одобрительно окинул взглядом стоявшего перед ним Виктора. Свою жиденькую бородку, надо сказать, Венгеров отрастил специально для этой поездки. Была у него и фальшивая бумага, якобы из епархиального управления, извещающая, что, дескать, Венгеров Виктор Ефимович, младший сотрудник архитектурно-планировочного отдела Московской епархии, командирован в село Ольгинское Раменского района для обследования храма во имя равноапостольной княгини Ольги на предмет его дальнейшей реставрации.

С бумагой Виктор опоздал, она ему уже не пригодится. А вот бородка и хвостик произвели именно то впечатление, на которое он рассчитывал.

— Звать-то как? — заметно подобрев, спросил бригадир.

— Виктором.

— Это хорошо, очень даже хорошо, — почему-то обрадовался бригадир, будто ожидал услышать какое-либо иноземное, не православное имя. — А меня, стало быть, Михайло Потапычем... Чего смеешься? Такое, брат, у меня имя-отчество, — строго посмотрел на паломника тезка русского медведя. — Можно называть просто — Потапыч. Меня так все величают.

— Хорошее у вас имя-отчество, Михаил Потапович. — Глаза Виктора наполнились христианской любовью.

— Вот-вот... — кивнул бригадир. — Между прочим, Потап — старинное русское имя, православное. Не веришь — в святцы загляни. И давай-ка, брат, на «ты»... Что делать умеешь, какую работу?

— Всякую, Потапыч. Копать могу, таскать могу, долбить да щи варить. Что благословишь, то и буду делать...

— Добре, — чуть разочарованно протянул сермяжный зодчий.

Он-то надеялся, что вновь прибывший — профессиональный реставратор или, на худой конец, умелый каменщик-штукатур. Но ничего, здесь всякая помощь сгодится. Были бы силенки. А парень вроде бы не слабак.

— Рабочая одежда есть?

— Имеется. Штормовка, брезентовые штаны, кирзачи...

— Годится, — вновь кивнул Потапыч. — Иди, устраивайся в бытовке, что слева от входа. Там найдется местечко.

— Я вообще-то думал в деревне поселиться, у кого-нибудь уголок снять, — замявшись, неуверенно проговорил Венгеров. — Как тут с этим?

— Найдешь бабку какую-нибудь, — с нескрываемой досадой махнул рукой бригадир, а про себя подумал: «Видать, избалованный парень, не хочет вместе со всеми в бытовке ютиться». — Давай, двигай, а то скоро темнеть будет. Завтра в шесть утра будь здесь как штык, понял? Тут, брат, дисциплина, послушание.

— Буду, — кротко ответил Венгеров. — Спаси вас Господи...

Потапыч укоризненно смотрел вслед пылящему по дороге «фольксвагену». Парень сначала дюже приглянулся бригадиру, но теперь он распознал в молодом приезде какую-то фальшь. Но какую? Вот в чем неплохо бы разобраться...

К бригадиру подошли другие мужики.

— Потапыч, ты машину-то его видел? — спросил один из рабочих, дядька долговязый и почерневший от сажи, которой пропитались стены храма.

— Видел, видел, — недовольно процедил бригадир.

— Вот я и говорю, — продолжал долговязый, — не случилось бы чего... Не ровен час — свалится, покалечится, а нам отвечай. По нему ж видать, что не мастак он по лесам-то лазить.

— Завтра решу, — отрезал Потапыч. — На крайняк щи варить его отправлю. А теперь все, мужики, за работу! Нам до темна еще надо кирпич на леса натаскать, чтобы утром задел был...

Глава двадцать третья

Сорокапятилетний Виктор Венгеров был профессиональным кладоискателем. А потому ни для какой романтики или прочих «соплей» в его промысле местечка не предусматривалось. Только дебет, кредит, сальдо. Бизнес, одним словом. Азарт, правда, присутствовал, но это был именно азарт расчетливого дельца, а не игрока, уповающего лишь на Фортуну.

Мать Виктора умерла в молодых годах, когда мальчику исполнилось шесть лет, а отчего умерла — про то ему ничего известно не было. Отец тут же снова женился, а Витю отправил в убогий Воскресенский детдом. Сдал, отрекся, можно сказать.

Люто невзлюбил пацан своего батяню, возненавидел всеми силами детской души. Годами вызревала в его сознании мыслишка, что отец-то и угробил мать ради приглянувшейся ему чужой тетки.

После интерната, получив, как говорили тогда, путевку в жизнь, Виктор вернулся в родной Егорьевск и устроился на завод «Комсомолец». Поселился в общежитии. Как-то, крепко выпив по поводу первой полочки с парнями из бригады, ученик слесаря Виктор Венгеров пошел было поквитаться с ненавистным папашей, да узнал, что родитель его с новой женой переехал бог знает куда. И не стал работяга доискиваться, где теперь обитают отец и мачеха, отложил «на потом». Успеется...

Свой окончательный жизненный выбор Виктор сделал в 1990-м, когда в разгар лета возвратился из армии. Пожилой дальний родственник, старовер дядя Степан, чей домишко стоял на окраине города, приютил демобилизованного.

— Сирота ты, Витюшка, при живом-то папаше! — причитал дядя Степа. — А в общежитии тебе нечего делать, там одна пьянка да разврат. Лучше мне будешь по хозяйству помогать.

Виктор на полную катушку использовал положенный ему после армии отпуск. Под вечер он шел с приятелями в новую городскую баню, они неспешно парились и плавали в ледяном бассейне, готовясь к ночным подвигам. Несмотря на наличие в Егорьевске пивзавода, пиво тогда можно было выпить только в бане, потому и ходили туда каждый день. «Пивка тяпнем, а заодно и помоемся» — эта шутка обрела для егорьевцев реальный, повседневный смысл.

От души напившись пива в буфете, Виктор и его приятели расходились по домам — до времени общего сбора. У дяди Степана Виктор плотно ужинал, «приговаривал» чекушку самогона, купленного у соседки. Непьющий старовер печально сидел напротив, подперев ладонью щеку. Иногда он, махнув рукой на раскольничьи запреты, просил Витюшку налить рюмочку и ему.

— Чтоб тебе, милоч, поменьше досталось, — не таясь, говорил дядя Степа. — Ты погуляй, конечно, отмякни от казармы, да к сентябрю опять на завод устраивайся.

А за окном уж свистели: пора в городской парк, на танцы. Шли, знамо дело, через магазин. Прямо в парке, за дощатой конурой допотопного тира, выпивали по паре стаканов портвейна или розового вермута. Здесь же Виктору сообщали, с кем сегодня намечена «культмассовая» драка. И, чуть согнув, по тогдашней моде, руки в локтях, компания с угрожающим видом шествовала в «клетку», откуда уже доносился неразборчивый грохот вокально-инструментального ансамбля...

В городке, несмотря на всю его демонстративную патриархальность, уже повсюду развивался частный бизнес, кое-кто из недавних бандитов переделся в малиновые пиджаки. Но здесь, в «клетке», стрелка времени будто замерла, споткнувшись на отметке семидесятих.

Побоище всегда было коротким, но урожайным в смысле увечий. Как только парни, глухо матерясь, опускали кулаки, подходил парный наряд милиции.

— Все, что ль? — деловито спрашивал старший.

Подкатывал «воронок», милиционеры штабелем складывали в него тех, кто уже не мог подняться, и везли добивать в отделение.

Возле фонтана Виктор вместе с друзьями и противниками смывал кровь с лица и костяшек пальцев, и все дружно возвращались в «клетку» за наградой для героев. Девушки от четырнадцати до восемнадцати улыбались им навстречу, только успевай цеплять ту, что понравилась, а не то уведут другие.

Лишь к четырем часам утра возвращался изможденный Венгеров к дяде Степе, который упрямо бодрствовал возле окошка. Старовер ворчал, отодвигая засов калитки, обиженно брел в избу.

— Ну, чего ты не спишь, дядя Степан? — выговаривал ему Виктор. — Зачем меня караулить? Чтоб, значит, мне стыдно стало, что я тебя отдыха лишаю?

Он заваливался спать, а смиренный старовер, вздыхая, принимался готовить ему завтрак: в пять утра, через каких-то час-полтора после «отбоя», демобилизованный солдатик решительно вставал с постели и начинал собираться по грибы. И так — каждый божий день, без усталости и скуки.

К обеду Виктор приволакивал двухведерную корзину грибов, и дядя Степан, кряхтя и сетуя на ненасытного добытчика, усаживался их чистить, потом отваривать, жарить-парить... А юный Венгеров только теперь мог нормально поспать — аж целых три часа...

Именно в грибном походе Виктор и нашел свой первый в жизни клад.

Глава двадцать четвертая

Его излюбленным местом были окрестности Иншинского рыбхоза: каскады рукотворных озер окружены хвойными лесами и лиственными рощами, а живности тут — ползающей, прыгающей, летающей и плавающей — обретается видимо-невидимо. Во всяком случае, по меркам Подмосковья.

Когда-то здесь привольно жилось именитым русским династиям, о чем по сей день напоминали думающим людям названия местных сел: Трубицыно, Троекурово... Впрочем, эти осиротевшие без барина крестьянские общины теперь больше походили на погосты. И даже формально селами они давным-давно быть перестали: от церквей, наличие которых превращает деревни в села, сохранились только поросшие бурьяном подклети...

Как только Виктор садился на ранний автобус, курсирующий вдоль доживающих свой срок деревень, он разительно менялся, становился совсем иным человеком. Проходя мимо подслеповатых избенок, каждую из которых уже узнавал в лицо, он останавливался у любимого колодца, где была самая вкусная вода, наполнял свою солдатскую флягу. Из халупы, что напротив иссохшего «журавля», выходил с двумя ведрами на коромысле такой же иссохший длинный дед и, пряча радость в слезящихся глазах, здоровался с Венгеровым, начинал мусолить самокрутку.

— Приехал, значит? — начинал разговор застрявший на этом свете старик, пыхая кислым дымом.

— Ну да...

— За грибами?

— За грибами...

Этот ритуальный диалог, повторявшийся изо дня в день, вовсе не раздражал Виктора. На душе его было покойно и тихо. Они садились на приступку колодезного сруба, и дедок, щурясь на восходящее солнышко, рассказывал про барина Троекурова, как начал он, было, строить в селе электростанцию, да не успел, революция помешала...

— А сколько тебе лет-то, дедушка? — кричал ему в ухо Венгеров.

— Не знаю, — виновато глядел на него старик.

— Сто? — допытывался Виктор.

— Мож, и сто...

Через полчаса дед спохватывался:

— Ты иди, нечего меня, дурака, слушать. А то грибов не наберешь.

— Наберу, — говорил на прощание Виктор и уходил в лес.

Он привык ходить одним и тем же маршрутом, наперед зная, где какие грибы найдет. И это было намного интереснее и радостнее, чем ходить наудачу. Позже этот принцип — заранее знать, где и что он откопает — стал его профессиональным кредо кладоискателя.

В тот раз Виктор почему-то впервые обратил внимание на высоченную, разлапистую сосну, одиноко стоявшую посреди давно не паханого поля. Посвистывая, он с полной корзиной грибов свернул к только что «открытому» им дереву, будучи почему-то уверенным, что отыщет под ним ядреный обабок — так в здешних краях назывались боровики-переростки. А подойдя поближе, понял, почему до сих пор древнюю сосну не сгубила дурная пила: ствол мало того что был изогнут и бугрист, так его еще сильно повредила молния. Исследовав подножие дерева, Виктор даже не удивился, приметив краешек светло-коричневой шляпки, показавшийся из толщи хвои. Все правильно, так и должно быть...

Он сел на корточки рядом с грибом, разгреб сухие иголки. Надо же, вот так обабок! Он буквально врос в песчаную почву, и его придется не вытаскивать, а выкапывать.

Виктор достал нож и принялся рыть землю вокруг боровика. Начало уж казаться, что ножка его, толщиной с кулак, до бесконечности будет расти вглубь. И тут острие ножа скребануло по металлу...

Песок раскидался легко, и Венгеров выворотил тяжеленный, полуметровый кувшин. Сердце заколотилось, запело от радости и счастья. Он быстро определил, что кувшин из серебра, хотя почему-то не почернел за столько лет пребывания в земле. На доньшке виднелась проба — 84, штамп с Георгием Победоносцем и длинное клеймо с фамилией «Сазиковъ». Эту фамилию Виктор уже встречал на ложках дяди Степана.

Кувшин был явно не пустой, и он отколупнул серебряную крышечку. Через секунду на хвою посыпались старинные монеты. Это были рубли с профилем последнего императора, причем изображение потемнело в отличие от кувшина. Знал этот Сазиков какой-то секрет, что ли?..

Лишь гораздо позже, через много лет, Венгеров узнает, что примерно в это же самое время под солеей Ольгинской церкви Раменского района некий святотатец обнаружил клад церковных ценностей... И еще узнает, что 1990-99 годы были самыми урожайными для кладоискателей, земля словно исторгала из себя спрятанные сокровища...

Виктор вдруг сообразил, что сидит посреди поля, заметный со всех сторон. Он лихорадочно собрал монеты обратно в кувшин, вывалил грибы на землю и уложил закупоренный кувшин на дно корзины. Сверху укрыл первыми попавшимися под руку грибами и пошел в сторону Трубицина, да так, чтобы за версту миновать деревню.

Неожиданно рядом резко затормозил полицейский «Урал» с коляской, на Виктора с усмешкой глядел краснолицый старшина. И как это Венгеров не услышал стрекотания мотоцикла?..

— Из рыбхоза прешь, браконьер недоделанный? — беззлобно осведомился страж порядка.

— Грибы это, товарищ милиционер, — жалобно начал оправдываться Виктор. — Да у меня ведь ни удочки, ни подсачника нету...

— Сейчас посмотрим, какие у тебя грибы...

Старшина соскочил с мотоцикла, бесцеремонно опрокинул корзину, и кувшин со стуком покатился по бетонке. Монеты рассыпались веером.

— Славный грибочек, — одобрительно проговорил старшина. — Моей бабе в самый раз под квасок. Вроде, люминьевый... Или серебряный? — И, наклонившись, ссыпал остатки монет под ноги Виктору: — Собирай, коли тебе эта дрянь нужна.

Ему даже не пришло в голову спросить, откуда у грибника взялись все эти диковины.

Засунув кувшин в люльку, страж поехал, было, дальше, но Виктор вдруг с ужасом увидел, что он разворачивает «Урал» обратно. Поравнявшись с Венгеровым, старшина крикнул, перекрывая стрекот мотора:

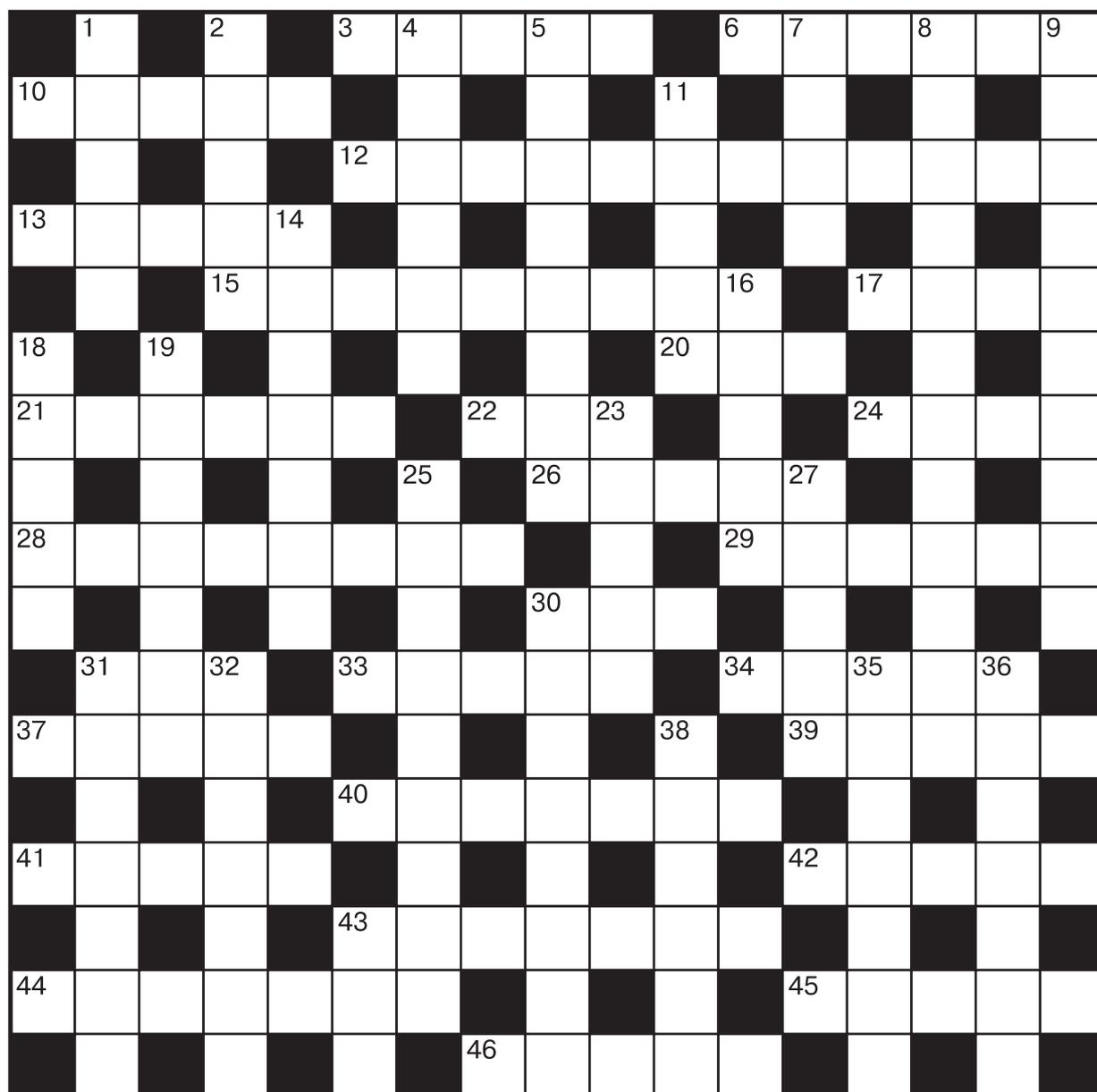
— Слышь, мухомор! Тебе рыба-то нужна? Возьми у меня, куда мне столько!

Чтоб не прогневать милиционера, которого аж распирало от сознания собственного великодушия, Венгеров, глотая слезы, принялся накладывать в корзину трепещущих карпов.

— Хорош, — остановил его старшина. — Да грибами-то сверху лучше прикрой, мало ли что! Тут не я один патрулирую... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Мадридский Эрмитаж. **6.** «Кумир миллионов». **10.** Самая ходовая валюта в Индии. **12.** «Финансовое ... кончается вместе с охранниками». **13.** «Свободное время — пространство для развития личности» (классик коммунизма). **15.** Узор из полицейской базы данных. **17.** Кто в кинокомедии «Кав-

казская пленница» не вполне удачно стреляет из рогатки огурцом? **20.** Какой орган вдохновил Николая Гоголя на написание повести? **21.** Самый яркий из спутников Урана. **22.** «Лучше бы комары сосали ..., а не кровь». **24.** «Созвездие барана». **26.** Монарх, исповедующий ислам. **28.** Участь Йети из мультфильма «Корпорация

монстров». **29.** Стержень, чтобы детали царапать. **30.** «Иметь бледный ...» перед начальством. **31.** Шеф команды архангелов. **33.** Металл, связанный не только с атомной бомбой, но и с лечением психозов. **34.** Старейший король из чешских народных сказок. **37.** Где продают, торгуясь? **39.** «Общая ... связывает сильнее, чем общие интересы». **40.** Последняя по алфавиту страна в ЕС. **41.** Каждый из экспонатов подводного музея близ крымского мыса Тарханкут. **42.** Какую роль играет героиня водевиля «Лев Гурыч Синичкин»? **43.** Где товар «показан лицом»? **44.** Какого императора Древнего Рима супруга грибами отравила? **45.** Какая рыба после рождения оставляет пустым «дьявольский кошелек»? **46.** Какой эстрадной дивой искренне восхищаются Бейонсе и Рианна?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Китайка среди диснеевских принцесс. **2.** Любимый музыкальный стиль Дэвида Духовны. **4.** Декабрист с обложки «Полярной

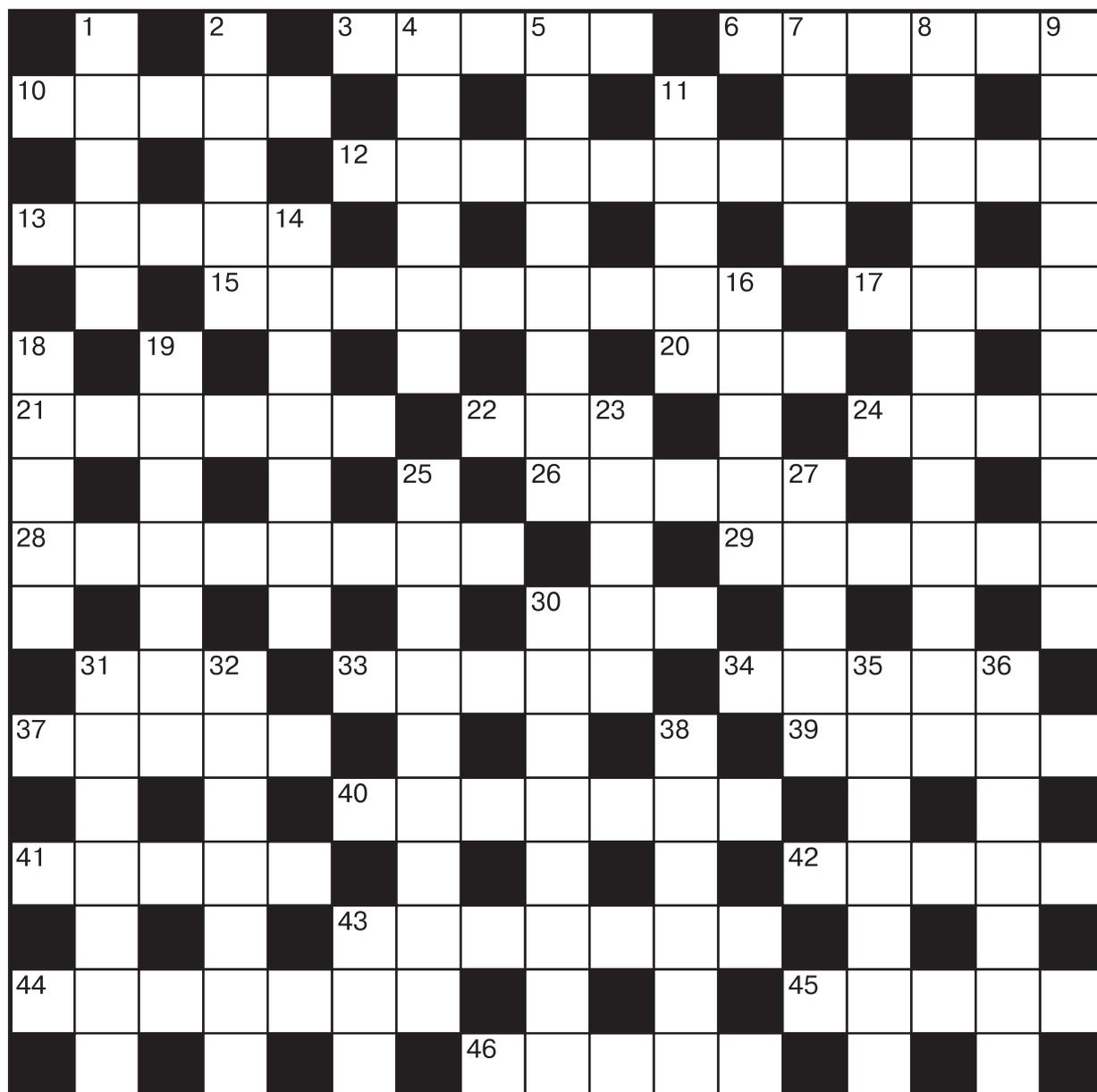
звезды». **5.** Кто «держит дверь на замке» для новых истин? **7.** Какой зверь стал талисманом чемпионата мира по футболу 2018 года? **8.** Какой фильм связал Альфреда Хичкока с великим Сальвадором Дали? **9.** Какую русскую императрицу сыграла Фанни Ардан в исторической драме «Распутин»? **11.** Кто сует свой нос в чужие государственные секреты? **14.** Мебель для регистратуры. **16.** Шут на сцене. **18.** «Постоянная головная боль» итальянской Фемиды. **19.** Какую версию консилиум обсуждает? **23.** Какой опасный элемент образуется при распаде урана и тория? **25.** Первый из великих артистов балета, кто надел на сцене трико. **27.** Мультяшный герой с голосом Сергея Безрукова. **30.** Какая ягода взрывается в микроволновке? **31.** Способность лошади сохранять равновесие в прыжке. **32.** В честь какого из болгарских городов назван астероид, открытый первого апреля? **35.** Морской волк. **36.** Самое фирменное в Вене мясное кушанье. **38.** Знак для того, кто понимает. **43.** Хрон Монадович у братьев Стругацких.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Кокс. **3.** Азия. **7.** Обыск. **11.** Залп. **12.** Филиппины. **13.** Абель. **14.** Квас. **17.** Гарем. **20.** Печень. **21.** Лун. **22.** Разведка. **24.** Дракон. **28.** Пентаграмма. **29.** Анатом. **30.** Обман. **34.** Волосожар. **37.** Бриолин. **38.** Радио. **39.** Отлив. **41.** Магия. **42.** Досье. **43.** Итон. **44.** Индия. **45.** Сигал. **46.** Шторм. **47.** Сите. **48.** Банда.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кофе. **2.** Колчан. **4.** Змия. **5.** Язык. **6.** Ялта. **8.** Бабочка. **9.** Саленко. **10.** Аппер. **15.** Ведьма. **16.** Спад. **17.** Гутенберг. **18.** Манго. **19.** Аврал. **23.** Страхование. **25.** Ренуар. **26.** Китч. **27.** Нимб. **31.** Сон. **32.** Болтанка. **33.** Холифилд. **34.** Виминал. **35.** Радость. **36.** Синьоре. **40.** Фикс. **41.** Мост.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Кто из голливудских патриархов выпустил книгу «Уникальный экземпляр»? **6.** Чилийский соус с бананами. **10.** Где когда-то платили налоги за право звонить в колокольчик и бить в барабан? **12.** Искусство военной осады городов в античные времена. **13.** Тролль с рыбками в груди из романа «Цвет волшебства». **15.** Астро-

номическое шоу. **17.** Деревянная коробочка под сакэ прежде у японцев. **20.** «Особо ценный» виноградник. **21.** Сводный брат волшебницы Медеи, расчлененный мечом собственной сестрой. **22.** «Соловей из ельника». **24.** Инопланетная раса из боевика «Стражи Галактики». **26.** Пустыня с копиями царя Соломона. **28.** Кто преподносит Воланду отре-

занную голову Михаила Берлиоза? **29.** Французский кафтан XV–XVI веков. **30.** Оружие олигарха. **31.** Голубь из мультиков про черепашек-ниндзя. **33.** Якутский колдун. **34.** Последний напиток в жизни героя романа «Вечер в Византии». **37.** Румба с Антильских островов. **39.** Наставник чайки Джонатана Ливингстона. **40.** Кто сгубил Елену из пушкинских «Песен западных славян»? **41.** Любимый головной убор Изабеллы Баварской. **42.** Кто из афинских ораторов слыл самым ярким противником Демосфена? **43.** Что Фаина Раневская считала «самой отвратительной» графой в паспорте? **44.** «Главный актер» из рассказа «Немейский лев» Агаты Кристи. **45.** На какой реке построена самая мощная ГЭС в мире? **46.** Какого министра убил эсер Егор Сазонов?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Медовая шипучка». **2.** Самое большое термальное озеро в Европе. **4.** Язык смайликов. **5.** Галерея вдоль борта на античном судне, где размещались гребцы. **7.** Первый по течению город на Волге. **8.** Метод создания спец-

эффектов в фильме «Мир юрского периода». **9.** Дневная бабочка, у которой на крыльях нарисованы два глаза, отпугивающие птиц. **11.** С каким ледоколом связан первый сигнал бедствия, переданный Александром Поповым по изобретенному им радио? **14.** Какой боксер предпочитает ближнюю дистанцию? **16.** Хорватский танец. **18.** Взятка на старинный лад. **19.** Американский дикий пони. **23.** Кто дарит девушке в Тунисе белые тапочки, чтобы показать серьезность намерений? **25.** Какую птицу легко отыскать среди фигур в синхронном плавании? **27.** С кем Печорин заключает пари в «Фаталисте»? **30.** Шотландская шапочка. **31.** Кто придумал пивную пробку? **32.** С каким императором связана традиция раскрашивать пасхальные яйца? **35.** Расшифровка личного генома. **36.** Мировая религия, имя основателя которой неизвестно. **38.** Кто познакомил Николая Рериха с классической музыкой, которой он до того пренебрегал? **43.** Единственный обладатель «Золотого мяча», сборная страны которого никогда не играла на чемпионатах мира.

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Бата. **3.** Яшма. **7.** Кадзи. **11.** Нгоу. **12.** Шифропанк. **13.** Прево. **14.** Асак. **17.** Пурим. **20.** Агнойа. **21.** Фет. **22.** Вергельд. **24.** Мавсол. **28.** Неврастения. **29.** Диббук. **30.** Фюрст. **34.** Бертильон. **37.** Адвокат. **38.** Сейба. **39.** Кошут. **41.** Фенек. **42.** Кюбид. **43.** Апач. **44.** Очкур. **45.** Сильф. **46.** Манси. **47.** Жете. **48.** Лашан.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Буше. **2.** Тэфнут. **4.** Шлак. **5.** Анка. **6.** Фота. **8.** Агранов. **9.** Завойко. **10.** Хорив. **15.** Салгир. **16.** Кадм. **17.** Пенемюнде. **18.** Месси. **19.** Аггер. **23.** Красноречие. **25.** Абидос. **26.** Сабо. **27.** Лука. **31.** Сет. **32.** Оттолчка. **33.** Клаузура. **34.** Башелье. **35.** Ненюфар. **36.** Обнинск. **40.** Хадж. **41.** Фаст.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2021 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 179 рубля 30 копеек	За 1 номер — 215 рублей 60 копеек
За полугодие — 1075 рубля 80 копеек	За полугодие — 1293 рублей 60 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны –
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше “мышки”?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься, и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению – ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года. Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

